

сентябрь – октябрь
5 (91) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**
- 6 ТИХОНОВА В. А.**
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ
- 14 КАЗАКОВ Е. Ф., ГАВРИЛОВ О. Ф., ГАВРИЛОВ Е. О.**
СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРЕДЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ
«НАЧАЛА» И «КОНЦА» ИСТОРИИ
- 23 ПУГАЧЕВА Л. Г., САХНО Д. А.**
ИДЕИ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ 60--80-Х ГОДОВ XX ВЕКА
- 35 КИБАЛКО В. В., БОРИСОВ С. Н.**
ПРАЗДНИК И САКРАЛЬНОЕ: РЕТРОСПЕКТИВА
- 42 ЛУКИНА О. Г., БЫЧКОВ Ю. А., РЕШ О. В.**
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПТИЦЫ И
ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ТРАДИЦИОННЫХ
КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ СЕВЕРА
- 51 МИРОНОВ А. В.**
ПЛАТОН О МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ:
ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
- 59 ВОЕВОДИНА Л. Н., БЕЗВЕРХАЯ Е. А.**
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАТЕТИЧЕСКОГО В ЭСТЕТИКЕ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (1917–1920 гг.)
- 67 СУМИНОВА Т. Н.**
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ
О ПРИРОДЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА
- 74 МАЛЕЕВ В. С.**
ЗАПАХ И ВКУС В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ
МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ НОВОГО ТИПА

- 83 КОЩЕЕВ А. Е.**
ГЛАМУР В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДЫ
- СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 92 ЯРОШЕНКО Н. Н.**
ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОСУГА» В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
- 102 ШАРКОВСКАЯ Н. В.**
МОДУСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
- 111 ЧЕРНИКОВ И. А.**
СОВРЕМЕННЫЙ ДОСУГ:
МЕЖДУ СВОБОДОЙ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ
- 121 ПРОКУДИНА Д. А.**
КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ МОНОГОРОДОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
- 131 ГЕНЕНКО О. Н., РЯДНОВА С. А., ЕФРЕМОВА Н. В.**
ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- 142 ОЛЕНИНА Г. В., ФРОЛОВА А. С.**
ИНТЕГРАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
- 151 ИГНАТКИН А. Н.**
ФОРМИРОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
- ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**
- 162 ЛОПАТИНА Н. В.**
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ УЧАСТИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
- 172 САХАРЧУК Е. С.**
ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ
- 182 ТРЕТЬЯКОВА Т. Н., СЫРОМЯТНИКОВА Ю. А., ФРЕЙНКИНА И. А.**
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСКУРСОВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА

Septemb – October
5 (91) 2019
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURES**
- 6 TIKHONOVA VALERIYA A.**
NATIONAL IDEA IN THE SYSTEM OF STATE IDEOLOGY
- 14 KAZAKOV EVGENIY F., GAVRILOV OLEG F., GAVRILOV EVGENIY O.**
ESSENCE OF THE HUMAN IN EXTREME VALUES OF "BEGINNING" AND "END" OF HISTORY
- 23 PUGACHEVA LIUDMILA G., SAKHNO DMITRY A.**
IDEAS OF INDIVIDUAL FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN DOMESTIC AND FOREIGN CINEMA OF THE 60–80TH OF THE XX CENTURY
- 35 KIBALKO VASILISA V., BORISOV SERGEY N.**
FEAST AND SACRED: RETROSPECTIVE
- 42 LUKINA OLGA G., BYCHKOV YURY A., RESH OLESYA V.**
MYTHOLOGICAL IMAGES OF BIRDS AND ORNITHOMORPHIC SYMBOLISM IN TRADITIONAL CULTURES OF THE PEOPLES OF THE NORTH
- 51 MIRONOV ANDREY V.**
PLATO ON MUSICAL ART: EXPERIENCE OF SYSTEMATIC ANALYSIS
- 59 VOEVODINA LARISA N., BEZVERKHAYA ELIZAVETA A.**
REPRESENTATION OF THE PATHETIC IN AESTHETICS AND ARTISTIC CULTURE (1917–1920TH)
- 67 SUMINOVA TATYANA N.**
A. SCHNITTKE'S AESTHETIC IDEAS ABOUT THE NATURE OF MUSICAL CREATIVITY
- 74 MALEEV VITALIY S.**
SMELL AND TASTE AS A CULTURAL HERITAGE: POSSIBILITIES OF A MODERN MUSEUM

83 KOSCHEEV ARTEM E.

GLAMOUR IN THE SPACE OF MODERN VARIETY ART

**SOCIAL AND
CULTURAL
ACTIVITY**

92 YAROSHENKO NIKOLAY N.

THE CONCEPT OF "LEISURE CIVILIZATION" IN THE
CONTEXT OF FOREIGN SOCIAL AND CULTURAL RESEARCH

102 SHARKOVSKAYA NATALIYA V.

MODES OF GLOBALIZATION IN SOCIAL AND O-CULTURAL
ACTIVITY: AN ANTHROPOLOGICAL ASPECT

111 CHERNIKOV IVAN A.

MODERN LEISURE: BETWEEN FREEDOM AND CONSUMPTION

121 PROKUDINA DARIA A.

CULTURAL PRACTICES AS A FACTOR IN THE REVIVAL
OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: FOREIGN EXPERIENCE

**131 GENENKO OKSANA N., RYADNOVA SVETLANA A.,
EFREMOVA NINA V.**

FORMATION OF IMAGE OF INSTITUTIONS
OF CULTURE OF SMALL TOWNS AS A NECESSARY
TOOL THEIR EFFICIENT ACTIVITY

142 OLENINA GALINA V., FROLOVA ANNA S.

INTEGRATION OF THE ACTIVITY OF RURAL
CULTURAL INSTITUTIONS: A REGIONAL ASPECT

151 IGNATKIN ANTON N.

THE FORMATION OF THE AUDIOVISUAL CULTURE
OF CHILDREN IN INSTITUTIONS OF FURTHER EDUCATION

**CULTURAL
EDUCATION**

162 LOPATINA NATALIYA V.

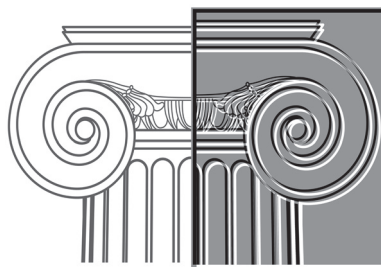
PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR THE PARTICIPATION
OF EMPLOYERS IN THE EDUCATIONAL PROCESS:
THE EXAMPLE OF LIBRARY AND INFORMATION EDUCATION

172 SAKHARCHUK ELENA S.

FURTHER TRAINING OF EMPLOYEES OF A TOURISM COMPANY
AS A COMPONENT OF A KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM

**182 TRETIAKOVA TATIANA N., SYROMIATNIKOVA YULIA A.,
FREINKINA IRINA A.**

FORMATION OF EXCURSION COMPETENCE
OF BACHELORS OF TOURISM

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

УДК 008:316.75

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10501

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры

В статье анализируется взаимосвязь национальной идеи и государственной идеологии применительно к современной России. Автор исходит из того, что в концептах «надпартийная идеология» и «интегративная национальная идея» выражены два вектора российского конституционализма. Первый вектор, который стал определяющим в 1990-е годы в постсоветской России, связан с идеологией «деидеологизации», что на деле означает принятие либеральной модели культурно-цивилизационного развития. Второй вектор, связанный с интегративной ролью национальной идеи, предполагает обращение к традиционным ценностям, где не отдельный индивид, а род, коллектив, общество в целом – точка отсчёта Конституции и, соответственно, государственной идеологии. Отсюда своеобразие концептов «сильная власть» и «сильное государство», которые в русской ментальности традиционно ассоциируются не с тиранией, а с защитой. В итоге, согласно современной российской государственной идеологии, сильное государство должно опираться не только на систему формального права и безукоризненное исполнение законов, но и на традиции народной поддержки власти. Гражданственность в современной России означает не только развитое правосознание, но и патриотизм, который предполагает защиту государственного суверенитета и поддержку национальных Вооружённых сил.

Ключевые слова: государственная идеология, национальная идея, конституционализм, либеральная модель, концепт сильного государства, патриотизм, гражданственность.

Valeriya A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

NATIONAL IDEA IN THE SYSTEM OF STATE IDEOLOGY

The relationship between the national idea and the state ideology in relation to modern Russia is analyzed in this article. The author proceed from the premise that the “post-partisan ideology” and “integrative national idea” concepts express two vectors of Russian constitutionalism. The first vector that became decisive in post-Soviet Russia in the 90s is associated with the ideology of “deideologization”

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, expert in scientific work management, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail: tikhonovava@mail.ru

© Тихонова В. А., 2019

which practically means a liberal cultural and civilizational development model. The second vector, associated with the integrative role of the national idea, means an appeal to traditional values, where not an individual, but a genus, a collective, a society as a whole is the benchmark point of the Constitution and the state ideology respectively. Hence the singularity of the “strong power” and “powerful state” concepts which are traditionally associated not with tyranny but with protection in the Russian mentality. As a result, according to the modern Russian state ideology, a powerful state should rely not only on the system of formal law and impeccable execution of laws, but also on the traditions of popular support for the government. In modern Russia the civic spirit means not only a developed legal consciousness but also patriotism, where the protection of state sovereignty and support for the national armed forces is embedded.

Keywords: state ideology, national idea, constitutionalism, liberal model, powerful state concept, patriotism, civic spirit.

Для цитирования: Тихонова В. А. Национальная идея в системе государственной идеологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 6–13 . DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1051

Сегодня в России в очередной раз идут дискуссии о направлении её культурно-исторического развития, о той культурно-цивилизационной модели, которая наиболее адекватна для достижения благополучия в будущем. В центре этих споров оказывается проблематика политической культуры, которая связана не только с формой государственности, но и с традициями, историческим типом ментальности – всем тем, что уже более двух столетий в нашей стране сопрягается с понятием «национальная идея». Проблематика политической культуры и государственной идеологии оказывается сегодня на границе интересов правоведов, с одной стороны, и историков и культурологов – с другой. И в этом выражается своеобразии исторической судьбы России, которая в наши дни, как и в прошлом, находится в ситуации культурно-цивилизационного «пограничья».

Ныне, как и в начале 1990-х, актуальны вопросы, нужна ли России государственная идеология и каково в таком случае её сущностное содержание. В значительной степени это связано с тем, что в Конституции Российской Федерации, согласно положению ч. 2 ст. 3, указано, что «никакая идеоло-

гия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7, с. 13]. Но означает ли это тотальную деидеологизацию государственной жизни, а заодно и всей культуры? Учитывая критику этого пункта Конституции, Председатель Конституционного суда России В. Д. Зорькин разъясняет, что «данный конституционно-правовой декрет относится ко всем партийным идеологиям, но никак не к конституционализму» [3, с. 13], и при этом отмечает, что в современной России актуально именно «утверждение конституционализма как общегосударственной, надпартийной идеологии и интегративной национальной идеи» [3, с. 13].

В данном случае акцент сделан не на политико-правовой стороне конституционализма, связанной с верховенством правового закона и способами его реализации, а на его историческом содержании. Мы также сосредоточимся на философско-культурологическом аспекте этой проблемы.

Что есть конституционализм как «надпартийная идеология»? Ведь исторически конституционализм утверждал себя в буржуазных революциях через идеи гражданских прав и свобод, свободы частной соб-

ственности в том числе. В содержательном плане под конституционализмом чаще всего имеют в виду гарантию Конституцией прав гражданина. По-другому это называют идеологией либерализма, которая с момента своего победного шествия в XVII–XVIII веках уже продемонстрировала свой достаточно противоречивый характер. История XX века ещё раз показала, что оптимизм по поводу либерального проекта цивилизации и культуры не абсолютен. В наши дни в рамках либерального проекта свобода и равенство часто оборачиваются «диктатом толерантности».

Именно потому, что конституционализм в социально-культурном смысле предполагает вполне определённое либеральное видение устройства государства, его целей и ценностей, в оппозиции к подобной трактовке конституционализма в разное время были разные силы. Наиболее остро этот вопрос встал после крушения колониальной системы в середине XX века, когда в большинстве освободившихся колоний не получила поддержки та модель конституционализма, которая господствовала в метрополиях.

И сегодня неоднозначность понимания конституционализма просматривается в обсуждении проблемы государственной идеологии применительно к постсоветской России. Ведь там, где В. Д. Зорькин характеризует конституционализм как «интегративную национальную идею», речь уже идёт о таком подходе к конституционализму, который связан с обязательным присутствием в общегосударственной идеологии всего ценного, что сохранилось в национальной традиции и должно быть гарантировано современной правовой системой. Таким образом, на наш взгляд, в концептах «надпартийная идеология» и «интегративная национальная идея» выражены два

вектора российского конституционализма. Первый вектор, который стал определяющим в 1990-е годы в постсоветской России, связан с идеологией «деидеологизации», на деле означающей либеральную модель культурно-цивилизационного развития. Второй вектор, который связан с интегративной ролью национальной идеи, предполагает обращение к традиционным ценностям, где не отдельный индивид, а род, коллектив, общество в целом – точка отсчёта Конституции и, соответственно, государственной идеологии. Каким же образом и в каких содержательных моментах национальная идея интегрируется в современную государственную идеологию?

Уже само понятие национальной идеи предполагает существование тех культурно-историческими основ, которые определяют самосознание народа, целостность его «внутренней» духовной среды и составляют особенности менталитета нации. И то государство будет пользоваться поддержкой народа, стратегический курс которого, цели и их реализация адекватны основополагающим принципам национальной идеи, её морально-этической основе, чертам национального характера. В связи с этим становится очевидным, что только в этом контексте идеология будет служить консолидации общества и народ будет считать естественным долг по защите этого государства. Иначе говоря, национальная идея – это консолидирующая духовная сила, способствующая гармонизации интересов народа и государства.

Следует подчеркнуть, что одной из причин актуализации проблемы интегрированности национальной идеи в государственную идеологию являются «вызовы» современного этапа глобализации, характеризующегося трансформацией принципов культурного взаимодействия, что вызывает

возрастающую потребность защиты национальных культур, многообразия их идейных приоритетов. Как отмечает В. Д. Зорькин, «современный мир находится сейчас в точке бифуркации, после которой развитие человечества может пойти по самым разным, в том числе и негативным сценариям» [3, с. 5]. В связи с этим он пишет, что «предстоящий человечеству экзистенциальный выбор пути на обозримую перспективу в немалой степени зависит от того, какая идея справедливости будет взята в качестве главного мировоззренческого ориентира» [3, с. 5]. Причина указанных сдвигов – столкновение различных мировоззренческих ориентиров субъектов мировой глобальной системы вследствие «опасной тенденции к мировоззренческой однополярности в трактовке справедливости», «навязывании всему миру (в том числе и посредством современных информационных технологий) односторонних представлений о справедливости, ориентированных на западные моральные ценности и отвечающих интересам наиболее влиятельных акторов системы глобальных отношений» [3, с. 5].

Основаниями национальной идеи русского народа как государствообразующего в многонациональной России всегда были коллективизм, патриотизм, социальная справедливость. У этой проблемы, однако, есть ещё один культурно-исторический аспект. Означает ли коллективизм соборность, а патриотизм – державность? Здесь перед нами возникает проблема трансформации национальной идеи в процессе культурного развития страны, диалектики традиции и новации применительно к национальной идее и, прежде всего, государственности, учитывая, что концепт государственности определяет трактовку государства в качестве основного творца российской истории.

Н. М. Карамзин подчёркивал, что история должна воспитывать гражданские чувства, а через знакомство с прошлым опытом, культурными традициями русского народа формировать его нравственные ценности. «Читая Карамзина, – пишет профессор О. А. Жукова, – мы можем понять нашу историю как живую часть духовного опыта нации, восстанавливая тем самым историческое сознание в современном российском обществе. “История государства Российского” Николая Михайловича Карамзина сможет взять на себя роль культурного предания, вокруг которого должен выстраиваться общественный договор – согласия нации по поводу настоящего, прошлого и будущего России. Тогда работа по осмыслению отечественной истории, начатая Карамзиным, позволит прошлому стать живой частью культурного опыта нации» [2, с. 115]. Но каким именно образом опыт исторического прошлого формирует духовные предпочтения современного россиянина в условиях активизации споров об идее «сильного государства» в контексте современной государственной идеологии?

Философскую основу разногласий относительно идеи сильной государственности составляют различия русской и западной традиций в определении приоритета личности и общества. По мнению В. Л. Иноземцева, «в отличие от Запада, где предполагалось, что для того, чтобы любить свою страну, страна должна располагать к этому, в России смысл существования государства никогда не подвергался сомнению» [7, с. 64]. Несмотря на то, что сам учёный не разделяет подобной точки зрения и склоняется к сложившимся на Западе либеральным трактовкам относительно приоритета личного перед общественным, он признаёт особый статус государства и государственности в качестве отличительной чер-

ты российской идентичности, заявляя, что «российская идентичность определяется и, возможно, наиболее фундаментальным образом, – значением в жизни общества некоего феномена, который в России именуется государством» [7, с. 55].

Понятно, что В. Л. Иноземцев главной мишенью критики в книге «Несовременная страна Россия в мире XXI века» избрал политику суверенности Российского государства, а значит, консолидации общества на фоне отказа от практики перестроечных 1990-х годов. Демократию, в понимании В. Л. Иноземцева, можно построить лишь по западным рецептам, что и составляет единственную возможность приобщения России к «современному» миру. Соответственно, «несовременность» России выражается в особой роли государства, которое выглядит «как обязательное условие существования нации и потому не предполагает к себе критического отношения» [7, с. 75]. Но что есть «сильное государство» и «сильная власть»? Является ли их атрибутом авторитаризм, на что недвусмысленно указывает В. Л. Иноземцев? В этих вопросах нельзя руководствоваться эмоциональными суждениями и личностными пристрастиями / антипатиями, а научный анализ этих вопросов не возможен без историзма, то есть обращения к традициям осмысления этой проблемы не только на Западе, но и в отечественной общественно-философской мысли.

Целесообразно в связи с этим обратиться к духовному наследию отечественной общественной мысли, в частности, к оценке роли «сильного государства», отражённой в «русской идее». Если у сторонников либеральных взглядов «сильное государство» ассоциируется с диктатом, идущим от органов власти, и ограничением прав личности, то русские мыслители Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. С. Соловьёв, Г. П. Федотов,

творчество которых во многом было посвящено «русской идее», делали акцент не на диктате, а на консолидации, а именно – консолидации народа вокруг российской государственности. А последнее они связывали с судьбой русского народа. Если в Европе государства возникали как следствие формирования наций, то в русской истории именно создание государства стало основой формирования единой нации. Н. А. Бердяев, разъясняя смысл русской идеи, связывает её с исторически сложившейся ментальностью русского народа, у которого протестные выступления, то есть восстания и бунты, не носили антигосударственного характера, а напротив – их основу составляло стремление восстановить государство как «защитника правды», которое силой своего могущества и влияния обеспечило бы надежды на справедливость [1, с. 15]. В сознании народа «сильное государство» и «сильная власть» означали не ставку на насилие и страх как залог «порядка», а гарантию справедливости и защиты от тирании. Таким образом, в современной государственной идеологии понятие «сильная власть» основывается не только на праве и безукоризненном исполнении законов, но и на традициях народной поддержки власти.

В этом контексте интересна трактовка государственности и демократии известного русского философа И. А. Ильина, который определяет демократию как самобытный организм со своими особенностями формирования и самобытными духовно-нравственными ценностями. «Поэтому, – пишет он, – нельзя создать повсеместно пригодных социальных идеалов и универсальных программ для всех народов» [6, с. 349]. При этом И. А. Ильин, делая акцент на солидарности как объединяющей государство духовной ценности, допускает возможность демократии лишь там, где

люди готовы идти на добровольные жертвы во имя народа и национальной государственности. Отмечая различия между Россией и Западом, И. А. Ильин пишет: «Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру» [4, с. 464]. Подобные мысли неприемлемы для современных «непримиримых критиков» прошлого и настоящего нашей страны, знающей многочисленные примеры мужества, жертвенности народа во благо государства, традиционно ассоциируемого с понятием Родины.

В свете предназначения государства организовать и защитить Родину как на основе «права», так и «справедливости» И. А. Ильин специально обосновывает необходимость создания армии и флота, что, в свою очередь, как он пишет, воздействует «на преданное и верное правосознание своих граждан» [5, с. 486]. Такие идеи сегодня особенно актуальны, учитывая накал критики со стороны противников нынешнего курса российского государства на укрепление суверенитета и оборонной мощи страны.

Интересно, что И. А. Ильин не связывал факт существования «сильного государства» с угрозой свободы личности. Наоборот, в этом, как он сам признавал, проявлялась диалектическая взаимосвязь двух, на первый взгляд, противоположных идей – свободы и государства. Согласно И. А. Ильину, «необходимо главное – чтобы государство жило в душе гражданина и чтобы гражданин жил интересами и целями своего государства» [5, с. 484].

Либеральная модель культурно-цивилизационного развития вырастает из частного интереса отдельного индивида, который признаёт общие интересы лишь средством защиты своих же индивидуальных интересов. Западному индивидуализму

русские мыслители уже в XIX веке противопоставляли общий интерес в душе человека, который преобладает в ней над частным, и именовали это соборностью. «Сущность государства, – писал по этому поводу И. А. Ильин, – состоит в том, что все его граждане имеют и признают – помимо своих различных и частных интересов – и единую цель, а именно общий интерес и общую цель: ибо государство есть некая духовная община» [5, с. 488–489]. Именно духовная общность способствует осознанию гражданином обязанностей перед государством и ответственности за его судьбу, принятию «интереса государства так, как он принимает свой собственный» [5, с. 489]. Патриотизм И. А. Ильин связывает прежде всего с проявлением «духовной солидарности» и признанием её со стороны граждан «не только умом, но и поддерживающих её силой патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками» [5, с. 485]. Весь исторический путь России подтверждает, что патриотизм – глубинный смысл национальной идеи и что «у нас нет никакой и не может быть никакой объединяющей идеи кроме патриотизма» [10]. Выражая благодарность гражданам страны, не допустившим её распада и утраты независимости в 1990-е годы, Президент России В. В. Путин особо обратил внимание на то, что «угроза эта висела в воздухе, и в большинстве своём люди её чувствовали. Мы тогда могли, конечно же, это было абсолютно реально, погрузиться в бездну крупномасштабной гражданской войны, утратить государственные единство и суверенитет и оказаться на периферии мировой политики. И только благодаря исключительному патриотизму, мужеству, редкому терпению и трудолюбию русского народа и других народов России наша страна была отодвинута от этой опасной черты» [9].

Несомненно, что в современной ситуации обостряющихся противоречий цивилизационного развития от российского государства требуются особые меры по консолидации гражданского общества на основе его эффективного взаимодействия с государственными институтами. И в таком историческом контексте патриотизм предполагает безусловную поддержку народом своих Вооружённых сил. В этом направлении сосредоточены главные силы либеральной пропаганды, идеологически подрывающей веру в нашу страну, которая якобы составляет угрозу для всего мира и демократии. Один из центральных пунктов государственной идеологии и национальной идеи заключается именно в том, что «безопасность страны зависит в первую очередь от того, насколько сильна её армия и насколько она в состоянии защитить свою страну. А ещё – от уверенности граждан в своей армии» [12]. Самосохранение России всегда базировалось на этом духовном основании. Здесь же лежат предпосылки решения задач по построению «сильного» социального государства. Таким образом, очевидна необходимость следования принципу объективности в защите исторической правды, в изучении культурно-исторических особенностей формирования национальной идеи и государственной идеологии. И это при том, что форма современной российской государ-

ственности продолжает оставаться дискуссионной проблемой в свете признания / отрицания государственной идеологии, которая, по словам В. Д. Зорькина, «отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое Россия сейчас претендует» [3, с. 12]. Обращение к историческому опыту и культурным традициям различных народов свидетельствует, что многие цивилизации исчезали из-за кардинальных изменений их культурных, духовно-нравственных основ. Что же касается России, то различные проекты её развития могли реализовываться только тогда и до тех пор, пока они коррелировались с ценностными принципами национальной идеи, основополагающими чертами национальными характера [11, с. 19–20].

В отличие от пессимистических предсказаний и нелестных оценок происходящих в России перемен можно констатировать, что цели и задачи стратегии её развития, поиски путей преодоления сложных проблем в политической и социально-экономической сферах, в международных отношениях могут и будут успешно реализовываться при ориентации на «духовную общность» государства и его граждан, на культурно-исторические традиции народа, отвечающие патриотическим основам национальной идеи.

Примечания

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / АН СССР, Научный совет по проблемам культуры. Репринтное воспроизведение. Москва : Наука, 1990. 222 с.
2. Жукова О. А. Читая Карамзина: философские вопросы российской истории // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 111–116.
3. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.
4. Ильин И. А. О русской идее // Возвращение. Минск : Белорусский экзархат, 2008. 480 с.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Избранное / сост., авт. коммент.: Т. А. Филиппова, П. Н. Баратов ; авт. вступ. ст. Т. А. Филиппова ; Институт общественной мысли. Москва : РОССПЭН, 2010.

6. Ильин И. А. Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1948 годов // Собрание сочинений. Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.
7. Иноземцев В. Несовременная страна Россия в мире XXI века. Москва : Альпина Паблшер, 2019. 404 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
9. Путин В. В. Выступление на Валдайском форуме 3 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2737908.html>
10. Путин В. В. Встреча с активом Клуба лидеров (февраль 2016) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263>
11. Тихонова В. А. Политическая культура российского общества: традиции и новации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 19–24.
12. Шойгу С. К. Интервью корреспонденту газеты «Московский комсомолец» от 22.09.2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/09/22/sergey-shoygu-rasskazal-kak-spasali-rossiyskuyu-armiyu.html>

References

1. Berdyayev N. A. *Istoki I smysl russkogo kommunizma [Sources and sense of the Russian communism]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1990. 222 p. (In Russian)
2. Zhukova O. A. Chitaya Karamzina: filosofskie voprosy rossiyskoy istorii [Reading Karamzin: philosophical questions of Russian history]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2016, no. 12, pp. 111–116. (In Russian)
3. Zor'kin V. D. Spravedlivost' – imperativ tsivilizatsii prava [Justice is an imperative of civilization of law]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2019, no. 1, pp. 5–14. (In Russian)
4. Ilyin I. A. O russkoy idee [About the Russian idea]. *Vozvrashchenie [Return]*. Minsk, Publishing house “Belarusian Exarchate”, 2008. 480 p. (In Russian)
5. Ilyin I. A. Put' dukhovnogo obnoveniya [The path of spiritual renewal]. Filippova T. A., Baratov P. N., comp. *Izbrannoe [Favorites]*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2010. (In Russian)
6. Ilyin I. A. Spravedlivost' ili ravenstvo? Publitsistika 1918–1948 godov [Justice or Equality? Journalism of 1918–1948]. *Sobranie sochineniy [Collected works]*. Moscow, Published by Orthodox St. Tikhon University of the Humanities, 2006. (In Russian)
7. Inozemtsev V. *Nesovremennaya strana Rossiya v mire XXI veka [A non-modern country. Russia in the world of the 21st century]*. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 404 p. (In Russian)
8. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 goda) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (In Russian)
9. Putin V. V. *Vystupenie na Valdayskom forume 3 oktyabrya 2019 goda [Speech at the Valdai Forum on October 3, 2019]*. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2737908.html> (In Russian)
10. Putin V. V. *Vstrecha s aktivom Kluba liderov (fevral' 2016) [Meeting with the Leaders Club asset (February 2016)]*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263> (In Russian)
11. Tikhonova V. A. Political culture of Russian society: traditions and innovations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 5 (73), pp. 19–24. (In Russian)
12. Shoigu S. K. *Interv'y u korrespondentu gazety “Moskovskiy komsomolets” ot 22.09.2019 goda [Interview with the correspondent of the newspaper Moskovsky Komsomolets on 09/22/2019]*. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2019/09/22/sergey-shoygu-rasskazal-kak-spasali-rossiyskuyu-armiyu.html> (In Russian)

*

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРЕДЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ «НАЧАЛА» И «КОНЦА» ИСТОРИИ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10502

Е. Ф. Казаков¹, О. Ф. Гаврилов¹, Е. О. Гаврилов²

¹Кемеровский государственный университет

²Кемеровский институт (филиал) Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

В статье дана авторская версия анализа становления сущности человека и её деградации в контексте современной культуры. Авторы исходят из того, что «начало» истории и её «конец» должны быть рассмотрены в органичном единстве и взаимодополнении. «Начало» истории интерпретируется как длительный процесс собирания отличительных качеств человека в его родовом значении: духовности, специфичной телесности, орудийной деятельности, символизма. Трактовка «конца» истории как достижения идеального состояния социального бытия и исчерпанности ресурсов качественного обновления общества с этой точки зрения требует дополнения. В статье рассмотрены особенности утопического сознания. Авторами предложен подход, в котором «конец» истории интерпретируется как диффузия становящейся сущности человека, редукция его базовых компонентов. Сделан вывод, что «начало» и «конец» истории лишены линейности, а проявляются гетерохронно, и в глобальном, и в локальном измерениях, в филогенезе и в онтогенезе.

Ключевые слова: человек, душа, антропогенез, «начало» истории, «конец» истории, сущность человека, постчеловек, гетерохронность.

¹КАЗАКОВ ЕВГЕНИЙ ФЁДОРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета

KAZAKOV EVGENIY FEDOROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, the Kemerovo State University

²ГАВРИЛОВ ОЛЕГ ФЁДОРОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета

GAVRILOV OLEG FEDOROVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, the Kemerovo State University

³ГАВРИЛОВ ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

GAVRILOV EVGENIY OLEGOVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, the Kemerovo Institute (Branch), Plekhanov Russian University of Economics

e-mail: kemcitykazakov@mail.ru¹, gof57@yandex.ru², gavrilich@yandex.ru³

© Казаков Е. Ф., Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О., 2019

Evgeniy F. Kazakov¹, Oleg F. Gavrilov¹, Evgeniy O. Gavrilov²

¹Kemerovo State University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Krasnaya Street, 6, 650000, Kemerovo Russian Federation

²Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Kuznetsky pr., 39, 650902, Kemerovo, Russian Federation

ESSENCE OF THE HUMAN IN EXTREME VALUES OF “BEGINNING” AND “END” OF HISTORY

The article gives the author's version of the analysis of the formation of the essence of human and its degradation in the context of modern culture. The authors argue that the «beginning» of history and its «end» should be considered in organic unity and complementarity. The “beginning” of history is interpreted by them as a long process of collecting the distinctive qualities of human in his ancestral meaning: spirituality, specific bodily activity, gun activity, symbolism. The interpretation of the «end» of history as the achievement of the ideal state of social existence and the exhaustion of resources of qualitative renewal of society from this point of view needs to be supplemented. The article considers the peculiarities of utopian consciousness. The authors propose an approach in which the “end” of history is interpreted as diffusion of the emerging essence of human, reduction of his basic components. It has been concluded that the «beginning» and «end» of history are devoid of linearity, and manifest heterochronous, both in global and local dimensions, in phylogenesis, and in ontogenesis.

Keywords: human, soul, anthropogenesis, «beginning» of history, «end» of history, essence of the person, post-human, heterochrony.

Для цитирования: Казаков Е. Ф., Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О. Сущность человека в предельных значениях «начала» и «конца» истории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 14–22. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1052

Ощущение катастрофического разлома сопровождает человека на протяжении всей истории. Экстремальные состояния духа заставляют его вновь и вновь обращаться к извечному вопросу – «кто я?». Поиск своей идентичности – процесс многогранный, но обязательно предполагающий определение временной аутентичности, то есть осознание своей сущности в перекрестии начала пути и его финала.

С нашей точки зрения, соединение временных пределов истории вместо обращённости к её «началу» и «концу» как к автономным научно-философским вопросам позволит увидеть нечто новое в становлении исторического самоопределения человечества. Этому препятствует традиционный, но не вполне адекватный методологический подход в трактовке значений «начала» и «конца» истории. Основной интерес

учёных-историков сосредоточен только на проблеме начала человеческой истории, будущее интересует таких специалистов постольку поскольку. Напротив, для философов исторический процесс предстаёт как целостность в своей развёртываемости от истоков к финалу, но трактовка ими «конца» истории требует критического анализа. Цель настоящего исследования – через интерпретацию содержания понятий «начала» и «конца» истории и прояснения связи между ними приблизиться к определению человеческой сущности в её исторической динамике.

«Начало» истории как опыт собираения «композиции» человека

Перечислим те аллюзии, которые вызывает понятие «начало» истории. «Начало» истории – это начало человека. «Первый чело-

век» рождается из «предчеловека», но формирование человека, по ряду важных параметров, не завершено. О незавершённости человека свидетельствует недооформленность его сущности. Практически каждое определение человека может быть оспорено контртезисом. Возможно, правильнее будет говорить о двойственной природе человеческой сущности; или даже о её многопорядковости. А может быть сущностная «размытость» даёт основание говорить о «человеке без сущности» [16, р. 743–751].

Будем отталкиваться от того, что сущность любого явления оформляется на этапе его зрелости. Недооформленность сущности человека даёт основание говорить о том, что до стадии зрелости он ещё далеко не добрался. Если телесно человек в значительной степени похож на других живых существ [13 с. 290–295], то, значит, его главное своеобразие – в не/сверхтелесном. Самым древним и глубоко проработанным в философии понятием для обозначения этого не/сверхтелесного является «душа». Отсюда, так актуально и сегодня сократовское определение: «человек есть душа» [12, с. 258].

Душа – внутренний нематериальный мир человека, мысляще-чувствующее начало, в котором сфокусирована его сущность. Внешний опредмеченный человеком мир (включая его внешность) – это душа «снаружи». Исходя из этого, человек в большей степени предстаёт не как *Homo sapiens*, а как *Homo animus* («человек душевный»).

Процесс становления человека (антропосоциогенез) тем самым развёртывается, по существу, в душевной жизни (представая душегенезом). Если оставить в стороне религиозно-мистическое понимание души, то она представляет собой «сумму» переживаний. Аристотель не случайно определяет её как «чувствительность» [2, с. 34]. Это – религиоз-

ные, моральные переживания, чувства красоты и любви. Облик человека проступает постепенно, на протяжении длительного времени. Анализируя этот процесс, мы вынуждены следовать логике археологических артефактов.

Внешний облик человека не может не быть, в определённой мере, результатом жизни его души. Первым телесным проявлением собственно человеческой душевной жизни выступает «гоминидная триада» (форма позвоночника; укороченные передние конечности; строение черепа). Самые ранние фрагменты скелета и черепа *Homo habilis* (уже имеющие черты «гоминидной триады») относятся к периоду 2,5 млн. лет назад [4, с. 93].

Особенности анатомии проточеловека предстают опосредованным выражением особенностей содержания и формы функционирования его души, прежде всего её осмысленной жизнедеятельности. Душевная жизнь, скорее всего, формировалась ещё до использования орудий. Следующим опредмеченным выражением становящейся собственно человеческой жизни предстают «орудия, изготовленные орудиями». Ими пользовался *Homo erectus* 1,8 млн. лет назад [1, с. 34]. Кроме того, он активно использовал шкуры в качестве одежды и пользовался огнём. Появившийся 200–150 тыс. лет назад *Homo sapiens* научился добывать огонь и овладел вербальной речью.

130–100 тыс. лет назад возник орнамент – первое дошедшее до нас проявление чувства красоты. У предчеловека пробуждается потребность в более совершенной красоте, чем красота окружающего мира.

Первые религиозные представления появились 100–50 тыс. лет назад [18, р. 11]. Это были анимистические верования, исходящие из представления об одушевлённости всего мира, наличия духов природы, обу-

славливающих функционирование всех её процессов.

Наряду с материальным посредником при взаимодействии человека с миром (орудием труда, оружием), появляется не/сверхматериальный посредник: миф, символ, метафора, знак. В результате человек из «животного, использующего орудия труда», превращается в «символическое животное» [7, с. 211].

Развёртывание саморефлексии осуществляется и в создании «автопортретов» в виде отпечатка расплывчатой пятерни (пещера Пеш-Мерль, Франция) [17, р. 23]. Возможно, это – первая попытка самоидентификации. Если кисть руки – самое «совершенное орудие труда» [11, с. 84], то пятерню можно считать первым «социальным автопортретом» предчеловека.

Около 70 тыс. лет назад в Африке появились древнейшие ритуальные захоронения, где умерших укладывали в скорченном виде (поза младенца-зародыша) [10, с. 55]. Размышления о смерти были важной мотивацией для дальнейшей актуализации самосознания. «Человек начинается с плача об умершем», – писал М. Мамардашвили. [см.: 6, с. 290]. 50–40 тыс. лет назад появляется *Homo sapiens*, первобытное стадо превращается в родовую общину, происходит переход от эндогамии к экзогамии, начинают формироваться табу.

30 тыс. лет назад появляется пещерная живопись [5, с. 89–91]. Творение теряет связь с утилитарностью, обретая надмирность; рождается «красота ради красоты». Происходит расцвет пластики, нашедший выражение в создании «палеолитических Венер». В образах человека лица ещё нет, тело «просыпается» раньше. Но тело способно выразить не только уже собственную жизнь, но и жизнь души, иногда, «перекрывающей» жизнь тела. Антропогенез – это

душегенез. Становление души происходит постепенно и неравномерно: раньше (судя по артефактам) оформляется мыслительная активность; позже – характерное для человека сенсуальное мировосприятие; далее – иррациональное, религиозное; и наконец – нравственные и любовные чувствования.

«Эволюционный импульс» постепенно переходит от освоения материального мира на освоение мира духовного; от мыслительно-телесной активности к чувственно-сверхчувственному восприятию. Начало истории предстаёт не «точечным», а процессуальным, продолжающимся несколько миллионов лет. Начало душегенеза – 2,5 млн. лет, завершение – 10 тыс. лет назад.

Формирование человека – это формирование человечества. Именно человечество и является целостным собственно «первым» человеком. Родовое человеческое – целостное, индивидуальное человеческое – частичное. «Я» – человек, когда «я» – человечество.

Цель предыстории – «первый человек». «Начало» истории это – завершение собирания «композиции» под названием «человек» (человечество). Таковы закономерности появления и становления «начала» истории.

«Конец истории»: декомпозиция человека в современной культуре

А какой смысл несёт понятие «конец» истории? Традиционно его трактуют как состояние исчерпанности ресурсов качественного обновления общества. Эта идея всегда обнаруживается там, где формулируется некий образец социальности, «совершенной» настолько, что её дальнейшее развитие становится излишним, а значит, можно констатировать – история остановилась.

Терминологическая близость значений – «конец истории и конец света не случайна, оба этих выражения фиксируют не-

кий финал в развёртывании любого процесса. Но если осознание неизбежности конца света происходит в рамках религиозного сознания, то идея «конца» истории рождается утопией. Эсхатологические ожидания можно видеть уже в мифе, рожают они и пессимизмом футурологических прогнозов, но только религия конец света видит в форме перехода в трансцендентную реальность. Во многом оправданные негативные прогнозы футурологов сулят посюстороннюю глобальную катастрофу, а сверхъестественное мифа на поверку оказывается вполне профанным.

Называя же источником идеи «конца» истории утопизм, мы хотели бы предостеречь от встречающихся иногда попыток найти её источник, скажем, в сфере научного знания [8]. Эта точка зрения следует из истолкования марксистской версии «конца» истории или трактовки «конца» истории Ф. Фукуямы в качестве продукта только научного исследования. Можно согласиться с тем, что фрагменты, посвящённые отдалённой исторической перспективе, могут быть рассмотрены если не как футурология, то, по крайней мере, как философская рефлексия. Однако они являются и проявлениями утопического сознания, для которого основной задачей является конструирование «должного» в «сущем», причём так, как оно понимается автором. С этой точки зрения, утопия латентно несёт в себе представление о «конце» истории, а любое представление о «финализме» истории – утопично.

Каждая утопия, в том числе и идея «конца» истории, в приведённой трактовке одновременно и благо, и зло. Подвергая критике наличное бытие и формулируя проекты будущего устройства, она активизирует людей на обновление общества [9, с. 164–180]. Однако провозглашая возможность воплощения рая «здесь и сейчас», уто-

пии «конца» истории нередко оборачиваются своей противоположностью. В связи с этим И. П. Смирнов отмечает: «Платоновская Политея с её стражами-философами обернулась китайской культурной революцией, теократия Гоббса – властью духовных особ в Иране, национально-семейное государство Гердера – бесчисленными этническими конфликтами XX века» [14, с. 152]. Независимо от положительной или отрицательной оценки идею «конца» истории следует рассматривать как свидетельство кризиса социального развития.

Подгоняя действительность под своего рода схему социального блага, утопия применяет насилие над живым потоком исторического многообразия. Провозглашение достигнутого утопического идеала как бы отменяет необходимость трансцендентного измерения бытия. Этим можно объяснить, почему религия в утопическом проекте оказывается излишней или редуцируется к морали. Отказ от религии означает отказ от эсхатологии и, следовательно, в каком-то смысле постулирует преодоление смерти¹. Но это становится предпосылкой обесмысливания жизни, обесмысливания истории. Прав Н. А. Бердяев, отмечая, что жизнь каждого человека становится осмысленной лишь в процессе рефлексии над бытийностью собственной смерти [3, с. 268–269].

Это традиционный вариант трактовки «конца» истории, в котором происходит смещение предмета исследования с анализа становления и актуализации сущности человека на анализ его мотиваций и целенаправлений. Если же сконцентрировать внимание на сущностных характеристиках человека, «начало» истории может быть рассмотрено под иным углом зрения, а именно – как

¹ На возможности преодоления смерти основана «Философия общего дела» Н. Ф. Фёдорова, постулаты трансгуманизма.

процесс очеловечивания предчеловека, «собирания» человека, а «конец» истории тогда оказывается процессом расчеловечивания.

А признаки этого процесса довольно явные. Анатомия человека на протяжении последних 50–40 тыс. лет остаётся, по существу, неизменной, тем не менее происходит редукция рудиментарных органов, уменьшается объём головного мозга (на 150 г за последние 20 тыс. лет); в силу гиподинамии уменьшается мышечная масса тела. О «теледном конце» человека свидетельствует приближение к пределу физических возможностей (в тяжёлой и лёгкой атлетике мировые рекорды устанавливаются всё реже).

Ещё более важно приближение человека к пределу интеллектуальных возможностей [см.: 15]. Мыслительная деятельность в век нарастания хаоса способна всё в меньшей степени быть «путеводной нитью» в сумбуре «хитросплетений» человеческой жизни. Эпоха постмодерна – пострациональная эпоха.

Тело человека – уже не единственный носитель его жизни. Главным орудием труда всё более становится машина. Она предстаёт продолжением, дополнением, усилением физических возможностей тела. Через живление в мозг чипов начинается соединение сознания человека с искусственным интеллектом.

Современный человек намного больше использует искусственные орудия труда, но в подавляющем большинстве сам их не создаёт, а лишь потребляет, и чаще не для производительной деятельности, а для общения, развлечения. Произошло смещение акцента с самосохранения, созидания, экспансии, защиты, познания и самопознания – на «потребление ради потребления», или потребление ради удовольствия, самоутверждения, самопревознесения. Человек остаётся во многом существом религиоз-

ным, однако глубина религиозных переживаний уже не та, что раньше. Религиозная вера вытесняется верой в себя, судьбу, удачу ...; вытесняется выгодой, стремлением к власти и успеху.

Во взаимодействии друг с другом и с миром люди всё больше становятся пост-символическими «виртуальными животными». Причём виртуальная реальность предстаёт не посредником во взаимодействии с миром, а с самим этим миром. Человек взаимодействует с ним даже не как с объектом, а как с равноправным субъектом. «Голый» человек пытается одеться в «виртуальные одежды», всё больше превращающие в виртуальность его самого.

Речь современного человека всё больше становится цифровой, формализованной, «молчаливой». Она беднеет по смыслам, эмоциональным оттенкам и глубине, для неё уже не нужен большой словарный запас. В словаре Фейсбука – 300 слов, это – средний «активный словарный запас» современного человека. Всё менее карикатурным предстаёт словарь Элочки-людоедки, составлявший 30 слов. Есть основания говорить о вступлении в поствербальную «культуру комиксов и боевиков», где действие не чувствует необходимости «облачения» в «вербальные одежды».

Красота остаётся одной из важнейших ценностей человеческой жизни, теряя, однако, свою глубину, становясь «раскрашенной поверхностью» (дизайнерской красотой интерьера-экстерьера) или «раскрашенным воздухом» (виртуальная красота), превращаясь из «окна в метафизический мир», из «обещания счастья» (Т. Гоббс) в коммерчески-развлекательный продукт-симулякр.

У современного человека саморефлексия есть, но чаще лишь на бытовом уровне. Воссоздаётся «новый синкретизм» – растворение индивидуального сознания в «роевом

сознании» большинства. Мирозрение может быть только у целостного рефлексизирующего человека, у современного частичного человека его нет (или оно предстаёт эклектичным хаосом).

Смерть вытесняется из современной глянцевого культуры, культурная ценность её всё более минимизируется. Гедонистический человек стремится всячески «вычеркнуть» любое напоминание о смерти, чтобы не омрачать непрерывный «праздник жизни». Обесценивание смерти закономерно приводит к обесцениванию жизни. Стремящийся быть «слишком живым» человек становится «слишком мёртвым». Если раньше рефлексии о смерти делали жизнь «более живой», то нынешнее омертвление жизни делает «более мёртвой» и смерть.

Мораль «размывается», различие добра и зла «стирается», табу ослабевают. В результате «демоны души всё более выходят на поверхность» (К. Юнг). Утверждается эстетика зла, убийствам и самоубийствам находят вполне «разумные» оправдания. Более терпимым становится отношение к инцесту.

Столь дорогая для человечества идея равенства не способна пробиться через пропасть, разделяющую «золотой миллиард» и остальную часть человечества. Сво-

бода – становится всё более иллюзорной при развёртывании тотального цифрового контроля над поведением и сознанием людей. Добровольное «бегство от свободы» (Э. Фромм) становится всё более типичным.

***

Таким образом, соотнесение «начала» истории с современным состоянием человека даёт достаточные основания говорить о «конце» истории. Но, конечно, не всё так однозначно. И речь идёт не о «конце» истории вообще, а о «конце» одной истории и начале другой, в глобальном и локальном плане.

Взгляд на историю связан также с соотношением филогенеза и онтогенеза. История начинается с рождением каждого человека и заканчивается с его смертью. Каждый рождённый ребёнок – это ещё один шанс, данный людям для преодоления «конца». Каждый умерший – это отчаяние истории, каждый рождённый – её надежда.

О «конце» истории можно говорить, только глядя извне или свыше. Но мы пребываем внутри исторического процесса. О «конце» истории можно будет говорить только тогда, когда это уже случится. Но тогда («конец» истории, в этом смысле, синонимичен «концу света») констатировать это, вполне вероятно, будет уже некому...

Примечания

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. Москва : Высшая школа, 2001. 293 с.
2. Аристотель. О душе // Сочинения : в 4 томах. Том 4. 4-е издание. Москва : Мысль, 1984. 550 с.
3. Бердяев Н. О назначении человека. Париж : Современные записки, 1931. 320 с.
4. Всемирная история. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия : [перевод с англ.]. Москва : ИНФРА-М ; Весь Мир, 2000-.
5. Гроссе Э. Происхождение искусства. Москва : Мысль, 2011. 304 с.
6. Зинченко В. П. Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили : К началам органической психологии / Институт «Открытое общество». Москва : Новая школа, 1997. 334 с. : ил.
7. Кассирер Э. Философия символических форм = Philosophie der symbolischen formen / [пер. с нем. А. М. Руткевича]. Москва : Академический проект, 2011-.
8. Ломоносов Ю. Л. Идея «конца истории»: социокультурные истоки и смысл // Теоретический журнал «CREDO NEW». 2002. № 4. URL: <http://credonew.ru/content/view/309/54/>
9. Манхейм К. Диагноз нашего времени : [сборник : пер. с нем. и англ.]. Москва : Юрист, 1994. 700 с. (Лики культуры. ЛК).

10. Мировые культы и ритуалы : могущество и сила древних / сост. Ю. А. Матюхина. Москва : РИПОЛ классик, 2011. 302 с. : табл.
11. Оконская Н. Б. Основы метаантропологии. Москва : Вузовская книга, 2016. 224 с.
12. Платон. Алкивиад I // Собрание сочинений : в 4 томах [общ. ред. А. Ф. Loseva и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. 4 издание. Москва : Мысль, 1990–1994. Том 1. Москва : Мысль, 1990. 396 с.
13. Савельев С. В. Возникновение мозга человека. Москва : Веди, 2015. 324 с.
14. Смирнов И. П. Борьба с сознанием: Бытие и творчество. Приложение к альманаху «Канун», выпуск 1 / под общей ред. Д. С. Лихачева. Санкт-Петербург : Канун, 1996. 192 с.
15. Эволюция мозга закончилась [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://www.kp.ru/daily/25774.3/2757735/>
16. Gritskевич T. I., Zolotukhin V. M., Kazakov E. F. (2019) Sociocultural Grounds for Transforming the Concept of “Man Without Essence”. *The International Science and Technology Conference «Far East Con»*. *Far East Con. 2018: Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*. Vol. I., pp. 743–751. (In English)
17. Lorblanchet M. (2010) *Art pariétal: Grottesornées du Quercy*. Rodez, Rouergue, 445 p. (In English)
18. Mc Clellan III J. E., Dorn H. (2006) *Science and Technology in World History: An Introduction*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 416 p. (In English)

References

1. Alekseev V. P., Pershic A. I. *Istoriya pervobytnogo obshchestva [History of primitive society]*. Moscow, Vysshaya shkola, 2001, 293 p. (In Russian)
2. Aristotel'. O dushe [About soul]. *Sochineniya, in 4 tomakh, tom 4. [Compositions, in in 4 vol., vol 4]*. 4th edition. Moscow, Mysl Publishers, 1984. 550 p. (In Russian)
3. Berdyayev N. *O naznachenii cheloveka [About history purpose]*. Paris, Sovremennye zapiski, 1931. 320 p. (In Russian)
4. *Vsemirnaya istoriya. Oksfordskaya illyustrirovannaya enciklopediya [World history. Oxford illustrated encyclopedia]*. Moscow, Ves Mir Publishers, Publishing house «Infra-M», Oxford University Press, Garri Dzhadzh, 2001. 963 p. (In Russian)
5. Grosse E. *Proiskhozhdenie iskusstva [The origin of art]*. Moscow, Mysl Publishers, 2011. 304 p. (In Russian)
6. Zinchenko V. P., Posoh O. Mandel'shtama i trubka M. Mamardashvili [Staff O. Mandelstam and tube M. Mamardashvili]. Moscow, Novaya shkola [New school], 1997. 334 p. (In Russian)
7. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms]*. Moscow, Publishing house «Academic Project», 2011. 406 p. (In Russian)
8. Lomonosov Yu. L. Ideya “konca istorii”: sociokul'turnye istoki i smysl [The idea of the «end of history»: sociological origins and meaning]. *Teoreticheskiy zhurnal “CREDO NEW” [Theoretical journal CREDO NEW]*. 2002, no. 4. Available at: <http://credonew.ru/content/view/309/54/>. (In Russian)
9. Manheym K. *Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis of our time]*. Moscow, Publishing Group «Jurist», 1994. 700 p. (In Russian)
10. Matyuhina Yu. A., comp. *Mirovye kul'ty i ritualy. Mogushchestvo i siladrevnih [World cults and rituals. The might and power of ancient]*. Moscow, Publishing house “Ripol Klassik”, 2011, 240 p. (In Russian)
11. Okonskaya N. B. *Osnovy metaantropologii [Basics of meta-anthropology]*. Moscow, Publishing house “Vuzovskaya kniga”, 2016. 224 p. (In Russian)
12. Platon. Alkiviad I [Plato. Alcibiades I]. *Sobranie sochineniy, in 4 tomakh, tom 1 [Collected works, in 4 vol., vol. 1]*. 4th edition. Moscow, Mysl Publishers., 1990. 396 p. (In Russian)
13. Savelyev S. V. *Vozniknovenie mozga cheloveka [The emergence of the human brain]*. Moscow Publishing house, Vedi, 2015. 324 p. (In Russian)
14. Smirnov I. P. Bor'ba s soznaniem: Bytie i tvorchestvo [Struggle with consciousness. Being and creativity]. *Al'manah “Kanun” [Almanac «Eve»]*. St. Petersburg, 1996. Issue. 1. 192 p. (In Russian)
15. *Evolyuksiya mozga zakonchilas' [The evolution of the brain over]*. Available at: <http://www.kem.kp.ru/daily/25774.3/2757735/> (In Russian)

16. Gritskevich T. I., Zolotukhin V. M., Kazakov E. F. (2019) Sociocultural Grounds for Transforming the Concept of “Man Without Essence”. *The International Science and Technology Conference «Far East Con»*. *Far East Con. 2018: Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects: Economy and Production*. Vol. I., pp. 743–751. (In English)
17. Lorblanchet M. (2010) *Art pariétal: Grottesornées du Quercy*. Rodez, Rouergue, 445 p. (In English)
18. Mc Clellan III J. E., Dorn H. (2006) *Science and Technology in World History: An Introduction*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 416 p. (In English)

*

ИДЕИ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 60–80-х ГОДОВ XX ВЕКА

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10503

Л. Г. Пугачева, Д. А. Сахно

Московский государственный институт культуры

Экзистенциальная проблематика становится смысловой интенцией кинематографа 60–80-х годов XX века. Первая из основных причин этого – растущий интерес как культурной элиты, так и широких масс к исследованию внутренней территории сознания (границ чувств, воли, разума, феноменов свободы, жизни, смерти), что находит выражение в новых формах музыки, театра, литературы, живописи и кино 60–80-х годов XX века. Поставщиком новых тем и идей в этот период являлись в большой степени философия Франкфуртской школы (фрейдомарксизма) и экзистенциализма. Традиция Франкфуртской школы философии сработала в социокультурном пространстве как катализатор процесса осознания «массовым человеком» самого себя в качестве «массового» и тем самым повлияла на развитие личности в направлении осознанности повседневного существования.

Вторая причина: универсальный (образный, мифоподобный) способ подачи материала в формате кино позволил любому – «массовому» необразованному индивиду через механизм обратного мимесиса осознать себя в качестве смертного, свободного, онтологически одинокого, но и находящегося во взаимосвязи с другими существами. Естественная идентификация «простого человека» с художественным образом в кино и порождает в 60–80-х годах XX века эффект массового переосмысления жизни, обуславливает развитие идеи индивидуального выбора и трансцендирования своего места в социокультурном пространстве. Благодаря искусству кино происходит широкое развитие нового для массовой культуры измерения человека: внутренней свободы в смысловом поле диалога человека и символов культуры, человека и образов его внутреннего мира, человека и истории.

Ключевые слова: личность, культура, общество, кинематограф, экзистенциализм, свобода, ответственность, элитарная культура, массовая культура, социокультурное пространство.

---

¹ПУГАЧЕВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДИЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

PUGACHEVA LYUDMILA GENNADIEVNA – Full Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of social and philosophical sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

²САХНО ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SAKHNO DMITRY ALEKSANDROVICH – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: lgpugacheva@yandex.ru¹, dimasaxno@yandex.ru²

© Пугачева Л. Г., Сахно Д. А., 2019

Liudmila G. Pugacheva, Dmitry A. Sakhno

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

IDEAS OF INDIVIDUAL FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN DOMESTIC AND FOREIGN CINEMA OF THE 60–80th OF THE XX CENTURY

Existential problematic becomes the semantic intension of cinematography in the 60–80th of XX century. The first of the main reasons of this process is the growing interest of both the cultural elite and the masses in the studying of the inner territory of consciousness (the boundaries of feelings, will, mind, the phenomena of freedom, life, death) which finds expression in new forms of music, theater, literature, painting and cinematography of 60–80th of XX century. The supplier of new themes and ideas mostly was the philosophy of the Frankfurt school (Freudian Marxism) and existentialism in this period. The tradition of the Frankfurt philosophy school worked in the social and cultural space as a catalyst for the process of awareness of the “mass man” himself as a “mass” and thereby influenced the development of personality in the direction of awareness of everyday existence.

The second reason: the universal (imaginative, myth-like) way of presenting material in the format of cinema allowed any “mass” uneducated individual to realize himself as a mortal, free, ontologically lonesome, but also in connection with other beings through the mechanism of reverse mimesis. The natural identification of the “common man” with the artistic image in the cinema creates the effect of mass rethinking of life, the development of the idea of individual choice and transcendence of their place in the social and cultural space in the 60–80th of XX century. Because of the art of cinema there is a wide development of a new dimension of person in the mass culture: inner freedom in the semantic field of the dialogue between man and the symbols of culture, man and the images of his spiritual world, man and history.

Keywords: personality, culture, society, cinematography, existentialism, freedom, responsibility, elite culture, mass culture, social and cultural space.

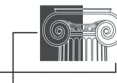
Для цитирования: Пугачева Л. Г., Сахно Д. А. Идеи свободы и ответственности личности в отечественном и зарубежном кинематографе 60–80-х годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 23–34. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1053

Идеи свободы и ответственности личности в XX веке находились в фокусе внимания философов-экзистенциалистов и с течением времени стали представлять общекультурный интерес сначала для творческих личностей, культурной элиты, а затем и для широких масс, которые увидели и осознали их важность в качестве ресурса внутреннего духовного развития человека и общества.

В философии экзистенциализма находит отражение кризисное состояние индустриального общества, опирающегося на технический прогресс, но оказывающегося не в состоянии объяснить противоре-

чивость человеческой жизни, сопровождающие человека чувства страха, отчаяния, безысходности.

Впервые понятие «экзистенциальная философия» (нем. Existenz philosophie) было использовано в 1931 году в работе Карла Ясперса «Духовная ситуация времени». Согласно К. Ясперсу, экзистенциализм берёт свои истоки в работах С. Кьеркегора, Ф. Шеллинга и Ф. Ницше. В свою очередь, в работе «Бытие и время» Мартин Хайдеггер утверждает: «Вопрос экзистенции должен выводиться на чистоту всегда только через само экзистирование. *Ведущую при*

этом понятность себе самой мы именуем экзистентной. Вопрос экзистенции есть онтическое “дело” присутствия. Тут не требуется теоретической прозрачности онтологической структуры экзистенции. Вопрос о структуре нацелен на раскладку того, что конституирует экзистенцию. Взаимосвязь этих структур мы именуем экзистенциальностью» [6]. Переводчик и исследователь творчества С. Кьеркегора Наталья Исаева пишет в комментариях к труду «Или–или»: «...Большую часть основополагающих понятий экзистенциализма можно с лёгкостью найти у датского философа. И “Dasein” (дизайн) как “наличное бытие”, и “заброшенность-в-мир”, и маркирующая роль “страха”, “тревоги” (“Angst”), и ощущение человеком своей смертности, вносящее глубинные деформации в рефлексирующее сознание...» [4].

Философия, являясь наиболее смысловой частью социокультурного пространства, в целом изучает вопросы онтологии и гносеологии, природу общества, науки, информации, языка, политических процессов и множество других сложных проблем. Однако порог вхождения в научное сообщество, которое на профессиональном уровне занимается этими вопросами, довольно высок и обусловлен образовательным цензом. Но в XX веке понимание сложных философских идей и их вхождение в массовое сознание были значительно облегчены благодаря бурному развитию различных форм искусства, в частности искусства кино.

Согласно философии существования, процесс познания себя как «экзистенции» включает нахождение человека в «пограничной ситуации» (по К. Ясперсу), например, в ситуации смертельной опасности. Испытав сильные переживания, осознав бренность жизни, человек принимает этот мир, оказываясь в невероятной близости с ним.

Важнейшее место в философии экзистенциализма занимает обозначение и попытка разрешения проблемы свободы, определение которой даётся как выбор личностью одного из бесчисленных вариантов осознания реальности и себя в ней. Конфликтность и выбор – через драматизацию – «роднят» экзистенциализм с кинематографом: открывается широкое общее поле для развития идей, размышлений, появляется интерфейс для высказывания «внутреннего» содержания поступков и действий.

Кино как популярный вид современного искусства занимает особое место в социокультурном пространстве. С развитием массовой культуры, увеличением скорости распространения информации и, в частности, самого кино усилилось его влияние на массовое сознание. Кинематограф живо откликнулся не только на исторические события, но и на философские идеи важных философских течений XX века, например, экзистенциализма. Объектами интереса художников кино стали вопросы жизни и смерти, свободы и ответственности личности и другие экзистенциальные проблемы, связанные с осмыслением личностью истории, современности, направления развития общества и своего места в мире.

Внимание С. Кьеркегора, К. Ясперса, М. Хайдеггера направлено на феномен «существования» таким образом, что создаваемая ими позиция восприятия читателя перекликается с сущностным для драматургии эффектом «саспенса» (состояния тревожного ожидания, беспокойства, озабоченности, напряжения) зрителя во время просмотра фильма либо театральной постановки.

Поэтому, на наш взгляд, именно благодаря своей внутренней форме кинематограф в целом имеет предрасположенность к работе с открытиями экзистенциализма. Дру-

гими словами, кинематограф в силу своей «технической» приближенности к реальности – через процессуальность формы, развёртывание действия путём создания образов во времени и пространстве, а также благодаря «иллюзии» вхождения во внутреннюю жизнь (основа хайдеггеровского Da-sein) личности и её переживаний – фактически создан для передачи экзистенциальной проблематики.

Ситуация выбора, состояния отчаяния, тревоги, страха, заброшенности, одиночества, переживание потери, кризиса, пограничной ситуации – эти и другие ключевые темы экзистенциализма (например, проблема Другого) находят развитие как в авторском, так и массовом кино 60–80-х годов XX века.

Почему именно экзистенциальная проблематика становится внутренним содержанием большого количества фильмов 60–80-х годов XX века? Вероятно, у этого феномена много исторических, экономических, политических, общекультурных причин, однако мы назовём две наиболее очевидные.

Первая причина связана с растущим интересом как элиты, так и массового человека к исследованию внутренней территории сознания (границ чувств, воли, разума, феноменов свободы, жизни, смерти), что нашло выражение в большом количестве новых культурных форм – музыка, театр, танец, литература, живопись и, конечно, кино 60–80-х годов XX века. Все они обогатились в этот период новыми темами и художественными средствами их раскрытия. Поставщиком новых тем и идей являлась в большой степени философия. На наш взгляд, необходимо выделить Франкфуртскую школу (фрейдомарксизм) и экзистенциализм (большую роль тут сыграла, на наш взгляд, особенно в развитии французского кино, личная и политическая популярность Ж.-П. Сартра).

Традиция Франкфуртской школы философии, раскрывающая смысл позиции бессознательно функционирующего в социуме «одномерного человека» (Г. Маркузе), сработала, на наш взгляд, в социокультурном пространстве как катализатор процесса осознания массовым человеком самого себя в качестве массового. Благодаря, в частности, критике со стороны франкфурцев, выделивших саму фигуру человека, погруженного в социальный и личностный сон, был задан противоположный вектор – к развитию и осознанности. И тут, в свою очередь, особенно актуально зазвучали идеи экзистенциализма. О противостоянии и одновременно определённой согласованности подходов франкфурцев и экзистенциалистов (Ж.-П. Сартра), на наш взгляд, интересно пишет Б. Каргалицкий: «В известном смысле ранний Ж.-П. Сартр находится в полемике с Франкфуртской школой. Он пишет по-другому о том же, что и Франкфуртская школа. Он ставит вопросы, порождённые экзистенциалистским пониманием личности, но очень быстро обнаруживает недостаточность экзистенциализма и обращается к марксистской социологии... Для него важны категории выбора, свободы личности... И опять выясняется, что никакая философия свободы не даст нам ответ на вопрос о правилах игры, не объяснит тех сил, которые эту личную свободу ограничивают. Такой ответ Ж.-П. Сартр находит в марксизме. И для “франкфуртцев”, и для Ж.-П. Сартра очень важна категория отчуждения. Эта категория для них является более важной, чем эксплуатация...» [2].

Анализируя идеи фрейдомарксистов и экзистенциалистов, можно заметить, что социальные и экзистенциальные противоречия, очевидно, связаны между собой и коренятся глубже, чем ожидали и те, и другие. Ни социальные, ни психологические,

ни дискурсивные, ни любые другие модели их описания не дают до сих пор ответов на «вечные вопросы». Но деятельность фрейдомарксистов и экзистенциалистов принесла свои плоды: через искусство (в частности, искусство кино) их идеи стали широко известны и определили во многом дальнейшее развитие смыслового уровня социокультурного пространства – важного уровня, на котором начинаются все конструктивные (и деструктивные) изменения.

Вторая причина выдвижения на первый план экзистенциальной проблематики – универсальная, фактически мифологическая (образ, звук, ощущение – эмоциональный отклик) форма подачи материала в сфере кино, что позволило любому – самому простому и необразованному человеку через механизм, так сказать, обратного мимесиса (когда жизнь подражает искусству) осознать себя в качестве безосновного в наличном бытии, смертного, свободно-го, онтологически одинокого, обособленно-го и одновременно находящегося во взаимосвязи с другими, тотально ответственного за выбор существа. Именно естественная идентификация с художественным образом в кино, в частности, и порождает в 60–80-х годах XX века эффект массового трансцендирования людьми своего места в социокультурном пространстве (приведём примеры: Татьяна Лиознова «Карнавал», Владимир Меньшов «Москва слезам не верит», Лукино Висконти «Рокко и его братья») и своего места в пространстве духовном (Эльдар Рязанов «Берегись автомобиля», Марлен Хуциев «Мне двадцать лет», Федерико Феллини «8 с половиной»).

Проиллюстрируем наши идеи более детально. Одним из ранних ярчайших примеров обращения режиссёра к экзистенциальным проблемам является картина Ингмара Бергмана «Седьмая печать» (1957), где глав-

ный герой буквально играет в шахматы со смертью. Позже многие режиссёры, навсегда вписавшие свои имена в историю кинематографа, обращались к характерным для экзистенциализма проблемам – М. Антониони, Б. Бертолуччи, Ф. Феллини, А. Тарковский и другие. Кроме очевидного осуществления диалога между искусством и философией, эти мастера внесли огромный вклад в развитие сложных изобразительных средств и изощрённого символического языка кино. Возможно, как раз высота их слога в общении со зрителем помешала массам приобщиться к их произведениям на глубоком экзистенциальном уровне, что отразилось в появлении феномена «авторского кино», то есть фильмов для интеллектуальной культурной элиты – не для всех. Безусловно, со временем всё больше людей открывают для себя и по достоинству оценивают подобные фильмы, но едва ли их когда-нибудь можно будет причислить к массовому кинематографу, а иной, особенно «ярый» интеллектуал может даже глубоко оскорбиться такому предложению. Но в то же время вопросы жизни и смерти, ответственности и свободы личности волнуют отнюдь не только киноведов и ценителей высокого авторского кино. По нашему мнению, любой человек, представитель «массы», обладатель «одномерного сознания», даже пожизненно подключённый к «зомбо-ящику», в глубине своего существа решает именно их – теми культурными средствами, которые стали доступны ему в силу индивидуального развития и социокультурного окружения. Снобизм интеллектуалов, считающих экзистенциальную проблематику областью рефлексии образованной элиты, был, в частности, поколеблен кино и литературой 60–80-х годов XX века (образы «чудиков» В. Шукшина в рассказах и фильмах, герои рассказов Сэлинджера, фильм

М. Формана по роману К. Кизи «Полёт над гнездом кукушки» и т.д.).

В связи со сказанным интересно рассмотреть некоторые картины, затрагивающие экзистенциальную проблематику, но при этом принадлежащие массовому кино. Вдвойне интересно обратиться к кинематографу стран, где существовала киноиндустрия и особенно выделялось жанровое, а не авторское кино, – СССР и США.

Сквозь призму основных позиций экзистенциализма, озвученных в начале работы, рассмотрим картину Никиты Михалкова «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974). Главный герой, Шилов, внезапно сталкивается со всеми экзистенциальными проблемами сразу. Оказавшись на пороге смерти – и не только физической, отрезанный от друзей, став врагом системы, за которую сам боролся, Шилов получает своеобразную свободу – один на один со всем миром, один на один с самим собой, точнее, с воспоминаниями о себе. Герой пытается собрать себя словно мозаику из пазлов-воспоминаний.

Человек в экзистенциальной философии познаёт себя всю жизнь и несёт ответственность за совершённые поступки и обстоятельства, но не может оправдать эти поступки. Исходя из этого, человек мыслится экзистенциалистами как строящий себя «проект». Выбор смысла, следовательно, происходит на фоне безграничной свободы. Последнее в фильме Н. Михалкова ярко иллюстрируется монологом ротмистра Лемке, бьющегося в истерике от непонимания поступков главного героя: «Ну, скажи, зачем, зачем тебе это надо?!» Дополнительный накал и экзистенциальную «пограничность» сюжета придаёт исторический период – революция и Гражданская война.

Финал картины Н. Михалкова – хеппи-энд – обнаруживает попытку преодоле-

ния, пусть и недолгого, всех экзистенциальных тревог. Шилов, будучи уже «мёртвым» для друзей, вдруг «воскресает». Одиноким и всюду чужой он-таки находит своих. И появляется смысл, пусть и несколько спорный, с точки зрения дня сегодняшнего.

Другая лента, вышедшая в то же самое время, тоже молодого, но уже классического по всем характеристикам голливудского режиссёра – Мартина Скорсезе «Таксист» (1976). Герой ленты не смог найти своё место в обществе (после военной службы в морской пехоте) и смириться с его «законами». В качестве инструмента борьбы (за свободу и жизнь малолетней проститутки Трэвис) он выбирает единственный знакомый ему способ – прибегает к помощи оружия. Финал фильма разворачивается в затуманенном сознании героя. Зрителю предлагается принять парадоксальность того, что хотел добиться персонаж. Он стремился стать героем, получить признание общества, но в то же время перед смертью испытал озарение – он совсем не герой. На такой амбивалентной экзистенциальной ноте – обретении и потери смысла жизни – автор заканчивает фильм. То, что можно было бы причислить к сугубо социальной проблематике, благодаря внедрению камеры во внутреннюю жизнь сознания героя становится глубокой экзистенциальной драмой.

Но не только серьёзные драмы затрагивают проблемы экзистенциализма. Лёгкий в восприятии и тяжелейший в создании жанр – комедия – также поднимает вопросы свободы и ответственности личности. Особенно интересно, как это реализуется в социокультурном пространстве тоталитарного государства. В картине Георгия Данелия «Афоня» (1975) непутёвый сантехник Афанасий Борщов занимается чем угодно, кроме работы, в основном – поиском возможности выпить, вымогая деньги у клиентов.

Внезапная любовь не приносит счастья. В отчаянии он едет в деревню, к единственному близкому человеку – тётке, но оказывается, что она умерла. Беззаботная и безответственная жизнь сантехника разрушена в один миг. Он оказывается в пучине горя – в глубоком экзистенциальном кризисе. Афоня пытается ухватиться за жизнь, в которой есть надежда, он пытается связаться с любящей его женщиной – Катей. Но и этот шанс оказывается упущенным, Афоня погружается в состояние безысходности, одиночества, отсутствия смысла существования. И тут в самом конце истории, вполне в духе диалогических мотивов философии экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, Афоня слышит голос Кати и испытывает проблеск надежды. Если использовать терминологию К. Ясперса, Афоня переживает «пограничную ситуацию», и голос Кати для него служит проводником, помогающим выйти за пределы неистинного переживания жизни к её подлинной глубине. Образ Кати – это аллюзия, возможно, на образ святой или Мадонны, проводника в сакральную глубину существования, где только и возможно найти подлинную опору. Но подобный финал вряд ли можно назвать счастливым, ведь впереди ещё целая жизнь. Вот что пишет известный кинокритик Сергей Кудрявцев в своей рецензии к фильму «Афоня»: «Это не “счастливый конец”. Это “счастливое начало” для Афоня, всего лишь возможность для него новой жизни. И от самого героя зависит, воспользуется ли он этим подлинным подарком судьбы?!» [3, с. 44].

В контексте рассматриваемой темы эта картина представляет интерес не только в силу затрагиваемых проблем – ценность жизни, ответственность и свобода личности в социуме, но и тем, как персонаж взаимодействует с этими проблемами: делает вид, что их не существует, прячась за алко-

голем и смехом. Созданный на экране образ очень живой и правдоподобный, поэтому зритель сопереживает герою и отождествляет себя с ним в желании ухода от социальной рутины, страха перед ней и в дальнейшем поиска подлинной экзистенции. Зритель, на наш взгляд, осознанно или бессознательно, но всё равно проводит аналогию со своей жизнью. Размышляя над перипетиями судьбы главного героя (напомним, комедия собрала 62,2 миллиона зрителей в кинотеатрах СССР), простой «советский» человек так или иначе рефлексировал над своей жизнью, как это, возможно, делают и наши современники, посмотревшие работу Даниеля.

Обобщая сказанное, заметим: такой грандиозный интерес к рассматриваемым выше фильмам обусловлен, с одной стороны, именно их скрытой или явной экзистенциальной проблематикой и, с другой стороны, массовым ростом осознанности личностных процессов, а также поиском новой социальной и экзистенциальной идентификации. Само социокультурное пространство СССР с его идеологической и, одновременно, глубоко философской установкой на самосовершенствование сформировало у «простого» человека вектор саморазвития. В частности, мощным толчком для этого процесса послужил «Моральный кодекс строителя коммунизма» (1961). Через административные рычаги советского аппарата управления культурой идеи коммунистической (по сути, гуманистической и общехристианской в своей основе) морали проникают на большой экран.

Например, Шилов (герой вышеупомянутого фильма Н. Михалкова) одновременно полностью соответствует и «идейной установке» партии, и оказывается глубоко захвачен поисками подлинной экзистенции. Как сказано в «Моральном кодексе»

–«человек человеку друг, товарищ и брат» [5, с. 299–305]]. А Шилов переживает близость к товарищам по оружию именно на экзистенциальном уровне: их отвержение для него – духовная смерть. Такая товарищеская и братская любовь (как древнегреческая и раннехристианская агапе) и обретаемая благодаря ей этическая идентичность есть выражение базовых экзистенциальных потребностей человека (согласно фрейдомарксисту Э. Фромму): «Любовь –объединение с кем-либо или чем-либо при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного Я. Это переживание причастности к общности, позволяющее человеку полностью развернуть свою внутреннюю активность... Таким образом, стремление человека преодолеть свою ограниченность ставит его перед решающим выбором между созиданием и разрушением, любовью и ненавистью» [1, с. 562].

На наш взгляд, экзистенциальные потребности человека, безусловно, родственны и «кодексу» строителей коммунизма, и религиозному этическому идеалу, поскольку включают в себя: потребность в преодолении (в религиозном сознании – греха, в атеистическом коммунистическом – как личного, так и, конечно, социального несовершенства), потребность в связях между людьми, потребность в собственных корнях и потребность в устойчивой тождественности, равенству самому себе. Очевидно, что все они в своей основе имеют свободный осознанный выбор –опору самосознания как строителя коммунизма, так и, в равной степени, подлинно верующего человека. Эти четыре экзистенциальные потребности органично завершаются в пятой –потребности в структурированном мировоззрении и преданности. Все перечисленные потребности реализованы режиссёром Н. Михалковым в образе Шилова, которым в нрав-

ственном выборе руководят «честность и правдивость, нравственная чистота, простота», «непримиримость к несправедливости, туеядству, дурости, нечестности, карьеризму, стяжательству», а также, конечно, «коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного» (а это уже формулировки из «Кодекса» строителя коммунизма) [7].

Истории Афони, Шилова и других киногероев призваны показать миллионам таких же, как они, простых людей направление развития: от неподлинного существования к истинному – через глубочайший кризис существования, пограничное переживание смерти к осознанию внутренней свободы и ответственности как единственной реальной опоры существования человека.

Идеология коммунизма в XX веке оказывается не уникальным случаем социального запроса на массовый кинематограф. Рассмотренный фильм «Таксист» американского режиссёра Мартина Скорсезе интересен тем, что наглядно раскрывает социально-культурную причину популярности массового кинематографа. Данный фильм на фоне захватывающего сюжета освещает ряд кризисных вопросов американского общества. Главный герой – ветеран вьетнамской войны. Этот факт добавляет картине момент рефлексии над той самой войной, а именно – поднимает вопрос адаптации ветеранов в социуме в условиях глубоких личностных экзистенциальных перемен, вызванных пережитым на войне. В фильме ставится проблема одиночества, которая приобретает парадоксальный характер, так как герой живёт в огромном городе. Американский кинокритик Аткинсон убеждён, что Бикл – самый американский из киногероев, бесправная жертва амбиций нации: «Бикл остаётся подлинным обывателем...

но также и бесправной жертвой корпоративно-имперского синдиката, бывшим солдатом, привыкшим к бессмысленной смерти, потерянным на улицах своей собственной пустой свободы. Не может быть более существенной американской фигуры в национальном кино» [7].

Добавим, что, помимо социальной проблематики, авторы этой картины были озабочены раскрытием экзистенциальных проблем. Одним из доказательств этого может служить высказывание сценариста фильма Пола Шредера: «Я пытался перенести героя произведений экзистенциалистов из Европы в Америку. Как можно заметить, в американском варианте он ещё менее способен разобраться в причинах своих проблем»¹. Тревис – герой фильма М. Скорсезе – показан вне какого-либо оптимистического фона. Его свобода заброшенного и одинокого человека высвечивает другую грань свободы выбора, а именно – свободы принятия реальности и себя в ней, чтобы ни происходило при взаимодействии с другими. Они (фигура Другого – в терминологии экзистенциальной философии), как Другие (и в модусе страдания), всегда остаются необходимым условием самоидентификации сознания человека, вовлечённого в поток существования с ними. Если проводить параллели с христианством, Другой, по сути, выступает в роли «брата» – свидетеля искреннего раскаяния человека перед Богом и тем самым способствует созданию вектора для движения к свободе и истинному существованию, даже в случае неуспеха, недостижения героем своей цели.

Резюмируя, заметим, что коммунистический моральный кодекс на идейном уровне совпадал и с поисками подлинного бытия, истинной экзистенции культурной эли-

ты общества 60-х годов XX века в СССР, и – в широком культурном смысле – со смысловым полем христианской этики, а также с драматическими поисками подлинного существования экзистенциалистов за рубежом. Культурная элита просто перевела свои искания на язык образа и слова, доступного всем: поэтому интерес массового зрителя к кинематографу 60–80-х годов XX века оказывается вполне логичным.

С одной стороны, можно показать, что наши размышления об экзистенциальной подоплёке картин, снятых в русле острых социально-культурных проблем, подобны поиску глубочайшего смысла в куске обыкновенного камня. Но, с другой стороны, простые «социальные ситуации» – не то ли это поле, в котором находимся все мы повседневно и в котором проявляются подлинные чувства и ставятся самые сложные неразрешимые вопросы? В этом смысле «социальные», или даже «развлекательные», картины, рассматриваемые в данной работе или оставшиеся за её пределами, – тоже способ изучения предельных оснований жизни, попытка её понять на экзистенциальном уровне. Возможно, что качественный кинематограф «для масс» – это необходимое звено между мыслителями и просвещёнными творцами «возвышенных идей» о жизни и людьми, которые проживают эту самую жизнь.

Безусловно, указанные в исследовании картины – лишь малая часть широкого спектра фильмов, которые обращаются к экзистенциальной проблематике и при этом являются примерами массового кинематографа. Учитывая узкие прагматические задачи подобных фильмов – собрать кассу и получить широкий прокат, интеграция в социокультурное пространство происходит быстро и надолго. Если бы фильмы не имели резонанса с внутренними пережи-

¹ Розембаум Д. www.jonathanrosenbaum.com

ваниями человека, вероятно, они бы не стали «культовыми» и не пережили интереса уже нескольких поколений. Многие фильмы рассматриваемой эпохи в силу их экзистенциальной заряженности стали смысловыми ключами, позволяющими расшифровать образ жизни и чувства человека уходящей эпохи. Их интеграция в социокультурное пространство носит многоуровневый характер, позволяя людям разных социальных слоёв и степени образованности «прочитывать» и «дешифровать» что-то, соответствующее собственному бэкграунду и особенностям восприятия. Однако вопросы жизни и смерти, личностного выбора, культурно-социального самоотнесения, свободы и зависимости, смысла и его отсутствия – это те объединяющие, жизненно важные точки, в которых пересекаются интересы всех людей, независимо от времени их жизни, социально-культурной среды и интеллектуальной подготовки.

Ярко выраженная жанровая принадлежность этих фильмов задаёт определённые рамки для способа подачи сюжета. Каждая из рассмотренных в статье картин в первую очередь существует в пространстве выбранного жанра и использует характерные для него образы и приёмы, будь то истерн (жанр приключенческих фильмов, названный так по аналогии с вестерном), триллер или комедия. Режиссёры подобных фильмов стремятся уйти от сюрреализма, символизма и прочих модернистских «нереальных» приёмов. По крайней мере, они не берут подобные сложные формы для раскрытия сюжета своих киноработ, что обеспечивает интерес широчайшей аудитории. Их герой действует в среде, которая так или иначе близка зрителю, его социально-культурному окружению, с его характерными социальными проблемами. И только на более глубоком уровне восприятия «вклю-

чается» экзистенциальная проблематика. Даже существуя в определённом жанре, являясь частью остросоциального сюжета, герой такого фильма внешне будет реагировать на предложенные «социальные» обстоятельства, но внутренне – отвечать на «экзистенциальные» вызовы, обращённые к нему лично, и в основе мотивов его поступков будет лежать стремление разрешить философские проблемы существования человека в хрупком, нестабильном, меняющемся мире.

Сделаем некоторые предварительные выводы.

1. Философия как форма самосознания культуры направлена на постановку, анализ и осознание мировоззренческих вопросов – и именно этим, на наш взгляд, она интересна каждому человеку, широким массам. Более того, в этом смысле философия неизбежна для человека. Философия – это судьба каждого, её вопросы невозможно игнорировать во внутреннем пространстве личности. Своё живое воплощение экзистенциальные вопросы имеют в повседневной жизни людей разного социального положения и уровня образования. И хотя не каждый человек имеет язык и уровень абстрактного мышления для их выражения, всем слоям общества в равной степени доступно искусство кино. Поэтому в социокультурном пространстве XX века именно кинематограф стал пространством личностного философствования для самых широких масс – благодаря образности повествования и глубокой эмоциональной вовлечённости зрителя в экзистенциальную проблематику фильмов 60–80-х годов XX века.

2. Социокультурное пространство 60–80-х годов XX века в связи с процессами развития массмедиа и омассовления культуры оказалось пронизано идеями экзистенциализма на уровнях как элиты, так и массового человека, в частности – благодаря по-

пуляризирующему инструменту кинематографа. Именно в связи с его универсальной для восприятия любыми слоями общества форме, с одной стороны, и кризису прежних классических и модернистских форм самоидентификации человека – с другой, одна из центральных идей экзистенциализма – свободы и тотальной ответственности перед жизнью и самим собой – становится инструментом развития самосознания современного человека и его активного самоопределения в социокультурном пространстве. Благодаря, в частности, кинематографу «массовый человек» начинает задумываться над экзистенциальной проблематикой, конечно, в самом начале своего внутреннего развития – в соответствии с «обратным» мимесисом – на языке образов популярных фильмов.

3. И в СССР, и за рубежом процесс поиска подлинного существования захватил не только людей с высоким образовательным цензом, он стал понятен практически любому человеку. В социокультурном пространстве произошло массовое открытие нового измерения личной свободы в контексте конституирующей взаимосвязи «моего» сознания с сознанием «других людей» – открытие, соизмеримое, вероятно, с от-

крытием древними христианами внутренней связи человека и Бога. Экзистенциализм формализовал это открытие в фигуре Другого: именно Другой осмысливается как необходимая фигура в смысловом поле «моего» сознания, онтологическое условие существования сознания как процесса диалога человека и других людей, человека и мира, человека и Бога (для религиозного сознания). В частности, это произошло благодаря искусству кино – через специфический образный ряд и сюжетные ходы, выносящие на широкие экраны в смысловое поле социокультурного пространства сложные и тонкие нюансы взаимодействия состояний, эмоций, воли и помыслов героев фильмов.

4. Кинематограф 60–80-х годов XX века как вид искусства пережил выход на новый уровень развития. Массовый кинематограф прочно занял своё место не только в киноиндустрии, но и в социокультурном пространстве, при этом начал активно участвовать в формировании как элитарной, так и массовой культуры. Экзистенциальная проблематика кино 60–80-х годов XX века в данном случае сыграла роль интегрирующего смыслового механизма социокультурного пространства.

Примечания

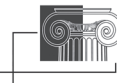
1. Большая советская энциклопедия : [в 30 томах] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е издание. Москва : Советская энциклопедия, 1969–1978. Том 16.
2. Кагарлицкий Б. Марксизм: не рекомендовано для обучения. Москва : Алгорит : Алгоритм : Эксмо, 2005. 476 с.
3. Кудрявцев С. 3500 : книга кинокритик : [в 2 томах] // Сергей Кудрявцев представляет авт. кн. кинокритик. Москва, 2008. Том 1.
4. Кверкегор С. Или – или / пер. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. Санкт-Петербург : РХГА ; Амфора, 2011.
5. Фромм Э. Здоровое общество // Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма : [перевод / сост. и авт. послесл. А. М. Руткевич]. Москва : Юристъ, 1995. 623 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время : пер. с немецкого. Москва : Ad Marginem, 1997.
7. Bringing Out the Dead: Scorsese's Sordid Everyman Returns. Michael Atkinson. Available at: <https://www.villagevoice.com/2004/12/28/bringing-out-the-dead-scorseses-sordid-everyman-returns/>

References

1. Prokhorov A. M., ed. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, v 30 tomakh, tom 16* [Great Soviet Encyclopedia. In 30 vol. Vol. 16]. 3 rd. edition. Moscow, Soviet Encyclopedia Publishing house, 1969–1978. (In Russian)
2. Kagarlitsky B. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for training]. Moscow, Algorithm Publishing house, Eksmo Algorithm Publishing house, 2005. 476 p. (In Russian)
3. Kudryavtsev S. *3500: kniga kinoretsenziy, v 2 tomakh, tom 1* [3500: book of film reviews, in 2 volumes, vol. 1. Moscow, 2008. (In Russian)
4. Kierkegaard S. *Ili – ili* [Or – or]. St. Petersburg, Publishing house “RCAA”; Publishing house “Amphora”, 2011. (In Russian)
5. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy Society]. *Izbrannye trudy Karen Khorni i Erikha Fromma* [Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm]. Moscow, Publishing house “Yurist”, 1995. 623p. (In Russian)
6. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Genesis and Time]. Moscow, Ad Marginem Publisher, 1997. (In Russian)
7. *Bringing Out the Dead: Scorsese's Sordid Everyman Returns*. Michael Atkinson. Available at: <https://www.villagevoice.com/2004/12/28/bringing-out-the-dead-scorseses-sordid-everyman-returns/> (In English)

*

ПРАЗДНИК И САКРАЛЬНОЕ: РЕТРОСПЕКТИВА

УДК 394.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10504

В. В. Кибалко², С. Н. Борисов¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет

²Белгородский государственный институт искусств и культуры

Работа направлена на выявление причин оскудения содержательной основы современного праздника. Для их выяснения авторы обращаются к наиболее сакрализованной эпохе – архаике. В статье характеризуются понятия «праздник» и «сакральное», рассматривается связь сакрального и празднеств через призму древнего общества. Выявляются отличительные черты архаичного праздника, его закономерности и особенности, главной из которых является мифологическая основа. Авторы, обращаясь к исследованиям Р. Кайуа и М. Элиаде, рассматривают как сам феномен архаического праздника, так и феномен сакрального в нём, затрагивая такие константы праздника, как время и пространство. Проведённая работа помогает осмыслить, какие именно факторы повлияли на тотальное снижение ценной содержательной основы праздника современной эпохи.

Ключевые слова: праздник, сакральное, миф, время, пространство, эксцесс, архаика.

Vasilisa V. Kibalko², Sergey N. Borisov¹

¹Belgorod State National Research University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Pobedy st., 85, 308015, Belgorod, Belgorod Region, Russian Federation

²Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

FEAST AND SACRED: RETROSPECTIVE

¹КИБАЛКО ВАСИЛИСА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета

KIBALKO VASILISA VLADIMIROVNA – graduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture, employee of the Belgorod State National Research University

²БОРИСОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

BORISOV SERGEY NIKOLAEVICH – Ph.D (Philosophy), Professor, the Head of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, the Belgorod State National Research University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: fiokla-07@mail.ru

© Кибалко В. В., Борисов С. Н., 2019

Main meaning of this article is aimed at identifying the causes of impoverishment of the content basis of the modern holiday. The authors apply to the most sacred era – the archaic to understand the reasons of decrease festive sense. In that work is given definition the concepts of “holiday” and “sacred”, being considered the connection between the sacred and festivities through the prism of ancient society. Article is detect the distinctive features of the archaic holiday, its laws and particular qualities, the main of which is the mythological basis. The authors, referring to the research of R. Caillois and M. Eliade, consider both the phenomenon of the archaic holiday and the phenomenon of the sacred in it, affecting such holiday constants as time and space. The work carried out helps to comprehend exactly which factors are influenced to the total decrease of the semantic basis of the feast of the modern era.

Keywords: feast, sacred, myth, time, space, excess, archaic

Для цитирования: Кибалко В. В., Борисов С. Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 35–41. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1054

С каждым годом смысловая ценность современных празднеств стремительно снижается, праздник становится «пустым», несмотря на свою многомерность и обилие функций, деформируется и искажается. С целью выявления причин стремительной деградации содержательной стороны праздника в текущий период авторы статьи проведут исследование в той части времени, где праздник был вместилищем особого, сакрального смысла, – в древности.

Праздник – вневременное явление, присутствующее любой культуре, продолжающее выступать в качестве одной из наиболее важных сторон жизни общества, регулирующих его адекватную жизнедеятельность. В архаичные времена он выступал не только в качестве необходимого отдыха после трудовых работ, но прежде всего – как особое магическое действие, которое имело влияние на будущее народа; как портал в другой – потусторонний – мир.

Религиозные воззрения архаичного общества, в основе которых лежат мифы, фетишизм, тотемизм и анимизм, составляли также и основу празднеств древности. Праздник прошлого неразрывно связан с мифом (особой формой сознания древнего человека, сопряжённой со знанием о мире) – часто в его пределах воссоздавалась мифо-

логическая первоситуация [1, с. 6]. В. Топоров придерживался мнения, что «для архаичного мифопоэтического сознания всё, что есть сейчас, – результат развёртывания первоначального прецедента, экспликация исходной ситуации в новые условия “оплотняющегося” космологического бытия» [9, с. 11]. Другими словами, в данной концепции мифособытия представляют собой проигрывание одной и той же ситуации миротворения, а герои являются вариантами бога-творца. Результатом этого становится то, что миф обрастает «плотной, наглядной и тотальной сетью отождествлений с правилами переходов (трансформаций) от одного события к другому, от одного героя к другому» [9, с. 11], а сознание древнего человека «затачивается» под перманентную необходимость решения совпадений микро- и макрокосма, мира и человека, а также сопряжённых с этими тождествами проблем.

По мнению К. Хюбнера, «одним из, пожалуй, типичнейших для мифа жизненных проявлений выступает праздник. И наши сегодняшние праздники и торжества, имеющие, за редкими исключениями, религиозное происхождение, обладают равным образом и мифическими корнями, поскольку восходят к языческим обрядам наших предков» [10, с. 171]. В. Агарков придерживал-

ся точки зрения, согласно которой именно миф является осью, объединяющей все элементы праздника и придающей ему такие особенности, как магическая связь с ушедшими поколениями [2], расширение и изменение реальности, сакральный смысл. Базируясь на мифе и религиозных воззрениях, праздник, справляющийся в мифологическом пространстве, проигрывает мифологемы, возвращая их к жизни путём прямых параллелей, и в то же время возрождает реальный мир. Если придерживаться мифоосевой позиции, то можно прийти к выводу, что отсутствие мифологической основы в празднике рождает беспорядочность и приводит к обеднению культуры, мифологическое же ядро делает праздник особым – сакральным – действием.

Понятие «сакральное» в трактовке А. Забияко представляет собой «важнейшую мировоззренческую категорию, выделяющую области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные» [4]. Д. Пивоваров называет сакральным «всё то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам» [8, с. 757]. Сакральным является всё входящее в категорию освящённого, святого, заветного. Оно выступает противоположностью светского, профанного, мирского [8, с. 757]. Таким образом, как мы видим, понятие «сакральное» тесно сопряжено с чем-то иррациональным и религиозно-мистическим.

Жизнь древнего человека была условно поделена на две области: профаническую и подлинно ценную. К первой относилось всё связанное с бытом и ежедневной рутинной, а ко второй – всё то, что было важно для высших сил, то, что было сакрализовано. Важно отметить, что именно сакральное отвечало за правила организации пространства

и времени – двух важнейших компонентов праздника. М. Элиаде считал, что пространство и время древнего человека неравномерно и пунктирно: «Есть периоды Священного Времени. Это время праздников. С другой стороны, есть мирское время, обычная временная протяжённость, в которой разворачиваются действия, лишённые религиозной значимости» [11, с. 283]. Среди характеристик времени праздника – его особая повторяемость: праздничное время способно неизменно воспроизводиться веками, так как это время создано высшими силами во время их деяний и именно они транслируются праздником. Древний праздник возникал в месте пересечения объективной реальности с реальностью мифической, в этом особом «место-времени» («хронотопе», по М. Бахтину [3]) наступал момент проигрывания мифа. «Праздник – это не церемония “в память” о каком-либо мифическом (следовательно, и религиозном) событии, а его восстановление в настоящем» [11, с. 289].

Празднику отводилась ключевая роль в жизни архаичного коллектива, так как именно он являлся материальным отображением религиозных воззрений, воплощением мифологии, вмещал в себя священнодействия, объединял коллектив, сплачивая его, показывал подлинную картину жизни с ценностными ориентациями, актуальными проблемами; решал насущные, первоочередные проблемы общества, в какой бы плоскости они ни лежали – реальной или мифологической. В праздниках и их обрядово-ритуальных комплексах оживала «мифологическая память о прошлом, происходила наглядная актуализация мифических сюжетов, их применение к настоящему» [6, с. 231].

Говоря о празднествах древности, можно отметить, что они представляют собой уникальный культурный сплав, основанный на мифе, событийности, глубокой ре-

лигиозности, аграрном календаре, обрядово-ритуальном комплексе и тому подобном. В результате этого смешения праздник представлял собой некое заклинание, главной функцией которого было обеспечение жизнедеятельности общества; и именно поэтому праздник древности неотделим от своего сакрального ядра.

Р. Кайуа, исследуя феномен сакрального, не единожды возвращается к празднику и утверждает, что последний «предстает как актуализация первых времён мироздания, время изначальной эры великого творения, когда все вещи, живые существа, социальные институты сложились в своей традиционной и окончательной форме» [5, с. 223]. Философ настаивает на том, что праздник является ярчайшим противопоставлением будням: тихую и спокойную рутину сменяет мощный яркий поток экзальтации, усиливаемый религиозностью, нуминозностью (опыт осязания присутствия некой сверхсилы), эксцессами. Для того чтобы праздник действительно стал «дверью в другой мир», стадия предпраздничных приготовлений предполагает не только бытовую подготовку ритуальной пищи, специального места и прочего, но и жёсткий пост – кроме традиционных пищевых и физиологических воздержаний, вводятся дополнительные ограничения и запреты, касающиеся поведения. Однако временные лишения необходимы для того, чтобы сделать праздник на самом деле невероятным, потусторонним действием: строгие, проводимые по всем правилам торжественные обряды, посвящённые божественному, и многозначительные ритуальные действия перемежаются с неистовой радостью, дикими игрищами и неумеренностью во всём. Архаический праздник создавал особые эксцентричные условия, исполненные ритуальной хаотизацией, искажениями и смехом, в проти-

вовес которым и одновременно с которыми он наполнял созидающей энергией, а через ритуальные таинства порождает высокие духовные чувства. Только в празднике дозволены абсолютные крайности: отменяются законы обычной жизни, разрешены и одобряемы брань, разрушения, воровство и побоища [3], которые в данном случае являются проявлением охранительной магии, строящейся на принципе: «Если это сделаем мы, то этого не сделают высшие силы», а на первый план выходит заразительная эмоциональность, групповое объединение. Участники архаического праздника стараются съесть и выпить как можно больше, исполняют специальные ритуалы, танцы, жертвоприношения – всё это призвано сыграть роль повышения качества сельскохозяйственной деятельности (богатый урожай, плодородная почва, увеличение числа приплода). Главными лицами на празднествах становятся в основном служители культов и ряженые, являющиеся воплощениями божеств или прародителей. Разгул и эксцессы, в случае праздников, призваны обеспечить обновление жизни и её новую мощь. «В обществах, где праздники не рассеяны по всему циклу трудовой жизни, а сгруппированы в настоящий сезон праздников, ещё лучше видно, насколько эта пора фактически образует собой период преобладания сакрального» [5, с. 220], отмечает Р. Кайуа и резюмирует, что праздник представляет собой особое время – время обновления и восполнения сил для жизни, наступающее в самый разгар кризиса сезона и необходимое для продуктивной работы в новом цикле.

С течением времени и развитием множества факторов, таких как государственность, ремесленничество, расслоение общества и других, жизнь становится всё упорядоченнее, а праздник – всё мельче: возмож-

ность длительного нарушения привычного уклада жизни грозит экономическими потерями, воззрения изживают себя, хаос перестаёт быть уместным, празднества становятся локальной и уже не охватывают всё окружающее пространство, а обилие общественных забот не позволяет уделять сакральному столько внимания, сколько было отведено в прошлом. Жизнь общества меняется: индивидуализируется – человек максимально пытается отгородиться от всего, что его окружает; рационализируется – люди стараются абстрагироваться от того, что им не совсем понятно, забывают о своём мифологическом прошлом. Результатом этого становится постепенная фрагментация сакрального, которая в конечном счёте, при разделении духовных и светских институтов, начинает вырождаться. «Утрата сакральности характеризует весь опыт нерелигиозного человека в современных обществах. Вследствие этого современный человек ощущает все более серьёзные затруднения в понимании масштабов бытия и ценностей религиозного человека первобытных обществ» [11, с. 256], – отмечает М. Элиаде. На смену празднику приходят отпуска, которые заменяют праздник только в функции отдыха от работы, в основном же они несут, скорее, радикально противоположные архаичному празднику настроения – разъединяют общество, расслабляют его, замедляют, помещают в обстановку инертности и пустоты.

Стоит, однако, отметить и то, что, наряду с деструктивными процессами, в современной культуре всё же существуют глубоко осмысленные обрядово-ритуальные наполнения празднеств, как пришедшие из древности и обретшие новый смысл, так и новые. Сейчас можно наблюдать дальнейшее усиление интереса к православию, что способствует прогрессивному подъёму

праздников религиозной направленности, которые, в свою очередь, являются важной частью современной праздничной культуры и одновременно ярчайшими представителями сакрально наполненных празднеств. Необходимо отметить, что религиозные праздники отмечаются не только верующими, но и теми, кто не верит в божественные силы. Особо это применимо к христианству – рождественские и пасхальные праздники справляются на государственном уровне более чем в пятидесяти странах мира, и многие участники так называемой светской части этих празднеств не являются верующими, а просто находят обрядовую и внешнюю их составляющую привлекательной и интересной. Этому во многом способствует и массовая культура, делающая эти празднества своеобразным брендом.

На территории России проживали и проживают народности, имеющие разнообразные вероисповедания. Христианская вера, ислам, иудаизм, буддизм и многие другие религии существуют в Российской Федерации бок о бок, каждая из них имеет свои праздники и обрядово-ритуальный комплекс. Наиболее распространённые праздники в современном российском обществе – православные, среди них наиболее известны Рождество, Крещение и Пасха. Они же являются наиболее популярными – святочный комплекс, пасхальные переходящие праздники (праздники, не имеющие фиксированной даты), а также соблюдение расписания масленичной недели (Масленица – народный праздник, который успешно вошёл в христианский календарь, став логичным предшествованием Великому Посту) переживают период возрождения старых традиций и появления новых. В республиках с тюркоязычным населением, в некоторых северных и кавказских регионах доминируют праздники ислама.

Религиозные празднества в России не просто популярны, они зачастую выступают как истинно народные, а иногда и как государственные. Имея богатую историю, они продолжают развиваться, пробуждая у народа интерес к культуре и вере. Именно они продолжают являться своеобразным оплотом традиций – в них сохранились смыслы, обряды и ритуалы, тексты песен (молитв, заговоров и тому подобного), модели поведения и многое другое. На примере Белгородского государственного национального исследовательского университета можно проследить, как христианские традиции, возрождаясь, активно входят в жизнь социума: новые здания и объекты, а также реконструированные помещения обязательно освящаются; крупные празднества (в том числе светские – День знаний, День рождения университета, День российского студенчества и другие) сопровождаются богослужениями; в традиционном праздничном шествии, открывающем учебный год, присутствуют представители духовенства; «Студенческая пасха» отмечается очень масштабно и охватывает все вузы области, справляется святочный комплекс. Также на постоянной основе вуз тесно сотрудничает с Марфо-Мариинским сестричеством милосердия и Белгородской православной духовной семинарией, регулярно проводятся тематические просветительские мероприятия.

В результате проведённого исследования можно сделать вывод, что главным фактором, повлиявшим на десакрализацию праздника, является трансформация мифологической основы и её измельчание. Причины этого феномена сопряжены с такими категориями, как государство, расслое-

ние общества, экономика, развитие культуры развлечений и другие.

Снижение сакральности праздничной культуры современности говорит об измельчании творческого и духовного начал, серьёзных изменениях в ориентирах общества и его моральном облике, накоплении деструктивной энергии, которая не имеет контролируемого выхода (пожалуй, единственной адекватной альтернативой праздничному беспределу могут послужить только игры). Вместе с тем, однако, сохраняются и сакрально наполненные праздники – в основном религиозные, главными примерами которых являются христианские празднества.

Праздник представляет собой концентрированную культуру, является отражением истории. Вместе с тем праздник постоянно обновляется и трансформируется, помогает не только усваивать традиции, но и выстраивать картину мира. «Полноценное знание и понимание праздника невозможно без изучения его истоков» [7, с. 28–29], – потому люди, ратующие за возрождение культуры (углубление ценностного содержания и знание своего прошлого), вместилищем которой и являлся праздник, должны заострить своё внимание на изучении этого явления, веками формировавшего современность: обряды и ритуалы, песни и танцы, пословицы, поговорки, заклички, загадки и многое другое, что взросло и сохранилось донныне именно благодаря празднествам. Человек до сих пор продолжает нуждаться в празднике, ощущая его недостаток не только в качестве атрибута веселья, но и в особом состоянии междумирья, которое помогает прикоснуться к той таинственной силе, которую он несёт.

Примечания

1. Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван : АН АрмССР, 1983. 232 с.
2. Агарков В. И. Миф, ритуал, праздник: взаимосвязь традиций // Культура народов Причерноморья. 2001. № 21. С. 185–190.

3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва : Эксмо, 2015. 640 с.
4. Забияко А. П. Сакральное // Большой толковый словарь по культурологии [Электронный ресурс] / под ред. Б. И. Кононенко. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-209-1.htm#zag-1059>
5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. Москва : ОГИ, 2003. 296 с.
6. Мелетинский Е. Поэтика мифа. Москва : Азбука-Аттикус, 2017. 254 с.
7. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен : автореферат дис на соиск. учён. степени доктора культурологии : 24.00.01 / Орлов Олег Леонидович. Санкт-Петербург, 2004.
8. Пивоваров Д. Сакральное // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. Москва : Панпринт, 1998. С. 757.
9. Топоров В. Н. О ритуале // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. Москва : Наука, 1988. С. –61.
10. Хюбнер К. Истина мифа. Москва : Республика, 1996. 448 с.
11. Элиаде М. Миф о вечно возвращении. Москва : Ладомир, 2000. 414 с.

References

1. Abramyan L. A. Pervobytnyy prazdnik i mifologija [Primeval holiday and mythology]. Erevan, Published by AN ArmSSR, 1983. 232 p. (In Russian)
2. Agarkov V. I. Mif, ritual, prazdnik: vzaimosvyaz' traditsiy [Myth, ritual, holiday: the relationship of traditions]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya [Culture of the peoples of the Black Sea]*. 2001, no 21, pp. 185–190. (In Russian)
3. Bakhtin M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekoviya i Rennessansa [Rabelais and His World]*. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 2015. 640 p. (In Russian)
4. Zabayako A. P. Sakral'noe [Sacral]. In: Kononenko B. I., ed. *Bol'shoy tolkovyy slovar' po kul'turologii [Large Explanatory Dictionary of Cultural Studies]*. Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-209-1.htm#zag-1059> (In Russian)
5. Kayua R. Mif i chelovek [Caillois Roger]. *Chelovek i sakral'noe [Man and the Sacred]*. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2003. 296 p. (In Russian)
6. Meletinsky E. *Poetika mifa [Poetics of myth]*. Moscow, Publishing house “ABC-Atticus”, 2017. 254 p. (In Russian)
7. Orlov O. L. *Rossiyskiy prazdnik kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Avtoreferat diss. dok. kul'tur. [Russian holiday as a historical and cultural phenomenon. Synopsis Doc. Cultural Studies diss.]*. St. Petersburg, 2004. Pp. 28–29. (In Russian)
8. Pivovarov D. Sakral'noe [Sacred]. In: Kemerova V. E., ed. *Sovremennyy filosofskiy slovar' [Modern Philosophical Dictionary]*. Moscow, Publishing house Panprint”, 1998. 1064 p. (In Russian)
9. Toporov V. N. O rituale [About the ritual]. *Arhaicheskiy ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamyatnikakh [Archaic ritual in folklore and early literary monuments]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1988. Pp. 7–61. (In Russian)
10. Hubner K. *Istina mifa [Truth of myth]*. Moscow, Publishing house “Respublika”, 1996. 448 p. (In Russian)
11. Eliade M. [Eliade Mircea] *Mifo vechnom vozvrashchenii [The myth of eternal return]*. Moscow, Publishing house “Ladimir”, 2000. 414 p. (In Russian)

*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПТИЦЫ И ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ СЕВЕРА

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10505

О. Г. Лукина¹, Ю. А. Бычков^{2, 3}, О. В. Реш³

¹Тюменский государственный институт культуры

²Тюменский индустриальный университет

³Белгородский государственный институт искусств и культуры

Рассматривается вопрос о соотношении мифологической и семиотической систем в этнических культурах на примере превращения мифологического образа птицы (гагары, ворона, орла) в знак-символ в традиционных культурах народов Севера. Обосновывается, что семиотику, сформировавшуюся в мифологический период и закрепившуюся в обрядовом фольклоре и художественном творчестве северных народностей, следует рассматривать как форму накопления и передачи коллективной памяти с целью конструирования должной действительности, зашифрованной в виде символов – смыслообразов, выступающих как язык культурных текстов – носителей исторической памяти, утрата которых может означать разрушение культуры.

Ключевые слова: культура, традиционная культура, миф, семиотика, знак-символ, «культурный код», этнос.

---

¹ЛУКИНА ОЛЬГА GERMANOVNA – старший преподаватель кафедры дизайна костюма Тюменского государственного института культуры

LUKINA OLGA GERMANOVNA – senior teacher of the Department of Costume Design, the Tyumen State Institute of Culture

²БЫЧКОВ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доцент кафедры дизайна архитектурной среды Тюменского индустриального университета

BYCHKOV YURIY ALEKSANDROVICH – Associate Professor of the Department of Design of the Architectural Environment, the Industrial University of Tyumen

³РЕШ ОЛЕСЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин Белгородского государственного института искусств и культуры

RESH OLESYA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of General Theoretical and Humanitarian Disciplines, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: lukina_79@inbox.ru¹, mankurt62@mail.ru², olesya-resh@yandex.ru³

© Лукина О. Г., Бычков Ю. А., Реш О. В., 2019

Olga G. Lukina¹, Yury A. Bychkov², Olesya V. Resh³

¹Tyumen State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Respubliki str., 19, 625003, Tyumen, Tyumen Region, Russian Federation

²Industrial University of Tyumen, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Volodarskogo str., 38, 625000, Tyumen, Tyumen Region, Russian Federation

³Belgorod State Institute of Arts and Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

MYTHOLOGICAL IMAGES OF BIRDS AND ORNITHOMORPHIC SYMBOLISM IN TRADITIONAL CULTURES OF THE PEOPLES OF THE NORTH

The article explains that semiotics, formed during the mythological period and established in sacramental folklore and artworks of the Northern peoples, should be regarded as a way to accumulate and share collective memory with the aim of designing due reality, ciphered as symbols – conceptual images, which play the role of a language of cultural texts – the bearers of historical memory, whose loss can lead to the destruction of culture.

Keywords: culture, traditional culture, myth, semiotics, symbolic sign, culture code, ethnic group.

Для цитирования: Лукина О. Г., Бычков Ю. А., Реш О. В. Мифологические образы птицы и орнитоморфная символика в традиционных культурах народов Севера // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 42–50. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1055

Изучение семиотической и мифологической систем в традиционных культурах народов Севера актуализирует проблему понимания роли знака-символа в образной системе, определяющей национальное мышление северных народностей. Многочисленные археологические и этнографические источники подтверждают возникновение тех или иных знаков-символов в культуре, исходя из географических и природных условий обитания этноса. Не менее значима при этом и форма деятельности этноса. Не случайно современные теории общественного развития называют форму деятельности важнейшим фактором формирования культуры. Социальная и культурная реальность, возникающая в результате практической деятельности этноса, определяет форму его быта и специфику духовной жизни, так как является ничем иным, как продуктом этой деятельности.

Социокультурная реальность как «культурный факт» воспроизводится в традиционной культуре народов Севера посредством мифологии, регулировавшей семейно-бытовой уклад и алгоритм жизнедеятельности, необходимый для выживания. В воспроизведении социокультурной реальности особая роль в культурах народов Севера отводилась обрядовой семиотике, так как «человек (*в отличие от животных, руководимых инстинктами.* – О. Л., Ю. Б., О. Р.) живёт не в мире предметов, а в мире символов» [7, с. 13]. По сути, всё, что присутствует в материальной и духовной жизни этноса – как материальные структуры, так и правила, законы, обычаи и условности, – создано самими людьми и может рассматриваться как вещественные предметы, либо идеальные образования» [7, с. 13], «переведённые» в систему символов и объединённые общим понятием «культура» [7, с. 13].

Таким образом, все «вещественные предметы» и «идеальные образования», как и «модели самовыражения человека, объективированного в нормы и структуры» социума, есть «реальность, отражённая в нашем восприятии, пронизанная мифами и символами, которые разделяют все носители культуры» [7, с. 16–17].

Вместе с тем культура – это неавтономная и неизменяемая знаковая система, она встроена в непрерывный семиотический процесс, уходящий корнями в мифологию, ориентированную на накопление и воспроизведение культурной информации. Поэтому совокупность знаков-символов, выражающих мировоззрение социума и «выработанных в границах этнической культуры, может пониматься как культурный или, точнее, этнокультурный код» [3, с. 12]. В этом смысле символика в её историческом измерении выступает как система сохранения и передачи кода – духа – культуры.

В культурологии принято различать «знак» и «символ». Они дифференцируются по следующим признакам – знак соотносится с системой письма, тогда как символ связывается с языковой и неязыковой системой коммуникации. Так как появление знака-символа было обусловлено необходимостью установления вербального и невербального, устойчивого во времени обмена информацией, то семиотика становится вторичной, после языка, моделирующей системой.

Семиотика как система прошла в своём развитии сложный эволюционный путь: «от генеалогических схем, иллюстрировавших мифы-повествования о первопредках и временах творения до многоплановых и развёрнутых в длинные цепочки мифов – носителей символических знаков» [2, с. 61]. Из этого следует, что эволюция исторической мифологии – это важнейший источник и

«двигатель» эволюции духовной жизни человека, а вместе с ней – эволюции социальной структуры и самой культуры. Это тем более важно, если помнить, что в мифологии в образно-символической форме представлены не только все известные в современном знании и теоретически оформленные концепции пространства и времени¹, но и модели поведения человека – в их символическом значении.

Только на основе многочисленных разработок в области мифологии и семиотики можно судить сегодня о том пути, который пришлось пройти человечеству для познания мира, человека и места человека в мире. Изначально о структуре мира – его целостности или мозаичности – можно было судить, основываясь в основном на зрительной и чувственной информации с последующим её осмыслением и обобщением на уровне обыденного сознания – способе формирования обыденного знания. Так как обыденное знание тяготеет к «иллюстрации» абстрактного содержания чего-либо через наглядные образцы, образы и модели, заимствованные из повседневного – житейского – опыта, то именно человек выступает в нём одновременно и как субъект – источник мировоззрения и интуитивного знания, обладатель и носитель практического опыта, и как объект их приложения. Поэтому в обыденном знании поиск и осознание истины в большей степени ассоциирован с самосознанием субъекта и не поднимается до уровня надличностных отношений, попада-

¹ Интересно, что научное мышление выстроено на превосходстве понятия времени над понятием пространства, тогда как в мифологическом, а затем в фольклорном – традиционном – мышлении пространственное мирозерцание доминирует над временным. Отсюда разница между синтетической – фольклорной – формой рефлексии в неписьменном типе культуры и аналитической формой рефлексии – в письменном.

ющих в поле зрения науки, отчего познание действительности человеком было и останется исключительно антропоморфным.

Оборотной стороной антропоморфизма становится символизм, откуда берёт начало изоморфизм вселенной и социума. Мифологическое мышление, таким образом моделируя мир по образу и подобию человека (включая образцы поведения и взаимодействия с окружающим миром и людьми, модели социума, места обитания), формирует исторически первый тип мировоззрения. Он представляет собой совокупность представлений о мире (пространстве и времени), человеке (времени) и месте человека в мире (в пространстве и времени), нашедших отражение в системе мифов.

Миф, являясь одним из носителей семиотики, выступает как модель миротворения в традиционных культурах народов Севера. Мифологические модели этносов (носителей доминирующих социальных и культурных черт нации) ложатся в основу их культурного кода. Это означает, что семиотика отражает мифологическое мышление этносов в той же степени, в какой система мифов отражает роль и место человека в природе, его связь с растительным и животным миром. В этом смысле семиотика, выступающая как вторичная после языка моделирующая система, является предметом философского и культурологического осмысления.

Рассматривая семиотику как форму накопления и передачи коллективной памяти с целью конструирования должной действительности, зашифрованной в виде символов – смыслообразов, можно говорить о том, что они выступают как язык культурных текстов – носителей исторической памяти, утрата которых может означать разрушение культуры. Поэтому культуру можно представить не только как реализован-

ную, осуществлённую или воплощённую ценность, но и как механизм накопления, фиксации и передачи информации при помощи знаково-символической системы. Это означает, что в традиционной культурной традиции народов Севера семиотика образа птицы, воплощённая не только в фольклорной традиции, но и в изобразительном творчестве северных народностей, заключала в себе архетипичные образцы и правила взаимодействия с миром, гарантировавшие выживание. Представляя собой культурные тексты, которые передавались из поколения в поколение, они регулировали жизнь и деятельность коллектива, обеспечивая его продолжение в вечности, отчего в исторической перспективе они, по сути, превращались в специфический культурный код.

Многочисленные археологические и этнографические материалы, включающие в себя предметы быта и декоративно-прикладного искусства, а также мифы о сотворении мира традиционных культур народов Севера, позволяют говорить о мифологических и изобразительных образах птиц-демиургов (творцов, создателей мира); птиц, связанных с разными элементами мироздания (подземным миром, землёй, водой, небом, солнцем), а также культом орнитоморфных духов-покровителей или прародителей фратрий. Изначально в традиционных культурах северных народностей птицы были вполне антропоморфны, им не были чужды человеческие качества (характер, темперамент и т.д.). Следующий этап развития символического изображения птиц в традиционных культурах связывают с анимистическими представлениями северных народов, именно в этот период многие птицы обрели символическое значение. Так появились фантастические образы птиц – химеры.

Проанализируем образы птиц в порядке их популярности в традиционных культурах северных народностей: гагара, ворон, орёл.

Возникновение образа водоплавающей птицы – гагары, выполнявшей в традиционных культурах многих северных народностей роль демиурга, было не случайным и связано скорее всего с географическими и ландшафтными условиям обитания этносов (бурные реки, многочисленные озёра и болота были местом обитания огромного количества видов пресноводных и морских рыб, а также водоплавающих птиц). Этот образ имел множество вариаций и вошёл в мифологию многих северных народностей. Гагара – не только самый популярный птичий образ в обрядовой культуре многих этносов, но и самый распространённый в мифологических сюжетах.

По мнению исследователей истории, этнографии и фольклора (В. Е. Васильев, Г. В. Ксенофонтов, Г. У. Эргис, И. С. Гурвич), «архаичный мифологический мотив, связанный с птицей-творцом (гагарой), занимает особое место в космогонически представлениях тунгусов, долган и северных якутов» [5, с. 232–233]. Приведём наиболее известный мифологический сюжет, связанный с образом гагары: «Под небом была вода. Мать Божия предположила создать землю. Не имея к образованию её нужных материалов. Мать Божия сотворила гагару с белым носом и утку, названную Улункус. Выслав на воду этих птиц, Мать Божия велела им нырнуть и достать со дна моря комки земли. “Если вы исполните мою просьбу, – сказала Мать Божия, обращаясь к уткам, – то я дам вам такое проворство, какого не будет иметь ни одна птица”. Первою из воды явилась утка и выбросила изо рта кусок земли. Прибывшая затем гагара объявила, что она, заблудившись

в море, земли не нашла; но Мать Божия заметила, однако ж, что у гагары полон рот набит землёю. Рассердившись на такой обман, она сказала гагаре: “Лукавая птица, не Я ли дала тебе против утки и сил больше, и Нос длиннее и назвала тебя святым именем, а ты меня обманула, пожалев море”. Затем Мать Божия прокляла гагару, прибавив: “Отныне ты, как последняя галина, будешь во всеобщем презрении; станешь жить не на святой земле, а на воде и питаться всякой дрянью”. После этого Мать Божия из принесённой земли сделала шарик и, освятив его, спустила в море. Не утонул этот шарик, не унесли и не разбили его волны, остался он на одном месте и как плавучий остров начал увеличиваться, пока, наконец, из него не образовалась большая земля...» [5, с. 234]. Таким образом, «образ гагары, изначально имея амбивалентный характер, достаточно противоречив. С одной стороны, гагара, согласно мифопоэтическому сознанию долган, как творец земли птица священная, с другой – шаманский символ, ассоциирующийся с Нижним миром. С этой точки зрения гагара считается нечистой, поскольку посещает мир мёртвых и обладает некоторыми хтоническими чертами. Такое двойственное отношение в целом соответствует дуалистическому характеру космогонических мифов, где борются тесно связанные между собой силы доброго и злого начал. Бытовало немало примет и поверий, связанных с поведением данной птицы. Например, вещим был необычный крик гагары (ичнилээх), якобы предвещающий какую-либо угрозу или несчастье (тууйэр). Подобному голосу подражали шаманы во время камланий» [5].

По свидетельству И. А. Худякова, верхожанские якуты гагару считали богом, украшали её шею, брови и прочее разноцветным бисером [8, с. 272]. Деревянная скульптура птицы устанавливалась в виде наверхия на

столбах во время магических обрядов, посвящённых проходам духа и жертвенного скота на небо.

У долган гагара не была промысловой птицей, её мясо не ели. Зато шкура, обладающая особой прочностью и водоотталкивающим свойством, использовалась в изготовлении одежды. Вообще, женщинам нельзя было прикасаться к шкуре гагары, хотя в старину, как и у многих северных народов (канинских ненцев, чукчей и ительменов), она считалась традиционным материалом для изготовления нательной одежды [5, с. 87].

Орнитоморфная символика – характерная особенность костюма сибирского шамана. Изображение гагары – одно из наиболее часто встречаемых на шаманском кафтане долган. Обычно оно представляет собой плоскую металлическую подвеску, в которой достаточно детально передаётся фигура птицы [7]. Изображение орнитоморфного мотива можно обнаружить и на металлическом наконечнике женского посоха (ло/гкиилаак ньуории). Его г-образная форма напоминает профиль головы птицы. Если образ гагары в долганской мифологии непосредственно связан с космогоническими воззрениями, то в целом орнитоморфная символика отражает более широкий спектр архаических тотемистических представлений, в основе которых лежит почитание родовых культов [7, с. 236].

Итак, образ гагары символизируется в традиционных культурах северных народностей как творец мироздания и олицетворяет собой благополучие и счастье.

Сюжеты о вороне образуют древнейший пласт мифологии и фольклора палеоазиатов Чукотки и Камчатки. Ворон в чукотских мифах всегда демиург и культурный герой, а не первопредок, как в мифах коряков и ительменов. Исключение состав-

ляет рассказ о порождении Вороном и его женой близнецов – первых людей. Ворон создаёт сам себя, а впоследствии сам себя превращает в гром [4, с. 21–22]. В отдельных вариантах Ворон действует по поручению Творца или Творец здесь тождествен Ворону, и такая тождественность, возможно, и является древнейшей чертой. В сюжете добывания света Ворон обычно действует в паре с другой птицей – куропаткой или зимушкой. В выдвигании на первый план Творца отчасти могло сказаться и влияние христианства.

Ворон Куркыль выступает не только в мифах творения и не только в качестве культурного героя. Несколько особняком стоит мифологическая сказка о Вороне в сменном браке с орлом. Жена Ворона становится одновременно и женой орла и живёт с орлом и двумя детьми – орлёнком и воронёнком. Орел запрещает детям летать в определённом опасном направлении, но они нарушают табу и в первый раз добывают дикого оленя (в эскимосском варианте – мамонта), во второй раз – гигантскую рыбу или кита (который проглатывает и выплёвывает воронёнка), а в третий раз чужой орёл похищает орлёнка, и отец последнего вынужден обратиться за помощью к Ворону, который оказывается мудрее и сильнее своего товарища в сменном браке [4]. В старом Вороне подчёркиваются черты колдуна или шамана, с которым не может тягаться его товарищ. Противопоставление ворона и орла может быть и реликтом фратриальной оппозиции, и естественным стремлением сопоставления с орлом, который является предметом культа у ряда народов Сибири.

Важно заметить, что в основе традиционных промысловых праздников северных народностей (ительменов, коряков) находятся представления о символическом значении ворона. Ворон по-ительменски зовёт-

ся Кутх (Кутху), а по-корякски – Куткыннюку (Куйкыннюку). Куйк(ы)ннюку значит «Большой Ворон». Кутх в ительменском мифе-сказке охотится на морских зверей, но отпускает их одного за другим, пока не является кит, которому он влетает в пасть, чтобы наестся жира. В корякском варианте Куйкыннюку отсылает и кита и останавливается только на сыне морского хозяина, из которого вытягивает костный мозг. Это «отсылание» обратно морского «гостя» в надежде, что он пришлёт других, составляет основную символическую концепцию праздника кита, нерпы и других церемоний, аналогичных по своей идее медвежьему празднику у сибирских народов.

Ворон является наиболее поливалентным образом не только в мифологических повествованиях, но и в мифологической системе (пантеоне) северо-восточных палеоазиатов, от которого тянутся нити к большинству других мифологических существ, с которыми ворон входит в целый ряд противопоставлений и конфигураций. Здесь важно учитывать не только данные повествовательного фольклора, но и скромные сведения о культе Ворона. По данным В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза, коряки апеллировали к Куйкыннюку при зажжении нового огня в священном очаге, обращались к нему как к хранителю стада; у них Куйкыннюку фигурировал в заклинаниях против злых духов и иногда изображался на лестнице в старых корякских землянках; в обрядовых играх у коряков употреблялись маски, изображающие детей Ворона. У чукчей Ворон (якобы живущий близ Полярной звезды) по зову шамана прилетал, чтобы съесть злых духов. Подражание крику ворона имело место во время китового праздника у ительменов. Любопытно, что эвенки подражают крику ворона во время охоты на медведя [1, с. 217–218].

Итак, можно предположить, что мифы о Вороне – культурном герое – первоначально разработаны представителями соответствующих фратрий и родов и что, подчёркиваем, эти фратрии и роды могли возникнуть ранее ныне существующего и тоже достаточно давнего этнолингвистического разделения. В дальнейшем родовые (фратриальные) первопрядки могли превращаться в общеплеменных за счёт известной и широко распространённой асимметрии в отношениях между фратриями и родами.

Что касается Орла, то в качестве небесной солярной птицы он в мифологии различных народов то противопоставляется Ворону как копающемуся в грязи и земле, то конкурирует с последним, так как Ворон, несомненно, связан также с небом, луной, солнцем.

Культ Орла, как показал Л. Я. Штернберг в своей известной работе, был широко распространён не только у индоевропейских народов, но и у многих народов Сибири, главным образом урало-алтайских (финны, якуты, тунгусо-маньчжурские народности). Здесь Орёл иногда наделён чертами шамана и культурного героя. Особенно ярко культ Орла прослеживается у якутов, в мифологии которых, как мы знаем, известную роль играет и Ворон, но в качестве тёмной силы: с Вороном связываются чёрные шаманы, а с Орлом – белые, то есть служители светлых небесных богов. Тотемический, мифологический параллелизм (дополнительность) Орла и Ворона здесь асимметричен в пользу Орла. У палеоазиатов и аляскинских индейцев мы сталкиваемся с обратной ситуацией, ибо здесь Ворон является главным общеплеменным культурным героем, ассоциирующимся с небесными силами.

В мифологических воззрениях народов севера России образ Орла символизирует

ся как: 1) Орёл – хозяин и повелитель солнца (по представлениям якутов, благодаря одному взгляду и крику Орла солнце появилось из тумана); 2) Орёл – хозяин огня; 3) Орёл – возродитель природы; 4) Орёл – творящий, творец; 5) Орёл – типичный тотем у якутов (род, считающий своим тотемом Орла, называется «произошедшим» от Орла; по представлениям якутов, Орёл-дух фактически участвует в деторождении; как возродитель природы, Орёл, естественно, и бог плодovitости).

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что совокупность знаков-символов, выработанных в традиционных культурах северных народностей и связанных с образом птицы (гагары, ворона, орла) образует семиотическую систему, основная задача которой формировать единое понятийное поле и общее для этноса миропонимание, с тем чтобы обеспечить единообразие и идентификацию (упорядоченность космоса) ранее разрозненных (олицетворение хаоса) сведений о мире и образцов

опыта. Этого требовала логика выживания: несовпадение смыслов (семантики, плана содержания, тайного) одних и тех же символов, а значит, расхождение в миропонимании, вело к искажению восприятия явного, что на уровне взаимодействия этносов приводило к непреодолимому антагонизму. Таким образом, ранний этап развития традиционной культуры народов Севера завершается созданием семиотической системы – системы символов как своеобразного языка, при помощи которого обозначались и идентифицировались предметы и явления материального и духовного мира, что способствовало «приведению мира в Порядок» посредством формирования коллективного сознания (сегодня это – общественное сознание). Так как семиотическая система как компонент мифологии участвует в формировании исторически первого типа мирозрения, то можно утверждать, что семиотика получает выраженные мировоззренческие основания в традиционных культурах северных народностей.

Примечания

1. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX века). Ленинград : Наука, 1969. 304 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вст. ст. Наталии Автономовой. Москва : Ad Marginem, 2000. 512 с.
3. Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. Москва : Наука, 1987. С. 12.
4. Мелетинский Е. М. Исследования по фольклору и мифологии Востока. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. Москва : Наука, 1979. 233 с.
5. Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Ленинград : Наука, 1976. 23 с.
6. Савинов А. И. Проблемы культурной идентификации долган : На материалах традиционного искусства. Новосибирск : Наука, 2005. 309 с.
7. Франкл Дж. Археология ума / пер. с англ. А. Г. Вронской. Москва : АСТ: Астрель, 2007. 248 с.
8. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Ленинград : Наука, 1969. 439 с.

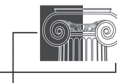
References

1. Vasilevich G. M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX veka) [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century)]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1969. 304 p. (In Russian)
2. Derrida Zh. *O grammatologii [About grammatology]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2000. 512 p. (In Russian)

3. Lotman Yu. M. Neskol'ko mysley o tipologii kul'tur [A few thoughts on the typology of cultures]. [A few thoughts on the typology of cultures]. *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Languages of culture and problems of translatability]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1987. P. 12. (In Russian)
4. Meletinsky E. M. *Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka. Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos. Tsikl vorona. [Studies on folklore and mythology of the East. Paleo-Asian mythological epic. The Raven Cycle]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979. 233 p. (In Russian)
5. Prytkova N. F. Odezhda chukchey, koryakov i itel'menov [Clothing of the Chukchi, Koryak and Itelmen]. *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa Material Culture of the Peoples of Siberia and the North]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1976. 23 p. (In Russian)
6. Savinov A. I. Problemy kul'turnoy identifikatsii dolgan : Na materialakh traditsionnogo iskusstva [Problems of cultural identification of the Dolgans: On the materials of traditional art]. Novosibirsk, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2005. 309 p. (In Russian)
7. Frankl Dzh. *Arkheologiya uma [Archeology of the mind]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2007. 248 p. (In Russian)
8. Khudyakov I. A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga [Brief description of the Verkhoyansk district]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1969. 443 p. (In Russian)

*

ПЛАТОН О МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ : ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 78(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10506

А. В. Миронов

Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования города Москвы «Детская школа искусств №14»

В творчестве Платона учение о музыке не носит цельного и завершённого характера. В статье представлен наиболее систематический подход к суждениям Платона о музыкальном искусстве. Такой подход, как полагает автор, позволяет приблизиться к концептуальному видению специфики и роли музыкального искусства в рамках учения Платона и – шире – всей античной философской классики. Указанная проблема разрешается автором, исходя из методологии и логики платоновского идеализма и конкретно его учения о душе, что позволяет предложить адекватную платонизму классификацию музыкального искусства. Идеальное государство Платона является ещё одной призмой для понимания сути музыкального искусства и его классификации, которая определяется задачами достижения согласия и гражданских добродетелей.

Ключевые слова: философия музыки, Платон, душа, вожделеющая музыка, волевая музыка, разумная музыка, гармония, идеальное государство.

Andrey V. Mironov

State budgetary institution of additional education of the city of Moscow “Children’s School of Arts No. 14”, Pronskayad st. 7, 109145, Moscow, Russian Federation

PLATO ON MUSICAL ART: EXPERIENCE OF SYSTEMATIC ANALYSIS

In Plato’s legacy, the doctrine of music is not holistic and complete. The article presents the most systematic approach to Plato’s judgments on the art of music. The author believes that such an approach allows us to get closer to the conceptual vision of the specifics and the role of musical art within the framework of Plato’s teachings and all ancient philosophical classics. This problem is solved by the author, based on the methodology and logic of Plato’s idealism and specifically his soul’s teachings, which allows to offer an adequate classification of musical art in Platonism. The Ideal State of Plato is another prism for understanding the essence of musical art and its classification, which is determined by the objectives of achieving harmony and civil virtues.

Keywords: a music philosophy, Plato, a soul, a lustrous music, willful music, a reasonable music, a harmony, the Ideal State.

МИРОНОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат философских наук, преподаватель Государственного бюджетного учреждения дополнительного образования города Москвы «Детская школа искусств № 14»

MIRONOV ANDREY VLADIMIROVICH – PhD (Philosophy), teacher of the State budgetary institution of additional education of the city of Moscow “Children’s School of Arts No. 14”

e-mail: ruschac@yandex.ru

© Миронов А. В., 2019

Для цитирования: Миронов А. В. Платон о музыкальном искусстве: опыт систематического анализа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 51–58. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1056

В трудах Платона суждения о музыкальном искусстве не имеют развёрнутого и целостного характера и представляют собой по преимуществу короткие размышления, прежде всего в виде комментариев к основной теме «Диалогов». Сложность состоит также в том, что у мыслителя нет ни одного диалога, который был бы посвящён именно музыкальному искусству. В его наследии отсутствует чёткая классификация искусства в целом. Рассуждения о музыкальном искусстве носят, как правило, факультативный / иллюстративный характер, разворачивая и подтверждая доминирующую философскую тему или проблему. Таким образом, при доскональном исследовании наследия Платона и своеобразия платоновского идеализма вопрос о сущности музыкального искусства в его учении не получил ещё достаточного концептуального рассмотрения, и данная статья предлагает пути решения этой проблемы. Надо сказать, что Платон прекрасно разбирался в музыке, её природа была значима для его философской аргументации. Он очень часто прибегал к музыкальным примерам, что, в свою очередь, позволяет говорить если не о цельной музыкальной системе, то об устойчивых представлениях о ней, пронизывающих всё учение Платона.

На наш взгляд, эвристическим принципом данного анализа может стать платоновское учение о душе. Ведь с идеи души и её основания – знания о наилучшем – начинается античная философская классика у Сократа. Столь же принципиальным был трактат «О душе» для учения Аристотеля. Именно такой подход позволяет воссоздать им-

манентную логику высказываний о музыке и придать им системный характер.

В том, что музыка и душа у Платона наполнены одним смыслом, не может быть сомнений. Ведь в представлениях Платона душа является существенной характеристикой как космоса, так и человека. «Согласно правдоподобным рассуждениям, – читаем мы у Платона, – следует полагать, что этот космос, промышленным божиим, стал живым существом, наделённым душой и умом» [9, с. 971]. Мировая душа является незримой и неотъемлемой частью вселенной.

Характеризуя взаимоотношения частей души человека, Платон пользуется идеей созвучия. Отношения между разумной, воледеющей и яростной частями души никак не механические. Платон пишет, что внести справедливость в душу означает установить там естественные отношения владычества и подвластности её начал, тогда душа становится доброй и рассудительной, а противоположная душа – нерассудительная и злая, неразумная и необузданная. Нельзя упускать из виду и то, что для Платона человек немислим вне полиса. По определению он является гражданином полиса и может быть лишён этого только в результате остракизма. Потому рассудительность характеризует и душу гражданина, и его полис. В обоих случаях у Платона идёт речь о рассудительности, которую он характеризует посредством музыкальных образов. «Рассудительность же не так проявляется в государстве: она настраивает на свой лад решительно всё целиком; пользуясь всеми своими струнами. Она заставляет и те, что слабо натянуты, и те что сильно, и средние звучать согласно между собою, если угодно, с

помощью разума, а то и силой или, наконец, числом и богатством и всем тому подобным ...» [9, с. 828].

Иначе говоря, если основная цель человека быть счастливым, то ему необходимо так благоустроить свою душу, чтобы она привела к гармонии как созвучию справедливости. Именно через данные характеристики Платон вводит музыкальный язык описания в своё учение о душе. Описывая разные состояния души, Платон не случайно прибегает к музыкальному искусству, которое способно выразить малейшие настроения души в своих произведениях. Такое родство музыкального искусства и душевных переживаний помогает разобраться в качестве исполняемого произведения. «Конечно, о каждом отдельном произведении надо, чтобы не впасть в ошибку, знать, что оно собой представляет. Кто не знает его сущности, направленности и чему оно действительно подражает, тот едва ли распознает правильность или ошибочность его замысла» [9, с. 1065]. Платон не был бы античным мыслителем, если бы не разделял музыку на правильную и неправильную, лучшую и худшую, что коррелируется у него с пониманием человеческой души.

У Платона часто встречаются высказывания, которые характеризуют музыку через призму удовольствия. «Я говорю о нежных и ясных звуках голоса, поющих какую-нибудь цельную и чистую мелодию: они прекрасны не по отношению к чему-либо другому, но сами по себе и сопровождаются особыми, свойственными им удовольствиями» [9, с. 349]. Такого рода высказывания встречаются довольно часто в творчестве мыслителя. Платон указывает, что такая музыка воспроизводит прекрасные звуки, которые веселят нас.

Однако в данном случае речь идёт об удовольствии особого сорта – эстетическом

и одновременно чувственно-эмоциональном, к чему Платон относился довольно критически. Потому что, так же как и в учении о трёх путях познания, где грубые чувства лишь скользят по поверхности вещей, скрывая главное в них, он считал, что возделывающая музыка, которая будучи связанной с соответствующей частью души, в конечном счёте загуманивает ум и уводит от главного – проникновения в сущность вещей. Возделение – продукт страстного выражения души, и через соответствующую музыку человек приближается не к гармонии, а к страстям, не к просветлению, а к затмению и патологии: «...человек, предающийся чрезмерной радости или испытывающий противоположное чувство, в состоянии скорби, стремясь несвоевременно достичь того или избежать другого, не может ни видеть, ни слышать ничего правильно, он неистовствует и меньше всего способен в то время к здравому суждению» [9, с. 1013]. Таким образом, согласно Платону, такая музыка, усиливая возделывающее начало в душе, приближает человека к гибели самым эстетически привлекательным способом.

Другое дело – волевая музыка, которая, будучи разновидностью возделывающей, уже имеет отношение к вдохновению – имманентной характеристике творца. В целом любое искусство отражает эту интенцию вдохновляющей воли. Но в волевом типе музыки, согласно Платону, вдохновение не просто иррационально, оно становится синонимом одержимости. «Как корибанты пляшут не в своём уме, так и творцы мелоса пишут эти прекрасные мелосы не в своём уме, но лишь только почувствовали гармонию и размер, то и вакханствуют, и становятся одержимыми, будто вакханки, которые, когда бывают одержимы, черпают из рек мёд и молоко, приди же в себя, этого не могут» [9, с. 729]. Одержимость, неи-

ство, порыв – всё это относится к волевому началу души, а музыкальное искусство воспроизводит и подражает всем этим качествам.

Руководствуясь вдохновением, музыканты похожи на одержимых, пишет Платон, которые находятся в опьянённом состоянии, пребывая в беспамятстве. Интересно, что Платон различает хор из молодых людей, который посвящён Аполлону, и хор из людей от тридцати до шестидесяти лет, посвящённый Дионису. Именно дионисический хор представляет собой волевое начало души. Интересно, что сопоставление дионисической и аполлонической музыки представлено явным образом и в работе Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» [8]. При этом Платон подчёркивал, что участники дионисического хора должны стремиться к разборчивости в ритмах и гармониях, чтобы их песни подражали хорошим душевным состояниям. Тот факт, что одержимая музыка, выражающая яростное начало души, одурманивает и человек находится не в своём уме, говорит, согласно Платону, о её несовершенстве и удалённости от идеала – гармонии и соразмерности. Таким образом, в трактовке аполлонического и дионисического начал Платон и Ницше по большому счёту расходятся. То, что для Ницше было уникальным проявлением человеческой индивидуальности – его экстатическим прорывом к Богу, для Платона было существенным недостатком и падением человека, подчиняющего свой светлый разум пьянящим иррациональным порывам, одурманившегося музыкой. Идеальная музыка – это разумная музыка, которая подражает разумной части души как началу истины и гармонии.

Таким образом, у Платона музыка, которая заслуживает уважения и более детального рассмотрения, является музыка,

выражающая разумную часть души. Она постоянно обращается к разуму и числовым структурам. Ведь подлинная музыка – та, которая измерена числовым образом. Здесь Платон предстал несомненным продолжателем пифагорейцев, которые, подобно астрономам, искали числа в любых созвучиях. Сравнивая музыку с астрономией, философ придавал ей научный статус. Он подчёркивал, что глаза наши устремляются к астрономии, а уши – к стройным созвучиям, которые, словно две сестры, дополняют друг друга, поэтому предметом музыкального искусства, по Платону, являются числовые структуры, которые выражаются в космических созвучиях и мировой гармонии, что давало ему право онтологизировать музыку в гармонии числового ряда. Разумное начало души и тот музыкальный ритм, который мы постигаем через числа, является, согласно Платону, отображением мировой гармонии.

Разумное понимание музыки предполагает не только знание нот, но и глубокое и осмысленное понимание числовых структур, на которых строится всё музыкальное искусство; музыка становится в один ряд с науками, играя огромную роль в познании. «Но, друг мой, после того, как ты узнаешь, сколько бывает интервалов между высокими и низкими тонами, каковы эти интервалы и где их границы, сколько они образуют систем... ты станешь мудрым, а когда постигнешь всякое единство, рассматривая его таким же способом, то сделаешься сведущим и относительно него» [9, с. 320]. Из приведённой цитаты мы видим, что за музыкальными звуками скрываются числа, а созвучия выражают собой целые числовые соотношения. В «Филебе, или о Наслаждении» Платон отмечал, что все виды искусства можно поделить на две группы: одни следуют музыке и причастны меньшей точ-

ности, другие же более точны. Именно здесь Платон говорит о таком понимании музыкального искусства, которое основывается лишь на слуховом восприятии, тогда как музыка должна исчислять движение звуков, выстраивая их ритмично, что придаёт ей гармоничность и согласованность. Через разумную часть души музыка с помощью числовых структур даёт знание гармонии, согласованный ритм и чувство меры.

Здесь мы вынуждены вновь вернуться к соотношению разумной и вожделеющей души. Понимание того, что музыка основывается на числовых структурах, означает критику тех, кто считает, что музыка всего лишь набор красивых звуков. Платон писал: «Что-то они называют “уплотнением” и настораживают уши, словно ловят звуки голоса из соседнего дома; одни говорят, что различают какой-то звук посреди, между двумя звуками и что как раз тут находится наименьший промежуток, который надо взять за основу для измерений; другие спорят с ними, уверяя, что здесь нет разницы в звуках, но те и другие ценят уши выше ума» [9, с. 901]. Если ставить слух выше ума, то это означает такое понимание музыки, согласно которому её основной характеристикой является вызываемое удовольствие, что связано с вожделеющей частью души. Такая музыка выстраивает свои созвучия не на размере и числе, уточнял Платон, но опирается на чуткость слуха, приводя в движение звуки по догадке.

Говоря о гармонии, Платон неоднократно обращался к музыке. Но Платон не был бы античным мыслителем, если бы не считал гармонию универсальной категорией, характеристикой всего космоса. Музыкальная гармония есть воплощение мировой гармонии, в которой нуждается более всего человек. Согласованность и гармония выражаются в любви и единении различ-

ных начал и противоположностей. Данная мысль встречается во многих диалогах, среди которых, например, «Хармид, или Об умеренности», «Лахет, или О мужестве». Гармония является некоей соразмерностью и согласованностью числовых структур, воплощённых в звуках. И то же самое мы находим в человеческих отношениях. «Согласие всему этому, как там – врачебное искусство, так здесь доставляет музыка, внушая любовь и взаимное единение, а потом музыка есть знание любви в деле гармонии и ритма» [9, с. 371].

Правильная, разумная, закономерная музыка в размеренно-числовом вихре созвучий показывает человеку путь к гармонии, которая была потеряна после рождения. Насколько гармонична душа человека, можно судить по речам, поступкам и различным действиям. В качестве примера можно привести высказывание Сократа из диалога «Протагор, или Софисты», в котором он сделал замечания по поводу того, что в очередной раз высказанные положения приводят в тупик и в музыкальном отношении между собой не ладят и не гармонируют. Как согласуются между собой ноты в ладах, так и слова должны быть логичны и созвучны в размышлениях. Важно, что Сократ прекрасно понимал симметрию между понятиями музыкальной гармонии и жизненной гармонии, ибо гармония есть соответствие, или рядоположенность, между тем, что мы говорим, и тем, что мы делаем. Совершенная музыка, как рациональный путь, наглядно демонстрирует жизнь «в истине» [9, с. 519].

Музыкально-числовые структуры также находят отражение в ритме. «Так, среди чисел, находящихся между шестью и двенадцатью, есть два числа: первое из них образовано прибавлением половины числа шесть, второе – прибавлением трети того же

числа. Значение этих чисел, занимающих среднее место между двумя крайними членами, научило людей согласованности и соразмерности ради ритмических игр и гармонии и даровало это блаженному хороводу Муз» [9, с. 1273]. Платон понимал, что ритмические структуры могут усиливать или успокаивать различного рода аффекты. Музыка способна разжигать и доводить до предела, превращая в огонь аффекты, или гасить и поддерживать в равновесии эмоциональное состояние людей подобно тому, как наш разум побеждает наши эмоции, убеждая и ведя по правильному пути жизни. Ритм является основой всех музыкальных произведений, выражая тот или иной характер произведения. Но ритм же лежит в основе движения мира и жизни по определённым правилам и траекториям.

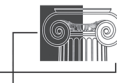
Рассматривая ритмические фигуры, Платон называл их метром или размером. Платон указывал на то, что не стоит гоняться за разнообразием размеров, но только те должны быть в обиходе, которые соответствуют мужественной жизни. И здесь мы подходим к центральной теме учения Платона – устройству идеального государства, подчинённого Высшему Благу в мире идей. Два лада – «вынужденный» и «добровольный» – должны воспитывать граждан идеального государства. При этом, согласно Платону, необходимо изъять и не изготавливать некоторые музыкальные инструменты: тригон, пектида и различные инструменты с множеством струн и ладов, но оставить лиру и кифару, которые распространены в городе, а у пастухов – свирели, флейты. Ведь идеальной музыкой является пение и мелодии, которые не нуждаются ни в многословии, ни в смешении ладов.

Также, размышляя об идеальном государстве, Платон перечислил те лады, которые необходимо изгнать из идеального го-

сударства. Под ладом здесь понимается согласованное сочетание звуков. Именно лад для Платона несёт морально-воспитательную функцию. Дорийский и фригийский лады призваны воспитывать стойкость и укреплять дух, где бы ни находился человек. Они подходят и для военных событий, и для мирного времени, сопровождая какую-либо деятельность, и для преодоления несчастия. Военная музыка направлена на поддержание бодрости духа, а музыка, сопровождающая молитвы, должна настраивать и подбадривать душу человека. Бытовая музыка не должна изнеживать людей, а всячески воспитывать и укреплять стойкость души. Дорийский лад является средством воспитания благородного мужества, а фригийский подходит для мирной и свободной жизни.

Характерно то, что миксолидийский, лидийский, ионийский лады, как считал Платон, должны быть изъаты из идеального государства, поскольку действуют на людей расслабляющим образом и больше подходят для пьяниц, погружая человека в мир изнеженности и удовольствий. Здесь перед нами вновь конфликт вожделеющего и разумного начал в душе человека. Только разумная часть души, согласно Платону, познавая саму себя, через музыкальное искусство способна созерцать благо и красоту, справедливость и добродетель. Ведь музыка должна совершенствовать человека и исцелять его душу.

Однако музыка может расслаблять дух человека, который должен служить всеобщему идеалу. Тогда она делает человека слабым, убивая его коллективистское начало. «...Если, не делая передышки, человек непрестанно поддаётся такому очарованию, то он как бы расплавляется, ослабляет свой дух, пока не ослабит его совсем, словно вырежет прочь из души все

сухожилия, и станет он тогда “копыеносцем некрепким”» [9, с. 812].

Итак, анализ общих контуров музыкального искусства в творчестве Платона показывает, что музыка является индикатором «больной» или «здоровой» души, но, привнося гармонию и ритм, тем самым воспитывает, вразумляет и научает душу. Благоустройство души требует от человека колоссального терпения, многочисленных упражнений и соответствующего воспитания. Именно правильное воспитание пробуждает и развивает в человеке хорошие природные задатки, где музыкальное искусство играет одну из важных ролей. «В душе всё становится явным, когда она обнажается от тела: и то, что душой человек получил от природы, и те свойства, которые приобрёл он через занятие каким-либо делом» [9, с. 669]. Воспитание позволяет развить и укоренить те черты, которые мы желаем видеть в юности. Этому способствует музыка, которая входит в перечень мусических искусств. Недаром в Древней Греции под музыкой понималось «мусическое искусство», или «искусство Муз», приводящее всё сущее к порядку, гармонии и согласию.

Итак, характеристики мусического искусства мы находим во многих произведениях Платона, что позволяет нам утверждать, что здесь перед нами важнейший способ воздействия на человеческую душу –

как в позитивном, так и в негативном ключе. Душа человека, согласно Платону, не соприкасаясь с мусическими искусствами, портится, слабеет, делается глухой и слепой. Именно платоновское учение о душе позволяет выделить концептуальные акценты в его понимании музыкального искусства. Не вызывает сомнений, что только то музыкальное искусство, которое связано с разумной частью души человека, а значит, не служит одному лишь наслаждению, способно поднимать душу в Занебесье. Поэтому необходимо искать не ту Музу, которая приятна, а ту, которая ведёт нас к Высшему Благу. Идеальное государство Платона является ещё одной призмой для понимания сути музыкального искусства и его классификации, которая определяется задачами воспитания, в том числе посредством специфически музыкальных средств ритма и созвучий, гражданского согласия и личных добродетелей.

Только в сочетании ума и звука может родиться наипрекраснейшая музыка. Правильная музыка должна способствовать развитию и воспитанию разумной части души, побуждать душу к поиску прекрасного и истинного, и в этом необходимо постоянно упражняться. Может быть, поэтому в диалоге «Федон, или О душе» Сократ говорил, что ему часто снится сон, в котором он слышит призыв: «Сократ! Твори и трудись на поприще Муз!».

Примечания

1. Грубер Р. И. История музыкальной культуры. С древнейших времён до конца XVI века. Москва : Государственное музыкальное издательство, 1941. 599 с.
2. Гуляницкая Н. С. Методы науки о музыке. Москва : Музыка, 2015. 256 с.
3. Золтаи Д. Этнос и аффект. История философской музыкальной эстетики от зарождения до Гегеля / пер. с нем. Т. Длугач, И. Науменко. Москва : Прогресс, 1977. 366 с.
4. Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. Москва : Музгиз, 1960. 304 с.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Москва : Искусство, 1974. 600 с.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Москва : АСТ, 2000. 846 с.
7. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. Москва : Молодая гвардия, 1993. 383 с.

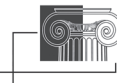

8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с немец. Г. А. Рачинского. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. 208 с.
9. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2016. 1131 с.
10. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 1. Мысль : Мысль, 1990. 860 с.
11. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 2. Москва : Мысль, 1993. 528 с.
12. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 3. Москва : Мысль, 1994. 654 с.
13. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах. Том 4. Москва : Мысль, 1994. 830 с.
14. Шестаков В. П. От этоса к аффекту. История музыкальной эстетики от Античности до XVIII века. Москва : Музыка, 1975. 352 с.

References

1. Gruber R. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury. S drevneyshikh vremen do kontsa XVI veka [The History of musical culture. From ancient times until the end of the 16th century]*. Moscow, Music State Publishing House, 1941. 599 p. (In Russian)
2. Gulyanitskaya N. S. *Metody nauki o muzyke [Methods of music science]*. Moscow, Music State Publishing House, 2015. 256 p. (In Russian)
3. Zoltai D. *Etos i affekt. Istoriya filosofskoy muzykal'noy estetiki ot zarozhdeniya do Gegelja [Etos and passion. History of philosophical musical aesthetics from the birth to Hegel]*. Moscow, Progress Publisher, 1977. 366 p. (In Russian)
4. Losev A. F. *Antichnaya muzykal'naya estetika [Antique musical aesthetics]*. Moscow, Music State Publishing House, 1960. 304 p. (In Russian)
5. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Vysokaya klassika [History of antique aesthetics. High classic]*. Moscow, Art Publishing house, 1974. 600 p. (In Russian)
6. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon [History of an antique esthetics. Sophists. Socrates. Platon]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2000. 846 p. (In Russian)
7. Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Platon. Aristotel' [Plato. Aristotle]*. Moscow, Publishing house "Molodaya gvardiya", 1993. 383 p. (In Russian)
8. Nicshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki [The birth of tragedy from the spirit of music]*. St. Petersburg, Publishing house "Azбука-klassika", 2007. 208 p. (In Russian)
9. Platon. *Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome [A complete collection of works in one volume]*. Moscow, Publishing house "Al'fa-kniga" 2016. 1131 p. (In Russian)
10. Platon. *Sobranie sochineniy, v 4 tomakh, tom 1 [Collection of works, in 4 tomakh, tom 1]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 860 p. (In Russian)
11. Platon. *Sobranie sochineniy, v 4 tomakh, tom 2 [Collection of works, in 4 tomakh, tom 2]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 528 p. (In Russian)
12. Platon. *Sobranie sochineniy, v 4 tomakh, tom 3 [Collection of works, in 4 tomakh, tom 3]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 654 p. (In Russian)
13. Platon. *Sobranie sochineniy, v 4 tomakh, tom 4 [Collection of works, in 4 tomakh, tom 4]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 830 p. (In Russian)
14. Shestakov V. P. *От этоса к аффекту. История музыкальной эстетики от Античности до XVIII века [From ethos to affect. History of musical aesthetics from Antiquity to the XVIIIth century]*. Moscow, Musical State Publishing House, 1975. 352 p. (In Russian)

*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАТЕТИЧЕСКОГО В ЭСТЕТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ (1917–1920 годов)

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10507

Л. Н. Воеводина, Е. А. Безверхая

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается патетическое как одна из ведущих эстетических категорий в хронотопе художественной культуры 1917–1920 годов. Раскрывается содержание категорий «пафос» и «патетическое», выявляется характер их выражения в художественном творчестве на примере произведений-репрезентантов официальной идеологии и новой революционной мифологии. Принимая во внимание необходимость обозначения социокультурного контекста для корректного анализа художественной культуры и эстетики, авторы уделяют внимание анализу и интерпретации идеологических документов, посвящённых новому искусству, созданных в революционный период творческими объединениями и официальными органами. Некоторые из них, претендующие на художественную ценность, рассмотрены как самостоятельные художественные тексты. Выражением массовой «патетизации» художественного пространства является мифологема полной дематериализации старого мира и создание на его месте нового, что, в свою очередь, связано с бинарностью революционной ментальности. Анализ художественных и идеологических программных текстов демонстрирует связь категории патетического с идеей освобождения человека и созданием нового мира.

Ключевые слова: эстетика, революционное искусство, эстетические категории, патетическое, пафос, художественная культура, художественное творчество, социальная мифология, Пролеткульт.

---

¹ВОЕВОДИНА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Московского государственного института культуры

VOEVODINA LARISA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

²БЕЗВЕРХАЯ ЕЛИЗАВЕТА АНДРЕЕВНА – соискатель кафедры культурологии Московского государственного института культуры, преподаватель Калужского областного колледжа культуры и искусств

BEZVERKHAYA ELIZAVETA ANDREEVNA – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Teacher of Kaluga regional college of culture and arts

e-mail: lnvoevodina@mail.ru¹, liza-ross@yandex.ru²

© Воеводина Л. Н., Безверхая Е. А., 2019

Larisa N. Voevodina, Elizaveta A. Bezverkhaya

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

REPRESENTATION OF THE PATHETIC IN AESTHETICS AND ARTISTIC CULTURE (1917–1920th)

The article discusses the pathetic as one of the leading aesthetic categories in the chronotope of artistic culture of 1917–1920th. The content of the categories “pathos” and “pathetic” is revealed, the nature of their expression in art is revealed on the example of works representing the official ideology and new revolutionary mythology. Taking into account the need to designate a sociocultural context for the correct analysis of artistic culture and aesthetics, the authors pay attention to the analysis and interpretation of ideological documents devoted to new art created during the revolutionary period by creative associations and official bodies. Some of them, claiming to be of artistic value, are considered as independent literary texts. The expression of mass “pathetization” of the artistic space is the mythologeme of the complete dematerialization of the old world and the creation of a new one in its place, which, in turn, is connected with the binary nature of revolutionary mentality. The analysis of artistic and ideological program texts demonstrates the connection of the pathetic category with the idea of liberating a person and creating a new world.

Keywords: aesthetics, revolutionary art, aesthetic categories, pathetic, pathos, artistic culture, artistic creation, social mythology, proletcult.

Для цитирования: Воеводина Л. Н., Безверхая Е. А. Репрезентация патетического в эстетике и художественной культуре (1917–1920 гг.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 59–66. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1057

На фоне повышения общественного и научного интереса к советской истории революционного и послереволюционного периода (1917–1920 годы) внимание современных исследователей обращено на выявление особенностей художественной жизни, эстетических и социальных установок данного времени. Революционное художественное наследие во всём многообразии является феноменом в высшей степени ярким, многообразным и противоречивым. Одной из ведущих категорий, отражающих специфику искусства данного периода, на наш взгляд, является «патетическое», по-новому проявившееся в эстетике и искусстве того времени.

В период становления молодого советского государства художественная культура представляла собой совокупность самых разных направлений и течений: одновременно творили Ал. Александров, И. О. Ду-

наевский, К. С. Малевич, В. В. Маяковский, Д. Д. Шостакович, С. М. Эйзенштейн – кто-то из них только начал свой путь, а кто-то уже был признанным мастером. Аналогичную пестроту можно было наблюдать в эстетике и искусствознании: Б. В. Асафьев анализировал музыкальную форму как процесс интонирования, М. М. Бахтин работал над теорией содержания и формы в литературном творчестве, А. В. Луначарский выпустил в свет труд «Основы позитивной эстетики», всевозможные творческие объединения публиковали манифесты, декларации и резолюции, посвящённые новому искусству.

И тем не менее существовало нечто общее, что отличало художественное пространство 1917–1920 годов и выражало дух времени: так, во многих произведениях искусства можно выделить объединяющую их категорию – это патетическое как выражение революционного пафоса. Мы рас-

смотрим данную категорию в её историческом становлении на примере произведений данной эпохи; кроме того, для создания наиболее ясной картины обратимся также к идеологическим документам, отражавшим ситуацию в официальной культуре того времени.

Категория «патетическое» образована от древнегреческого слова «пафос», которое означает «страсть», «страдание»: «страсть, возжигаемая в душе человека идею и всегда стремящаяся к идее... В философии идея является бесплотною; через пафос она превращается в дело, в действительный факт, в живое созидание» [1, с. 378]. Известный философ и эстетик А. Ф. Лосев в работе «О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля» практически отождествляет пафос и патетическое, уточняя, что пафос, собственно, есть патетический момент [9, с. 737].

Следует заметить, что «патетизация» художественного пространства революционного периода связана, отчасти, с тем, что немало представителей художественной интеллигенции находилось под романтическим впечатлением от революции, ещё не успев разочароваться в ней. Кроме того, ряд художников, воспринявших революцию далеко не восторженно, транслировали аналогичный посыл, но воплощали, по сути дела, ту же категорию в произведениях антисоветской направленности. Патетическое также разрабатывалось имплицитно в идеологических документах, призванных отразить «официальную» новую эстетику. Прецедентным текстом, в котором были изложены догмы пролетарской культуры, являлась статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» [8], напечатанная в газете «Новая жизнь» в 1905 году. Литература стала первым инструментом агитации и организации масс, исполь-

зуемым большевиками ещё до революции, однако данная практика быстро распространилась и на другие виды художественного творчества. Даная статья являлась ярко выраженным репрезентантом революционно-патетического отношения к культуре, продемонстрировала мифологичность российско-советского общественного сознания: текст построен на бинарных оппозициях «партийный – беспартийный», «общественный – индивидуальный», «революция – царизм», «пролетарский – буржуазный», которые в недалёком будущем станут выполнять функции культурных субкодов-мифологем. Сухой научный стиль чередуется с насыщенными метафорами, патетическими восклицаниями. Ленин утверждал, что задача свободного художника, истинного творца, осознанно встать на классовые позиции, потому как беспартийной литературы (а читай, и беспартийного искусства вообще) быть не может.

Ю. М. Лотман в своей работе «Механизм смуты» пишет, что бинарная структура (а именно – бинарность) характерна для революционной идеологии, «органически связана с представлением о взрыве» [10, с. 39]. Перемена в подобной системе может реализоваться в двух проявлениях: «во-первых, в стремлении отказа от перемены вообще и установки на максимальную незыблемость сложившейся структуры, во-вторых, в стремлении к полному апокалипсическому уничтожению существующего и созданию на его месте столь же апокалипсического идеального строя» [10, с. 34–35].

Совокупность идей радикального обновления-обнуления и создания Рая на Земле и является своего рода генератором патетического в художественном творчестве, раскрывающем соответствующие образы. На этом примере мы можем проследить, как мифологические конструкции «начина-

ют оказывать обратное воздействие на социальную реальность» [3, с. 53].

В послереволюционные годы формировались новые аксиологические и эстетические ценности и нормы, которые необходимо было распространять среди масс. Возможно, именно поэтому одной из мейнстримных форм передачи сообщений реципиенту от власти или художественных объединений стал манифест [12]. Именно в такую форму облекает партия один из первых документов, предназначенных народу, – принятый на VI съезде РСДРП(б) «апокалиптический манифест», как называет его исследователь М. Г. Раку [16]. В послании, вызывающим интерес в качестве художественного текста, даётся краткая история пятимесячной революционной борьбы с февраля по июль 1917 года. Описания махинаций представителей буржуазии и героизма пролетариата представляют собой живое воплощение патетического. В основе структуры текста лежат бинарные оппозиции «царь – революция», «социализм – империализм», «пролетариат – буржуазия» и т.п., мифологемы-метафоры «кровавый царь», «пожар мирового восстания», «задушить русскую революцию», «грязные тайные договоры», которые одновременно являются коннотацией образа враждебного капиталистического строя [6, с. 390].

Одним из проявлений революционного пафоса стала повсеместная массовизация всех сфер культурной жизни. Сразу же после Февральской революции 1917 года образовались так называемые культурно-просветительские организации пролетариата (Пролеткульты), имевшие своей целью объединение представителей рабочего класса, желавших заниматься творческой деятельностью. Пролеткульты ставили перед собой задачи «дать рабочему классу целостное воспитание, непреложно направляющее

коллективную волю и мышление» [15], способствовать «выработке самостоятельной духовной культуры» [15]. В сентябре 1917 года состоялась первая конференция данных организаций, объединившая их во Всероссийский Пролеткульт.

На конференции А. А. Богданов предложил резолюцию «Пролетариат и искусство», в которой уделил, в частности, внимание степени воздействия искусства на реципиента, отметив, что это «самое могущественное орудие организации коллективных сил», так как оно «организует посредством живых образов социальный опыт... в сфере познания» и «в сфере чувства и стремлений» [14, с. 262]. Таким образом, документ официально закрепил концепцию развития культуры, в её рамках акцентируется ангажированность искусства. Пролеткульт осознавал также ценность классического наследия и необходимость обращения к нему в свете новой социалистической концепции: «Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своём критическом освещении, в своём новом истолковании, раскрывающем их скрытые основы и их организационный смысл» [14, с. 262]. При этом новаторство в творчестве также весьма приветствовалось: «Мы не хотим быть пророками, но, во всяком случае, с пролетарским искусством мы должны связать ошеломляющую революцию художественных приёмов» [5, с. 266].

В статье «Пути пролетарского творчества» двумя годами позже Богданов пишет о социальной природе труда и творчества: «Человеческий труд, всегда опираясь на коллективный опыт и пользуясь коллективно выработанными средствами, в этом смысле всегда коллективен... Таково же и творчество» [2, с. 267]. Исходя из приведённых постулатов, Богданов делает вывод о необходимости «монистичности и осознанного

коллективизма» в художественном творчестве и «прямого сотрудничества в нём многих, вплоть до массового» [2, с. 269].

Показательно также обращение Международного Бюро Пролеткульта к рабочим всех стран, принятое во время второго Конгресса III Интернационала. Помимо сухих сводок, в нём отмечено, что «формируется новый фронт борьбы» пролетариата – революционно-культурно-творческий. Однако нам здесь важны не столько отдельные тезисы, сколько основная идея обращения – призыв к объединению всего мирового пролетариата в культурно-творческой деятельности как ещё один момент пафоса увеличения масштаба «официальной» культурной надстройки над обществом.

Исследователи, изучающие механизмы развития живописи и архитектуры после революционного периода, также отмечают общие тенденции к приобщению широких народных масс к искусству. В частности, искусствовед В. П. Лапшин упоминает о сообщении Отдела искусств Комиссариата народного просвещения «об устройстве выставки проектов революционных знамён, плакатов, карикатур, иллюстраций и украшений для социалистических изданий, декораций для народных торжеств» [7, с. 262]. В конце ноября – начале декабря участники выставки «Бубновый валет» провели диспут «Заборная живопись и литература», под впечатлением от которого В. Каменский написал «декрет о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств» [7, с. 262].

Декрет написан в форме футуристического стихотворения. Внимание привлекает уже то, как автор обращается к потенциальному адресанту: «А ну-ко, робята» – это не просто эрратив, используемый автором для подражания рабоче-крестьянской речи, это структурная единица, символизирующая

«пролетаризацию» художественного творчества. Данный текст – яркая демонстрация феномена плотности информации в поэзии: в субтексте «Раздавайте ноты – законы», по сути, декларируется то, что спустя пару лет будет подробно расписываться в идеологических платформах музыкально-общественных организаций и постановлениях партии относительно культуры и искусства.

В основе стихотворения лежит мифологема «социалистическая революция – революция духа». Помимо того, что советская мифологема создания нового человека – гражданина идеального государства – сама по себе патетична, интересующая нас категория воплощается в плавающем размере стихотворения, вызывающем у реципиента захватывающее дух волнение. Однако здесь пафос особый, не «страдающий» и не «вымученный», а скорее, «восторженный». Это, в частности, ярко проявляется в использовании дуалистичного символа «кумачовые» – красный цвет неизбежно ассоциируется с коммунизмом, но не стоит забывать и о его более древней сигнификации – праздничности. Кроме того, в тексте вновь звучит призыв к переходу к более массовым формам художественного творчества: от «станковой» живописи к плакатам и графике, от салонных концертов к оформлению демонстраций и шествий.

Применительно к советской музыке, одним из наиболее показательных документов стала декларация музыкального отдела Комиссариата народного просвещения (МУЗО), выпущенная в 1919 году. В документе, пожалуй, впервые появляются предпосылки бинарной оппозиции «реализм – формализм», которая всего через какие-то пятнадцать-двадцать лет станет катализатором «попадания в опалу» многих деятелей искусства: «Для тех, кто не воспринимает первичных начал музыки, которые

красно выявлены в говоре живой народной песни, музыка не существует, даже если они принимают её в формально-схематическом состоянии – результате длительного опыта профессионально-музыкальной специализации» [14].

В своей декларации МУЗО объявил музыке «свободной» от всех прежних правил как от музыкальной схоластики. Философ-эстетик А. Г. Ганжа замечает: «Получается, что живая музыка – стихия народной песни – может быть воплощена в творчестве масс только путём разрыва с музыкой мёртвой – со всеми существующими музыкальными практиками и институтами» [4, с. 12]. Здесь опять проявляется бинарность советского сознания, а также мифологема тотального «обнуления» и «освобождения», присутствующая авангарду начала XX века.

Перу комиссара МУЗО А. С. Лурье принадлежит музыкальное произведение «Наш марш» [11], написанный в 1918 году на стихи В. В. Маяковского. Его можно назвать «переходным звеном» между творчеством авангардистов и советским искусством. Несмотря на то, что в названии присутствует понятийный знак – слово «Марш» – и реципиент априори готовится услышать образец данного жанра, на деле типично маршевых средств выразительности в произведении немного. Вокальная мелодия – «рельеф» любого сочинения для голоса с сопровождением – практически полностью редуцирована, от неё осталась лишь декламация. Данное произведение пронизано патетикой. С первых же звуков в аккомпанементе используется имитация колокольного набата. Можно предположить, что Лурье намеренно начал свой «музыкальный плакат» с передачи реципиенту ощущения первобытной пустоты, полного освобождения, «чистого листа», готового к записи событий коммунистической истории. Развитие патетического реа-

лизуется, в том числе, через пятикратное «повышение строя» (модуляции), способствующее нарастанию напряжения в интонациях, через изменение фактуры музыкального материала – по мере развития она становится то насыщенной мелкими длительностями (как будто к звучанию большого колокола добавилось звучание маленьких колокольчиков), то более распевной, эпичной, как народная мелодия. В нотах на том месте, где обычно пишется итальянское обозначение темпа, мы видим надпись «солнечно» – ещё один символ, который может обозначить радость от произошедших перемен. Кроме того, партия фортепиано в издании 1918 года записана на трёх(!) строчках (видимо, по причине очень широкого диапазона партии левой руки), в чём также может быть заложено стремление автора к масштабному в искусстве.

Так как в поэтическом тексте чередуются четырёхдольный и трёхдольный размеры, то меняется и метроритмическая пульсация музыки, что усиливает ощущение напряжения. В первой строфе Маяковский вводит тематику всемирного потопа, который, во-первых, символизирует всеобщее обновление и начало всякой деятельности «с нуля», а во-вторых, отсылает к идее мировой революции, к которой должен «приложить руку» народ. Поэт осознаёт себя и других граждан составляющими единого советского механизма-оркестра. В тексте прослеживается пафос, свойственный мифологическому бинарному мышлению, мифологема Рая на Земле.

Проанализировав ряд художественных текстов и работ по эстетике, можно сделать вывод, что советская художественная культура 1917–1920 годов, несмотря на плюрализм направлений, проникнута единым революционным пафосом, выраженным с помощью специфических выразительно-

изобразительных средств и способов. Свод тезисов, излагаемых в документах и идеологических платформах того времени, подтверждает необходимость вовлечения в анализ художественного пространства такой убедительной эстетической категории, как патетическое. Опираясь на проведенное исследование социокультурного контекста, можно сделать вывод, что вышеупомянутая категория является одной из наиболее значимых для нашего эстетического восприятия искусства революционного периода. Заложены в общественном сознании взгля-

ды мифологического, утопического характера, бинарность ценностей обуславливают эффективность воздействия революционного пафоса на реципиента, патетическое становится неизбежным атрибутом отечественной эстетики в переломные моменты нашей истории. Таким образом, патетическое выражает непосредственно революционный пафос и является одной из центральных эстетических категорий применительно к советской художественной культуре 1917–1920 годов, содержательно наполненной пафосом разрушения-созидания.

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в трёх томах / под общей редакцией Ф. М. Головченко. Москва : ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. Том III. С. 376–423.
2. *Богданов А. А.* Пути пролетарского творчества // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Москва : Новая Москва, 1924. С. 267–271.
3. *Воеводина Л. Н.* Мифология как часть символического универсума // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 51–57.
4. *Ганжа А. Г.* Советская музыка как объект сталинской культурной политики: музыкально-этический универсализм и парадоксы следования норме // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. № 2 (98). С. 123–155.
5. *Гастев А. К.* Контуры пролетарской культуры // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Москва : Новая Москва, 1924. С. 263–267.
6. Коммунистическая партия советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 2-х томах. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1953. Том 1–2. 952 с., 1204 с.
7. *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Москва : Советский художник, 1983. 495 с.
8. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература [Электронный ресурс]. URL: http://revolucia.ru/org_lit.htm
9. *Лосев А. Ф.* О мифически-трагическом мировоззрении Аристотеля // Очерки античного символизма и мифологии / сост. А. А. Тахо-Годи. Москва : Мысль, 1993. С. 709–772.
10. *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2002. 768 с.
11. *Лурье А. С.* Наш марш : Для ф.-п. с надписанным текстом / Слова В. В. Маяковского ; Обл. П. В. Митурича. Петроград, 1918. 10 с.
12. Манифест // Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/103130>
13. *Маяковский В. В.* Наш марш. [Электронный ресурс]. URL: <http://v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z00000001/st072.shtml>
14. Пролетариат и искусство: резолюция первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительских организаций: принята 20 сентября 1918 г. // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. Москва : Новая Москва, 1924. С. 262–263.
15. Пролеткульт [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3091.htm>

16. Раку М. Г. «Музыка революции» в поисках языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/sbornik-statej-antropologiya-revolyucii-marina-raku-muzyka-revolyucii-v-poiskakh-yazyka/>
17. Чередниченко Т. В. Современная марксистско-ленинская эстетика музыкального искусства : Проблемы и перспективы развития. Москва : Советский композитор, 1988. 318 с.

References

1. Belinsky V. G. *Sobranie sochineniy, v trekh tomakh. Tom III [Collected Works, in three volumes. Vol. III]*. Moscow, OGIZ, GIHL, 1948. Pp. 376–423. (In Russian)
2. Bogdanov A. A. Puti proletarskogo tvorchestva [Ways of proletarian creativity]. In: Brodsky N. L., Sidorov N. P., comp. *Literaturnye manifesty: ot simvolizma do "Oktyabrya" [Literary manifestos: from symbolism to the "October"]*. Moscow, Publishing house "New Moscow", 1924. Pp. 267–271. (In Russian)
3. Voevodina L. N. Mythology as part of the symbolic Universe. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 5 (61), pp. 51–57. (In Russian)
4. Ganzha A. G. Sovetskaya muzyka kak ob"yekt stalinskoy kul'turnoy politiki: muzykal'no-eticheskii universalizm i paradoksy sledovaniya norme [Soviet music as an object of the Stalinist cultural policy: musical and ethical universalism and the paradoxes of following the norm]. *LOGOS*. 2014, no. 2 (98), pp. 123–155. (In Russian)
5. Gastev A. K. Kontury proletarskoy kul'tury [Contours of proletarian culture]. In: Brodsky N. L., Sidorov N. P., comp. *Literaturnye manifesty: ot simvolizma do "Oktyabrya" [Literary manifestos: from symbolism to the "October"]*. Moscow, Publishing house "New Moscow", 1924. Pp. 263–267. (In Russian)
6. *Kommunisticheskaya partiya sovetского союзу в rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezдов, konferentsiy i plenimov TSK, v 2-kh tomakh [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee, in 2 volumes]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1953. (In Russian)
7. Lapshin V. P. *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu [Artistic life of Moscow and Petrograd in 1917]*. Moscow, Publishing House "Soviet painter", 1983. 495 p. (In Russian)
8. Lenin V. I. *Partiynaya organizatsiya i partiynaya literatura [Party organization and party literature]*. Available at: http://revolucia.ru/org_lit.htm (In Russian)
9. Losev A. F. O mificheski-tragicheskom mirovozzrenii Aristotelya [On the mythical and tragic worldview of Aristotle]. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]*. Moscow, Mysl Publishers. 1993. Pp. 709–772. (In Russian)
10. Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury [History and typology of Russian culture]*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2002. 768 p. (In Russian)
11. Lurie A. S. *Nash marsh: Dlya f.-p. s nadpisannym tekstom [Our march: For the f.-p. with inscribed text]*. Petrograd, 1918. 10 p. (In Russian)
12. *Manifest [Manifesto]*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/103130> (In Russian)
13. Mayakovskiy V. V. *Nash marsh [Our march]*. Available at: <http://v-v-mayakovskiy.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st072.shtml> (In Russian)
14. Proletariat i iskusstvo: rezolyutsiya pervoy Vserossiyskoy konferentsii proletarskikh kul'turno-prosvetitel'skikh organizatsiy: prinyata 20 sentyabrya 1918 g. [The proletariat and art: resolution of the first All-Russian conference of proletarian cultural and educational organizations: adopted on September 20, 1918]. In: Brodsky N. L., Sidorov N. P., comp. *Literaturnye manifesty: ot simvolizma do "Oktyabrya" [Literary manifestos: from symbolism to the "October"]*. Moscow, Publishing house "New Moscow", 1924. Pp. 262–263. (In Russian)
15. *Proletkult*. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-3091.htm> (In Russian)
16. Раку М. Г. «Музыка революции» в поисках языка ["Music of the revolution" in search of language]. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/sbornik-statej-antropologiya-revolyucii-marina-raku-muzyka-revolyucii-v-poiskakh-yazyka/> (In Russian)
17. Чередниченко Т. В. *Sovremennaya marksistsko-leninskaya estetika muzykal'nogo iskusstva: Problemy i perspektivy razvitiya [Modern Marxist-Leninist aesthetics of musical art: Problems and development prospects]*. Moscow, Publishing House "Soviet composer", 1988. 318 p. (In Russian)

*

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АЛЬФРЕДА ШНИТКЕ О ПРИРОДЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10508

Т. Н. Сумина

Московский государственный институт культуры

В статье раскрывается сущность и специфика личности, творческой деятельности и текстов произведений Альфреда Гарриевича Шнитке (1934–1998), одного из выдающихся интеллектуальных музыкантов-философов XX столетия. Личность Мастера – это уникальная информационная система, наполненная идеями / смыслами / кодами / дискурсами / полистилистикой. Композитор, «подключаясь» к ноосферному Универсуму как уникальной Медиатеке генерирует собственную Вселенную, наполненную Гармоничной музыкой сфер.

Ключевые слова: Альфред Шнитке, космичность творчества, художественный текст, смысловое пространство, полистистика, информационная система, художественный мир, ноосфера, Гармония музыки сфер.

Tatyana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

A. SCHNITTKE'S AESTHETIC IDEAS ABOUT THE NATURE OF MUSICAL CREATIVITY

The article reveals the essence and specificity of the personality, creative activity and texts of works by Alfred Harrievich Schnittke (1934–1998), one of the outstanding intellectual musicians-philosophers of the twentieth century. The personality of the Master is a unique information system filled with ideas/meanings/codes/discourses/polystylistics. The composer, “connecting” to the noosphere Universe as a unique Media library, creates his own Universe filled with the Harmonious music of the spheres.

Keywords: Alfred Schnittke, cosmicity of creativity, artistic text, semantic space, polystylistics, information system, art world, noosphere, Harmony of music of spheres.

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: tsuminova@yandex.ru
© Сумина Т. Н., 2019

Для цитирования: Суминова Т. Н. Эстетические представления Альфреда Шнитке о природе музыкального творчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 67–73. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1058

В связи с 85-летием со дня рождения Альфреда Гарриевича Шнитке, одного из выдающихся музыкантов-философов XX столетия, творца музыкальных миров, важно выявить сущность и специфику деятельности этого Мастера. При этом необходимо исследовать не только результаты его профессиональной активности – художественные тексты, но и его индивидуальность, личностные качества, социокультурный / историко-культурный контекст, в котором он пребывал и творил, и т.д.

Личность художника, в данном случае – Альфреда Шнитке, это уникальная информационная система, в которой синтезированы все категории эстетики, а также эмоциональное и рациональное, находящее воплощение в текстах произведений. Композитор утверждал в творчестве гармонию разума и чувства [2, что соотносится с «чувством-знанием» Н. К. Рериха.

Для этого композитора всегда был важен новый тип мышления, новый уровень культуры, новые механизмы музыкального мира, музыкальной реальности, отражающие со-временный, постоянно трансформирующийся социокультурный контекст, что способствовало фиксации существующих проблем и влиянию на них.

Альфреда Шнитке как подлинного музыканта-философа на протяжении всей творческой деятельности интересовал спектр многочисленных проблем, например, «музыка – духовность», «художник – мир», «логика – интуиция», «настоящее – прошлое», «высокое – низкое» [12, с. 254], но важной для размышлений была, естественно, тема «композитор и культура».

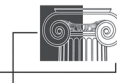
Для поиска различных ответов на интересующие композитора философские, этические, психологические, эстетические вопросы, а также вопросы о жизни и смерти, он обращался к иррациональному знанию – йоге, оккультизму, каббале, китайским мистическим прозрениям («И цзин»). Однако в качестве спасения для композитора-католика выступило приобщение к христианству. Все эти «моменты» композитор фиксировал в собственных текстах произведений с особой эмоциональной напряжённостью, борьбой противоположностей, контрастов.

Философские размышления Шнитке о гармонии в мире, человеке, искусстве, музыке получили отражение в его Первой симфонии (1969–1972), посвященной Геннадию Рождественскому, который и стал её первым исполнителем 9 февраля 1974 года в г. Горьком. Это произведение стало для композитора значимым сочинением и как бы мостиком от одного этапа творчества к другому (до 1972 и после), между вчера и завтра, то есть когда он концентрировался не на том, как сказать, а на том, что сказать.

Творчество Шнитке воспринимал в качестве формы мышления, одной из особенностей сознания, которые, как и источники творчества, таинственны, загадочны и мистичны [4].

Стимулами творчества, по мнению Шнитке, являются, например, самоактуализация, привлечение внимания любимой женщины, влияние на окружающих, молодёжь [4].

В творчестве любого Мастера бывают сложные моменты, когда возникает проблема окончательного воплощения замысла.

Для Шнитке это была опера «История доктора Иоганна Фауста» (1994), задуманная им в 1983 году, но лишь в 1992 году возник эскиз, ставший очередным шагом к «Фаусту», – «Жизнь с идиотом».

В художественном произведении, а тем более в музыкальном, значимой является структура текста, генерируемая идеей / темой / замыслом / моделью композиции, в которой закодирован сонм смыслов. Для композитора, исполнителя и реципиента интересен внутренний ассоциативный мир произведения с глубоким и таинственным смыслом.

У каждого реципиента, в соответствии с своими «образами мира», начитанностью / наслушанностью и т.д., всегда появляются собственные смыслы конкретного текста произведения и создаётся новый художественный мир. Не случайно Шнитке констатировал, что весь музыкальный мир существует изначально, сам по себе, а человек связан с социокультурным контекстом и смотрит на мир через призму такой реальности [10].

Альфред Шнитке, как и великий А. С. Пушкин, тщательно и самоотверженно работал над своими текстами, осуществляя ювелирную обработку каждой фразы.

Для творчества Шнитке была важна «лексема» – «обертоновый звукоряд» – как символ природы, её естества, первозданности, вечности, который отражён в коде медленной части Второй симфонии. Здесь в теме-серии в партии скрипки звучит ряд терций, который он слышал на море [14, с. 73].

В ходе работы над партитурой балета «Пер Гюнт» Шнитке констатировал, что ему необходимо пройти и прожить весь период креации текста, поскольку можно лишь приблизительно представлять будущее

произведение, но невозможно его заранее создать [5].

Шнитке был прирождённым кинематографическим композитором, в том числе написал музыку к различным художественным, мультипликационным и документальным фильмам (свыше 60), и всегда тщательно выбирал режиссёров [7, с. 187]. Даже в его симфониях чувствуется театральность.

Музыкальный мир / художественная реальность Шнитке зиждется на стремлении к прекрасному и при этом на одновременной трансформации его в пошлость [1, с. 241].

Творческим кредо Шнитке, которое сформировалось под влиянием детально изученных и тщательно проанализированных им партитур Пьера Булеза, Карлгейнца Штокхайзена, Анри Пуссера, Луиджи Ноно, представителей радикальных музыкальных течений XX столетия – авангарда, звучит следующим образом: «Ни одного стандартного решения». Именно эта фраза позволила композитору выражать волнующие его образы, темы, которые, естественно, требовали новых, специфических средств выразительности.

Применяя в своём творчестве полистилистику как синтез различных стилей и игру с таковыми, а также синергию несочетаемых элементов («использовал всё, что было выдумано до него» [1, с. 237.]), Шнитке не терял индивидуальности, виртуозно владел мастерством воспроизведения различных историко-культурных элементов / феноменов / информационных ресурсов музыкальной культуры Средневековья, барокко и музыкальной классики XVIII–XIX столетий. Вот почему «каждое великое произведение воспринимается слушателями как давно знакомое, то есть они его ранее “слышали”, поскольку оно существовало “всегда”» [14].

Напомним, что впервые элементы полистилистики Шнитке отразил в опере «Одиннадцатая заповедь» (либретто М. Чуровой и Г. Ансимова, 1962), повествующей о лётчике, сбросившем атомную бомбу. Для того чтобы коснуться одной из общечеловеческих проблем, в частности моральной проблемы человека – крушителя Мира, композитору был необходим «выход в космос» для поиска музыкальных средств, свежести и новизны способа выражения.

Б. А. Покровский, оперный режиссёр, художественный руководитель основанного им Московского Камерного музыкального театра, утверждал, что собственно природа Альфреда Шнитке как уникального человека внедряет слушателей в мир красоты, музыки, философии. Композитор был из интеллигентной семьи с особой духовностью, которая нашла отражение в его симфонических, камерных произведениях, наполненных его философией, образным мышлением, видением мира [9]. При этом он ничего не объясняет, а лишь погружает реципиента в мир, в котором находится сам.

Размышляя о деятельности творца / художника / креатора текста произведения / художественной реальности, в данном случае – Альфреда Шнитке, подчеркнём, что её природа космична и информационна, поскольку в результате возникает множество смыслов / значений / информации.

Во все времена многими деятелями художественной культуры ощущался космизм креативной личности, связь на интуитивном уровне с ноосферой как сферой разума, Вселенским разумом.

Истинный художник, создавая тексты произведений, осуществляет бессознательное «подключение» к космическому, ноосферному, инфосферному Универсуму, Космической Библиотеке, Космическому Архиву, Медиатеке, «хронике Акаши» и генери-

рует художественный / информационный мир, собственную Вселенную, наполненную смыслами / кодами / символами.

Все художники, в данном случае – музыканты, в числе которых и Альфред Шнитке как один из самых интеллектуальных композиторов XX столетия, это всегда медиумы между Космическим банком данных со звучащей «музыкой сфер» и реципиентом / слушателем, воспринимающим транслируемую гармонию художественной реальности.

В своих теоретических и творческих работах Шнитке утверждал роль интуиции, способствующей тому, что композитор не столько пишет музыку, сколько, подключаясь к уникальному и чудесному источнику вдохновения, «записывает» её, «расшифровывая» существующую, созданную свыше партитуру. Задача музыканта – услышать звучащую вне его музыку. Создавая текст произведения как целостный мир, художественный мир [15], композитор должен не помешать себе его зафиксировать [10, с. 41]. Шнитке всегда стремился к идеальному слышанию, но никогда не мог достичь такого полностью и всегда воспринимал себя лишь как «орудие», через которое «стало слышимым» то, что существует вне его [10, с. 41–42]. Реальная музыка – составляющая мира Музыки, и если композитор будет способен, то услышит и почувствует его богатейший спектр звуков [10].

Используя силу воображения, композитор фиксирует на бумаге воспринятые им звуковые волны и публикует этот текст посредством определённого музыкального инструмента или оркестра.

Интересны в связи с этим размышления В. В. Кандинского в повести «Текст художника. Ступени» (1918) о том, что каждый текст художника – мироздание, «грохочущее столкновение различных миров», кос-

мос как «хаотический рёв оркестра», трансформирующийся в симфонию и представляющий музыку сфер [6, с. 43].

Творец художественного мира – это посвящённый / подвижник / служитель идеи / медиум / демиург и т.д.

Собственно, художественный мир представляет собой уникальный философский, культурологический, искусствоведческий, семиотический и информациологический концепт, который, во-первых, имеет прямое отношение к отечественной традиции трактовки смысла художественного произведения; во-вторых, способствует восприятию всех созданных текстов автора как гипотетический целостный текст, синтезирующий отрывки, части, версии, варианты недовоплощённых / незаконченных произведений, которые с законченными опубликованными текстами воспринимаются как нечто целое; в-третьих, это система «концептов», отражающая творчество автора и/или определённый историко-культурный хронотоп / эпоху / социокультурный контекст.

Художественный мир – это уникальная макросистема и социокультурный феномен, имеющий отношение к различным видам искусства, в данном случае – к искусству музыки, позволяющий воспринимать текст произведения, автора, его традиции, реальность и потребителя / реципиента в качестве элементов коммуникативного пространства, наполненного художественной информацией с многочисленными идеями / знаками / символами / смыслами [11].

Системный подход к феномену «художественный мир» позволяет детально раскрыть спектр проблем, связанных с мифологией автора, стилем, характерологией, процессом создания текста произведения с учётом подготовительных, в

том числе неопубликованных материалов, возникающих в творческой деятельности автора и являющихся сверхзначимыми для постижения собственно Мастера и его Вселенной.

Музыка Шнитке во все времена была, есть и будет нужна слушателям / публике / аудитории. Ещё при жизни композитора его музыка «объединяла советских интеллектуалов» и создавала ощущение причастности «к высокому и благородному искусству» [3]. Приходя на премьеру очередного произведения Шнитке, реципиенты «осознавали себя членами одного секретного общества» [3]. С публикой через музыку этого композитора всегда общался «искренний, интересно думающий и умеющий сильно чувствовать человек» [8, с. 20].

Шнитке как теоретика искусства музыки отличала сверхэрудиция, литературные и исследовательские / аналитические способности.

Альфред Шнитке – это социокультурный феномен с уникальным синтезом культур, идентичностей, менталитетов происхождения, национального самоопределения. Как «немецкий композитор из России»¹, он справедливо отмечал что он «не русский, а полунемец, полужеврей, родина которого – Россия».

Так, между Шнитке и, например, австрийским и американским композитором, дирижёром Арнольдом Шёнбергом просматривается преемственность и связь, в частности, сквозь национальные традиции – русскую православную культуру и немецко-австрийскую как единую линию в творчестве мастера, воспринимаемую им после русской в качестве «второй (очень мощной силы)», которую он называл своей второй сущностью, предопределённой собственно

¹ Название видеосюжета о А. Шнитке (1997).

его природой. Эти две линии биографически переплетались в художественном мире и музыкальном мышлении Шнитке. Композитор констатировал, что «с немецкой сущностью музыки его связывает представление о том, что музыка им не пишется, а улавливается» [13, с. 75; 5, с. 39].

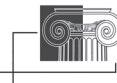
Альфред Шнитке, истинный художник, избранник Универсума, проводник и фиксатор идей Артосферы, генерировал тексты произведений / смыслы / дискурсы / художественную реальность / музыкальный информационный мир / Вселенную, отражающую Гармонию музыки сфер.

Примечания

1. Беседы с Альфредом Шнитке: [сборник / сост., авт. вступ. ст. А. В. Ивашкин]. Москва : Культура, 1994. 303 с.
2. Взгляд из предыдущего десятилетия (М. Нестьева) // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 25–38.
3. Волков Соломон. Азбука Шнитке [Электронный ресурс]. URL: <http://mirznanii.com/a/134695/shnitke-zhizn-i-tvorchestvo>
4. Дуэты без аккомпанемента на темы о кризисе ожидания (Н. Самвелян) // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 49–68.
5. Ивашкин А. Альфред Шнитке. Штрихи к творческому портрету // Музыкальная жизнь. 1988. № 5. С. 19–21.
6. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. 238 с.
7. Митта А. О музыке Шнитке для кино // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 187–189.
8. Михайловская Н. Заметки о творчестве молодых // Советская музыка. 1960. № 5.
9. Покровский Б. Доверительный разговор // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 178–186.
10. Реальность, которую ждал всю жизнь... (Ю. Макеева) // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 39–48.
11. Суминова Т. Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания). Москва : Академический Проект, 2006. 383 с.
12. Холопова В. Н., Чигарёва Е. Н. Альфред Шнитке: Очерк жизни и творчества. Москва : Советский композитор, 1990. 346 с.
13. Чигарёва Е. Шнитке и Шёнберг // Альфреду Шнитке посвящается : сборник научных трудов. Вып. 2. Москва, 2001. С. 71–81.
14. Шнитке. Жизнь и творчество [Электронный ресурс]. URL: <http://mirznanii.com/a/134695-2/shnitke-zhizn-i-tvorchestvo-2>
15. Шульгин Д. И. Годы неизвестности Альфреда Шнитке. Беседы с композитором. Москва : Директ-Медиа, 2014. 101 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-libra.ru/read/253983-gody-neizvestnosti-alfreda-shnitke-besedy-s-kompozitorom.html>

References

1. Ivashkin A. V., comp. *Besedy s Al'fredom Spnitke: [sbornik] [Conversations with Alfred Schnittke: [collection]*. Moscow, Publishing house "Culture", 1994. 303 p. (In Russian)
2. Nest'eva M. *Vzglyad iz predydushchego desyatiletia* [The look of the previous decades. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 25–38. (In Russian)
3. Volkov Solomon. *Azbuka Shnitke [The ABC's Of Schnittke]*. Available at: <http://mirznanii.com/a/134695/shnitke-zhizn-i-tvorchestvo> (In Russian)
4. Samvelyan N. *Duety bez akkompnamenta na temy o krizise ozhidaniya* [Duets without accompaniment on the crisis of expectation]. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 49–68. (In Russian)

5. Ivashkin A. Al'fred SHnitke. Shtrihi k tvorcheskomu portretu [Alfred Schnittke. Touches to the creative portrait]. *Musical life*. 1988, no. 5, pp. 19–21. (In Russian)
6. Kandinsky V. *Tochka i liniya na ploskosti [Point and line on the plane]*. St. Petersburg, Publishing house "Azбука-Klassika", 2003. 238 p. (In Russian)
7. Mitta A. *o muzyke Shnitke dlya kino [Mitta A. on Schnittke's music for film]*. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 187–189. (In Russian)
8. Mihaylovskaya N. Zametki o tvorchestve molodyh [Notes on the work of young]. *Soviet music*. 1960, no. 5. (In Russian)
9. Pokrovsky B. Doveritel'nyy razgovor [Confidential conversation]. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 178–186. (In Russian)
10. Makeeva Yu. Real'nost', kotoruyu zhdal vsyu zhizn'... [The reality that was waiting for all my life...]. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 39–48. (In Russian)
11. Suminova T. N. *Khudozhestvennaya kul'tura kak informatsionnaya sistema (mirovozzrencheskie i teoretiko-metodologicheskie osnovaniya) [Artistic culture as an information system (ideological and theoretical and methodological foundations)]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2006. 383 p. (In Russian)
12. Kholopova V. N., Chigareva E. N. *Al'fred Shnitke: Ocherk zhizni i tvorchestva [Alfred Schnittke: Essay of life and creativity]*. Moscow, Publishing house "Soviet composer", 1990. 346 p. (In Russian)
13. Chigareva E. Shnitke i Shenberg [Schnittke and Schoenberg]. In: *Al'fredu Shnitke posvyashchaetsya. Vypusk 2 [Alfred Schnittke dedicated. Issue 2]*. Moscow, 2001. Pp. 71–81. (In Russian)
14. *Shnitke. Zhizn' i tvorchestvo [Schnittke. Life and work]*. Available at: <http://mirznanii.com/a/134695-2/shnitke-zhizn-i-tvorchestvo-2> (In Russian)
15. Shul'gin D. I. *Gody neizvestnosti Al'freda SHnitke. Besedy s kompozitorom [The years of uncertainty of Alfred Schnittke. Conversations with the composer]*. Moscow, Publishing house "Direct-Media", 2014. 101 p. Available at: <https://e-libra.ru/read/253983-gody-neizvestnosti-al-freda-shnitke-besedy-s-kompozitorom.html> (In Russian)

*

ЗАПАХ И ВКУС В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ НОВОГО ТИПА

УДК 7.01:379.05

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10509

В. С. Малеев

Московский государственный институт культуры

В статье анализируются новые возможности современных музеев, которые не только организуют выставки, основанные на демонстрации экспонатов, но в состоянии создавать полноценные иммерсионные среды в качестве основания для сложных культурно-исторических образов. Рассматриваются возможности использования запаха и вкуса в пространстве синтетической музейно-театральной формы, имеющей отношение к нематериальному культурному наследию. Исходя из современного понимания гастрономической культуры, автор указывает на практики включения запаха и вкуса в музейное пространство как обонятельно-вкусовых характеристик места в области туризма. Приведён зарубежный и отечественный опыт воссоздания вкуса и запаха как элементов культурного наследия в туристической индустрии, что способствует изучению культурных традиций и развитию малых городов современной России.

Ключевые слова: запах, вкус, гастрономическая культура, иммерсионная среда, нематериальное культурное наследие, синтетические музейно-театральные формы, туристическая индустрия.

Vitaliy S. Maleev

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406 Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SMELL AND TASTE AS A CULTURAL HERITAGE: POSSIBILITIES OF A MODERN MUSEUM

The article analyzes the new possibilities of modern museums, which not only organize exhibitions based on the demonstration of exhibits, but are able to create a full immersion environment as a basis for complex cultural and historical images. The article considers the possibilities of using smell and taste in the space of a synthetic museum-theater form related to the intangible cultural heritage. Based on the modern understanding of gastronomic culture, the author points to the practice of including smell and taste in the museum space as olfactory and taste characteristics of the place in the field of tourism. Foreign and domestic experience of recreating taste and smell as elements of cultural heritage in the tourism industry is characterized, which contributes to the study of cultural traditions and the development of small cities in modern Russia.

Keywords: smell, taste, gastronomic culture, immersive environment, intangible cultural heritage, synthetic museum and theater forms, tourism industry.

МАЛЕЕВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MALEEV VITALIY SERGEYEVICH – doctoral student of Department of Cultural Studies, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

Для цитирования: Малеев В. С. Запах и вкус в контексте создания музейных экспозиций нового типа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 74–82. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-1059

Музей как социокультурный институт возник и менял свои формы вместе с развитием технологий и запросами культурной среды. Изначально, как известно, он был ориентирован на визуальное восприятие хранящихся в нём артефактов. Но современное положение музейного дела отмечается введением в музейную практику новых форм и принципов работы. «С развитием общества меняются каналы трансляции, методы сохранения и интерпретации объектов культурного наследия» [14, с. 49].

Если ещё недавно для создания атмосферы и оживления пространства музея использовались медиасредства, то сегодня в музей как полноправные элементы входят запах и вкус. Причём они могут размещаться в пространстве музея и в качестве дополнительных элементов, и в качестве самостоятельных экспонатов. Как физические явления запах и вкус используют в естественно-научных музеях или экспериментариумах для демонстрации возможностей человеческих ощущений. В центре «Познай себя – познай мир» Государственного Дарвинского музея можно узнать, что такое вкусовые рецепторы и как они работают. С тем же успехом запахи используют в сфере развлечений, например, в Диснейленде, где с помощью запахов создаётся особая атмосфера в тематических зонах парка. В пиратском замке пахнет морем и порохом, в доме призраков – плесенью, на центральной аллее парка – ванилью.

Современные музеи в состоянии создавать не только выставки, предполагающие демонстрацию экспонатов, но и полноценные иммерсионные среды, дающие возможность погружения в тему, исследуемую ку-

раторах и работниками музея. Мы попытаемся показать, возможности использования запаха и вкуса в пространстве музея нового типа, обозначить перспективы их применения в качестве элементов культурной среды, имеющей отношение к нематериальному культурному наследию.

Как известно, у животных умение различать запахи и вкус определены их видовыми особенностями. Мы знаем, какую роль играет обоняние для хищников, например собаки, как оно помогает сориентироваться в характере пищи и в состоянии окружающей среды. Но нет сомнений в том, что у современного человека даже бытовое восприятие запаха и вкуса – важный элемент культуры. Ещё более сложное и значимое культурное содержание скрывается за образами «дух эпохи» и «аромат прошлого» [2, с. 58]. Здесь перед нами открывается тема происхождения высших духовных чувств человека, которые часто противопоставляют всем чувствам животных как «низшим материальным чувствам» [11, с. 169].

Чувства животных определяются их телесной организацией, и такое может быть у человека, когда восприятие запаха и вкуса вплетено в элементарный процесс телесного насыщения. Человек, конечно, не может при помощи обоняния ориентироваться на местности, но этот ресурс выживания ему заменяют сугубо человеческие возможности. Чувства человека, от элементарных до высших, а к последним мы относим прежде всего эстетическое и нравственное чувства, обретают новый характер из-за своего культурного содержания, опираясь тем не менее на физиологические процессы. Человеческие чувства, включая чувство пре-

красного, обслуживают мозговые процессы, нервные связи и рецепторы. Но, как пишет С. Н. Мареев, физиология у человека является средством выражения идеального содержания, порождаемого не в отдельном организме, а в «теле культуры». В этом смысле, пишет он, человеческое – это не просто отрицание животного, а диалектическое «снятие» животного в социальном, когда животные функции подчиняются культурным целям и задачам [11, с. 174].

Итак, нужно различать физиологическую основу и культурную форму человеческих чувств, в отличие от чувств животных. А на уровне человеческих чувств, включая обоняние и вкус, нужно различать разные уровни и модификации, что зависит от культурного и исторического контекста. Ещё в XIX веке философ Людвиг Фейербах писал: «Даже низшие чувства – обоняние и вкус – возвышаются в человеке до духовных, до научных актов» [16, с. 201]. Но культурный смысл этих чувств проявляет себя не только в науке, но во всей нашей многообразной деятельности, которая к тому же трансформируется исторически.

Выдающийся советский психолог К. Р. Мегрелидзе, сопоставляя чувственное восприятие человека и животного, отмечал, что «разница между ними не в степени, а в существе. Человеческое восприятие определяется условиями и причинами социального порядка» [13, с. 188]. Ему принадлежит исследование восприятия цвета в разные эпохи. Тем более это касается профессиональных различий между людьми. Обоняние горожанина отличается от обоняния сельского жителя, обоняние повара отличается от обоняния парфюмера и т.д. Запахи как неотъемлемая часть местности обуславливаются бытовыми, природными и другими особенностями места. «Запах – один из явных, но мало вербализуемых и, вслед-

ствие этого, неоднозначных маркеров классовой, культурной, гендерной, отчасти этнической (в закрытых национальных культурах вследствие традиций) идентичности» [3, с. 27]. Можно утверждать, что запах и вкус в элементарном и высшем духовном смысле привязывает нас к месту и времени.

К высшим идеальным чувствам можно отнести то, что иногда определяют как собственный «вкус культуры» и «запах культуры». В повседневной жизни они не являются предметом постоянной рефлексии. Но особый интерес к ним проявляется в путешествии, когда меняется ольфакторная картина повседневности, или нетипичной ситуации. Представьте, что вы открываете банку кока-колы, делаете глоток, а там окажется молоко, и это вызовет удивление. Или вы заходите в храм, а там пахнет гаражом или рыбным магазином. Конечно, в таком случае предмет кажется неполноценным. Предмет становится неполноценным, лишаясь *своего* запаха, как это происходит с искусственными цветами.

Люди по-разному оценивают характер и роль запаха и вкуса в индивидуальной и коллективной жизни. И эта разность оценок запаха и вкуса в разных культурах также свидетельствует об их культурной, а не природно-универсальной сущности. «Запах как культурный феномен, представляет собой идеальную форму, наполнение которой зависит от культурной принадлежности человека, его индивидуального опыта, от момента, ситуации, то есть оценка того или иного запаха никак не связана с его объективными свойствами – напротив, она полностью зависит от культуры» [8, с. 34]. Указанное утверждение перекликается с тем, что пишет в своей книге «Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века» М. Пироговская. «С точки зрения

современных антропологов, – утверждает она, – любые различия в концептуализации чувств носят культурный, а не биологический характер» [15, с. 16].

Таким образом, природная сторона запаха, как и вкуса, связана с нашей физиологией, но в тот момент, когда человек наделяет их смыслом, а это происходит бессознательно и интуитивно, перед нами феномен культуры. «Проблема изучения запаха как культурного феномена лежит на границе взаимодействия природы и культуры» [7, с. 101].

Исходя из заявленного методологического подхода, мы будем рассматривать проблему запаха и вкуса в качестве части культурной среды при создании музейных экспозиций. Этот подход предполагает анализ запаха и вкуса во взаимодействии с социокультурным контекстом того или иного места.

Музейная экспозиция всегда направлена на широкого зрителя, поэтому часто работает с общественным содержанием, которое должно быть понятно всем. В таком случае следует говорить про идеальные человеческие чувства, что достаточно сложно выделить в эмоциональном разнообразии культурных традиций, а тем более в пространстве вкуса и запаха. Прежде всего это касается музеев с трудноуловимыми тонкостями ольфакторного и гастрономического разнообразия культур.

М. В. Капкан и Л. С. Лихачёва определяют гастрономическую культуру как систему, «включающую три основных элемента: 1) культура приготовления пищи (кулинарная культура), 2) культура принятия пищи и 3) рефлексия над процессами приготовления и потребления» [9, с. 37]. Они также выделяют комплекс разнообразных функций гастрономической культуры, среди которых и функция маркирования социаль-

ного и культурного статуса индивида, что подтверждает перспективность рассмотрения запаха и вкуса как объектов современной культуры. Итак, запах и вкус, обусловленные культурной средой, открывают возможность изучения причин формирования особенностей ольфакторных явлений и отражения их в музейных экспозициях как важных составляющих культуры.

Направлением работы куратора музея становится поиск в гастрономии культурных и исторических смыслов, что указывает на связь способов приёма пищи с нематериальным культурным наследием (традиция, обряд, ритуал). Это позволяет создавать новые целостные и глубокие образы в синтетических музейно-театральных формах и отличать их, например, от ресторанов традиционной кухни. В музейной системе работа ведётся не только над воспроизведением блюда, но и над реконструкцией всей культурной среды. Хотя можно отметить, что некоторые рестораны со временем сами становятся специфическими музейно-театральными формами, не только сохраняя фирменные блюда и работая над воспроизведением особенностей обслуживания, но также обрастая мифами и легендами.

Технологии воспроизведения вкуса и запаха развиваются, и уже сегодня мы можем говорить про «обонятельные снимки». Наиболее близко к цели воспроизведения реальных запахов подошла группа исследователей под руководством Томаса Хофмана из Мюнхенского технологического университета. «Мы сможем запечатлеть аромат фирменного блюда знаменитого шеф-повара и сохранить их в музейном архиве. Наконец, мы сможем собирать обонятельные воспоминания о своих путешествиях и пересматривать – вернее, перенюхивать – их дома, как мы делаем это с фотографиями» [17, с. 107].

Таким образом, задача современного музейного проектирования связана с умением включать в экспозицию такие важные элементы, как запах и вкус. Стоит уточнить, что мы не говорим о музеях парфюмерии, а также не предлагаем использовать запах и вкус в классических музеях с их устоявшимися музейными практиками. Но указанный новый элемент музейной среды важен во вновь создаваемых музеях, о чём пойдёт речь далее. Прежде всего использование запаха и вкуса может быть актуальным для иммерсионных спектаклей и синтетических музейно-театральных форм, где они могут выступать как характеристики места. На наш взгляд, возможность конструирования музейной среды, воздействующей на все чувства человека, актуальна и привлекательна.

Особое внимание следует обратить на практики включения запаха и вкуса в музейное пространство в области туризма. Существует много положительных примеров включения ольфакторных элементов в туристические объекты. Посмотрим на мировую и нашу отечественную практику в этом вопросе.

Так, в *дворцово-парковом ансамбле Хэмптон-Корт* в Лондоне вы можете посетить королевскую кухню, где повара в средневековой одежде готовят традиционные блюда, которые подавались во времена Тюдоров. Сама кухня, с её специфическими приспособлениями, вертелами и жаровнями, уже вызывает интерес у посетителей. Оживление исторического места с помощью театрализации и включения запаха и вкуса даёт запоминающийся опыт и ольфакторные впечатления.

Национальный музей чая в Ханджоу рассказывает об этапах развития чайной культуры Китая. Музей отличает непосредственная работа в материале. Окружённый

чайными плантациями, он показывает все процессы производства чая и включает дегустацию всего разнообразия сортов.

Экзотическим представляется шведский *Музей отвратительной еды*, в котором в качестве экспонатов представляются блюда из разных уголков Земли, шокирующие европейский вкус: традиционный корейский напиток из рисовой водки и новорождённых мышат, китайские «сто-летние яйца», кумыс, распространённый в Киргизии, Казахстане и некоторых регионах России, и многое другое. Музей показывает европейцам альтернативную гастрономическую картину мира, раскрывая ещё одну грань культурного разнообразия человечества.

Яркий пример отечественного опыта – *Музей-фабрика пастилы* в Коломне, который сохранил традиционный продукт и актуализировал его в современной культуре. Восстановленное и действующее производство традиционной пастилы оказалось востребованным музефицированным культурным объектом, и в этом качестве он стал одним из брендов Коломны.

Здесь стоит отметить важный принцип не создания вкуса и запаха, а воссоздания ароматической и вкусовой реальности, что подчёркивают создатели коломенского музея: «Какой бы мы с вами сейчас ни придумали вкуснейший десерт, он никому не будет так нужен, как коломенская пастила. В этом и загадка бренда. На мой взгляд, нельзя придумать бренд на пустом месте. Нельзя объявить тендер и разработать с нуля новую платформу бренда за миллионы рублей. В основе должна быть историческая память. Должен быть подлинный культурный ресурс, гений места» [12, с. 21]. Другими словами, вкусовые и обонятельные ощущения в новых музеях, о которых идёт речь, должны встраиваться в исторический образ, пусть в

чём-то и мифологизированный. И этим он принципиально отличается от восприятия пищи в ресторанной культуре.

Особенным примером является *Этно-графический музей кацкарей* в деревне Мартыново Ярославской области. «Не располагая ни одной из частей канонической триады успеха в туризме (знаменитый ансамбль, знаменитые персоналии, знаменитое событие), Мартыново тем не менее в туризме преуспевает! Уместно отметить, что здесь нет ни красивых пейзажей, ни содержательных видов, ни даже реки или леса. Деревня находится на плоской невыразительной местности, но в туризме она чрезвычайно выразительна» [5, с. 125]. Каким образом жители деревни сумели создать собственный туристический центр? Местные жители разговаривают с туристами на своём местном диалекте, предлагают традиционное угощение из печи: топлёное молоко и томлёную картошку, знакомят с простым бытом своей деревни, не придуманной или реконструированной, а живущей здесь сотни лет. Сохранение всех мельчайших подробностей места, бережное отношение ко всему местному и особенному сделало Музей кацкарей главным «градообразующим» предприятием деревни Мартыново. «Оно (туристическое предприятие) спасло деревню, которая к этим дням уже лишилась и сельской администрации, и восьмилетней школы, и, казалось, всех перспектив развития. Сегодня те потери, казавшиеся погибельными, уже не страшны, музей открыл более двадцати новых рабочих мест и закупает у населения для питания туристов тонны картофеля, молока, сметаны, масла, мёда» [5, с. 126].

Создатели *выставки «Дым Отечества»* в Омске попробовали ароматизировать небольшие комплексы предметов, ассоциирующиеся с обозначенной темой. Профес-

сии маляр, парикмахер, медсестра представлены в виде нескольких экспонатов, подкреплённых специфическим запахом, связанным с этими профессиями. В данном случае запах выступает как профессионально-социальная характеристика. На выставке представлены не только профессии, но и знакомые всем явления с характерным запахом (Новый год, путешествие и другие), которые способны напомнить нашему человеку о детстве, о прошлом.

Музей запахов Петербурга предлагает познакомиться с городом «в его невидимом воплощении», «ощутить красоту нашего города через запахи» [18]. В программу включено знакомство с коллекцией запахов Санкт-Петербурга, рассказ о местах, где были сняты запахи, обсуждение впечатлений в группе. Также есть возможность узнать, как собирают, записывают и переносят ароматы, из каких составных элементов они складываются.

На практике запахи чаще всего используют музеи истории города, потому что именно в городах стало формироваться понятие санитарии, в городе была сложная комплексная среда обитания, и потому запахи приобрели особое значение. «В деревне или небольшом монокультурном городе все запахи и звуки составляют общее фоновое поле, одинаково всем понятны и подвергаются схожим оценкам» [10, с. 281]. Тем не менее каждый город или местность можно рассматривать как социальный организм [1] со своей «анатомией», «физиологией» и «психологией», в противовес пониманию города как механизма. Такой подход выявляет связи «анатомии» места с запахами, их сезонностью, а также с их влиянием на формирование атмосферы города или места.

А теперь тот пример, который касается автора статьи лично. Это *домик мельника* в городе Мышкин Ярославской области, кото-

рый не только примечателен воплощением идеи синтетической музейно-театральной среды, но и полным воссозданием исторических интерьеров, вплоть до запаха печи и угощения посетителей блинами. Такое тщательное реконструирование и оживление исторической среды с сохранением всех характерных черт места вызывает положительный отклик туристов, ищущих новых впечатлений в туриндустрии.

Итак, вкус и запах – это не только важные элементы природной среды, но и неотъемлемая сторона всех культурных явлений. Атмосферу прошлого создают не только предметы старины и интерьеры, но также специфические, характерные для этого места запахи. Актуализация запаха и вкуса в культуре может помочь современному информационному обществу, становящемуся прежде всего *визуальным* обществом, вернуть человеку его целостность, заключённую в том числе в единстве всех наших чувств. Включение запаха и вкуса в музейную среду даёт наиболее полное восприятие и понимание прошлого во всех его проявлениях.

Тем более это касается гастрономического туризма. У каждого народа есть своё традиционное блюдо, о котором нельзя забывать, создавая музей. «По мере усиления интегративных процессов, на фоне которых человечество остро осознаёт принадлежность к разным культурам и обществам с разными национальными традициями, интерес к гастрономической культуре неуклонно возрастает» [6, с. 145]. И здесь хочется высказаться против музейного скептицизма французского писателя и искусствоведа Антуана-Кризостома Картмера де Ке-

неси, который выражается в недовольстве по поводу превращения в товар объектов, попавших в пространство музея, когда они утрачивают общественную и обретают меновую стоимость [4, с. 78]. С Картмером, конечно, можно согласиться в отношении произведений искусства, но в нашем случае речь идёт о «гастрономическом» туризме. И здесь получение новой стоимости способно повлиять на сохранение малых городов и традиционных блюд, исчезающих «запахов культуры», а с другой стороны, это способно влиять на создание новых брендов на туристическом рынке.

Указанное направление в туристическом бизнесе не только решает проблему выживания малых городов. Таким образом решается проблема сохранения нематериального наследия, о чём идёт речь в документах ЮНЕСКО [19]. Именно в этом качестве гастрономические музеи не должны быть только развлечением, но в первую очередь местом воспитания гражданина нашего Отечества. Необходимость подобных практик подтверждает запуск Федерального проекта «Гастрономическая карта России», организованного Федеральным агентством по туризму в сотрудничестве с Министерством сельского хозяйства Российской Федерации, Министерством иностранных дел Российской Федерации, Федерацией рестораторов и отельеров и Российским экспортным центром. Эксперты проекта изучают фермерские хозяйства, традиционные кухни и гастрономические бренды регионов, имеющие глубокую связь с образом жизни местного населения. И важно, чтобы при этом не была утрачена культурная составляющая этого проекта.

Примечания

1. Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма. 2-е изд., испр. и доп.: Опыт комплексного подхода. Ленинград: Сеятель, 1926. 151 с.

2. Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Ванштейн. Москва : Новое литературное обозрение, 2003. 608 с., ил.
3. Бессчётнова Е. В. Социальные коннотации запаха // ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. 2016. № 11: ИНТЕР № 11 – Дискурсы и дискуссии. С. 27–42.
4. Бонами З. А. Как читать и понимать музей. Философия музея. Москва : АСТ, 2018. 244 с. : ил. (Как читать и понимать)
5. Гречухин В. А. Мышкин. Малый город в большом туризме. Состояние, проблемы, продвижение, перспективы. Москва : Книжный мир, 2017. 224 с.
6. Дунаева М. Б. Гастрономический дискурс в культурных практиках повседневности // Наука. Искусство. Культура. 2019. Выпуск 1 (21). С. 144–151.
7. Епанешникова М. А. Рецепция запаха и его природно-культурный смысл // Вестник ЮурГУ. 2010. № 8 (184). Серия «Социально-гуманитарные науки», выпуск 14. С. 101–104.
8. Епанешникова М. А. Функции запаха как феномена культуры // Вестники Челябинского государственного университета. 2010. № 31 (212). С. 31–35.
9. Капкан М. В., Лихачёва Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. Том 55, № 15. С. 34–43.
10. Лапин В. В. Петербург. Запахи и звуки. Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2007. 282 с., ил.
11. Мареев С. Н. Л. С. Выготский: философия, психология, искусство. Москва : Академический проект, 2017. 227 с. (Философские технологии).
12. Макастрова Н. Как развивать туризм в России. Диалоги с практиками. Москва : Академический проект, 2002. 230 с.
13. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления / под ред. и с предисл. А. Т. Бочоришвили. Издание 3-е. Москва : ЛКИ, 2007. 488 с. (Из наследия отечественной философской мысли: социальная философия).
14. Никонова А. А. Визуальные технологии и сохранение культурного наследия России // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 1 (18) март. С. 49–53.
15. Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с. :ил., [2] с цв. ил.
16. Фейербах Л. Избранные философские произведения : в двух томах. Том 1. Москва : Госполитиздат, 1955. 676 с.
17. Холмс Б. Вкус: наука о самом малоизученном человеческом чувстве : пер. с англ. 2-е издание. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 348 с.
18. Туроператор «Прогулки» [Электронный ресурс]. URL: <https://excurspb.ru/inter/museum/muzeu-zapahov/>
19. Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/lists#2018>

References

1. Antsifero N. P. *Puti izucheniya goroda, kak sotsial'nogo organizma [Ways of studying the city as a social organism]. 2nd edition., rev. u additional: Experience of an integrated approach*. Leningrad, The Sower, 1926. 151 p. (In Russian)
2. Vanshteyn O. B., comp. *Aromaty i zapakhi v kul'ture. Kniga 1 [Fragrances and smells in the culture. Book 1]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2003. 608 p. (In Russian)
3. Besschetnova E. V. *Sotsial'nye konnotatsii zapakha [Social connotations of odor]*. INTERAKTSIYA. INTERV'YU. INTERPRETATSIYA [INTERACTION. INTERVIEW. INTERPRETATION. 2016. No. 11: INTER No. 11 – Discourses and discussions]. Pp. 27–42. (In Russian)
4. Bonami Z. A. *Kak chitat' i ponimat' muzey. Filosofiya muzeya [How to read and understand the museum. The philosophy of the museum]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2018. 244 p. (In Russian)

5. Grechukhin V. A. *Myshkin. Malyy gorod v bol'shom turizme. Sostoyaniye, problemy, prodvizheniye, perspektivy* [Myshkin. Small town in big tourism. Status, problems, promotion, prospects]. Moscow, Publishing house "Book World", 2017. 224 p. (In Russian)
6. Dunaeva M. B. Gastronomicheskiy diskurs v kul'turnykh praktikakh povsednevnosti [Gastronomic discourse in the cultural practices of everyday life]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. The culture]. 2019, issue 1 (21), pp 144–151. (In Russian)
7. Epaneshnikova M. A. Retseptsiya zapakha i yego prirodno-kul'turnyy smysl [Odor reception and its natural-cultural meaning]. *Vestnik YuurGU* [Bulletin of the South Ural State University]. 2010, no. 8 (184). Series "Social and Human Sciences", issue 14, pp. 101–104. (In Russian)
8. Epaneshnikova M. A. Funktsii zapakha kak fenomena kul'tury [Odor functions as a cultural phenomenon]. *Vestniki Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletins of the Chelyabinsk State University]. 2010, no. 31 (212), pp. 31–35. (In Russian)
9. Kapkan M. V., Likhacheva L. S. Gastronomicheskaya kul'tura: ponyatie, funktsii, faktory formirovaniya [Gastronomic culture: concept, functions, formation factors]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Ural State University]. 2008, vol. 55, no. 15, pp. 34–43. (In Russian)
10. Lapin V. V. *Peterburg. Zapakhi i zvuki* [Petersburg. Smells and sounds]. St. Petersburg, European House, 2007. 282 p. (In Russian)
11. Mareev S. N. L. S. *Vygotskiy: filosofiya, psikhologiya, iskusstvo* [L. S. Vygotsky: philosophy, psychology, art]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2017. 227 p. (In Russian)
12. Makatrova N. *Kak razvivat' turizm v Rossii. Dialogi s praktikami* [How to develop tourism in Russia. Dialogues with practitioners]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2002. 230 p. (In Russian)
13. Megrelidze K. R. *Osnovnye problemy sotsiologii myshleniya* [The main problems of the sociology of thinking]. 3rd edition. Moscow, LCI Publishing House, 2007. 488 p. (In Russian)
14. Nikonova A. A. Vizual'nye tekhnologii i sokhraneniye kul'turnogo naslediya Rossii [Visual technologies and preservation of the cultural heritage of Russia]. *Vestnik Sank-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. 2014, no. 1 (18), pp. 49–53. (In Russian)
15. Pirogovskaya M. *Miazmy, simptomy, uliki: zapakhi mezhdru meditsinoy i moral'yu v russkoy kul'ture vtoroy poloviny XIX veka* [Miasmas, symptoms, evidence: smells between medicine and morality in Russian culture of the second half of the 19th century]. St. Petersburg, European University Press, St. Petersburg, 2018. 392 p. (In Russian)
16. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya, v 2 tomakh. Tom 1* [Selected Philosophical Works. In 2 vol., vol. 1]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1955. 679 p. (In Russian)
17. Holmes B. *Vkus: nauka o samom maloizuchennom chelovecheskom chuvstve* [Taste: the science of the most poorly understood human feeling]. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Alpina Publisher", 2019. 348 p. (In Russian)
18. *Turoperator "Progulki"* [Tour operator "Walks"]. Available at: <https://excurspb.ru/inter/museum/muzey-zapahov/> (In Russian)
19. *Spisok nematerial'nogo kul'turnogo naslediya YUNESKO* [UNESCO Intangible Cultural Heritage List]. Available at: <https://ich.unesco.org/en/lists#2018> (In Russian)

*

ГЛАМУР В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДЫ

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10510

А. Е. Кощев

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена рассмотрению такого явления массовой культуры, как гламур в области эстрадного творчества, его характерных черт и особенностей проявления феномена гламуризации в пространстве российской культуры. Особое внимание автор уделяет вопросам перспективы развития, трансформации гламура и трэша как взаимосвязанных явлений. На основе характерных параметров гламура автор рассматривает взаимосвязь трэша и гламура в ракурсе зависимости и трансформирующего потенциала китча и кэмп. Также в статье рассматриваются процессы трансформации элементов массовой культуры, затрагивается тема стандартизации художественного творчества в массовой культуре. Автор предпринимает попытку с точки зрения процессов изменения соотношения формы и содержания оценить актуальное состояние эстрадного творчества и определить динамику изменений ценностно-эстетических параметров в перспективе влияния гламуризации.

Ключевые слова: российская эстрада, эстрадное творчество, эстетические трансформации, ценностный аспект эстрадного творчества, трэш, развлекательность, массовая культура, гламур, китч, кэмп, гламуризация.

Artem E. Koscheev

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

GLAMOUR IN THE SPACE OF MODERN VARIETY ART

The article is devoted to the consideration of such a phenomenon of mass culture as glamour in the field of variety art, its characteristic features and features of the phenomenon of glamorization in the space of Russian culture. The author pays special attention to the prospects of development, transformation of glamour and thrash as interrelated phenomena. On the basis of the characteristic parameters of glamour, the author considers the relationship between thrash and glamour in the perspective of dependence and the transforming potential of kitsch and camp. The article also discusses the processes of transformation of elements of mass culture. The article touches on the topic of standardization of artistic creativity in popular culture. The author makes an attempt from the point of view of the processes of changing the ratio of form and content to assess the current state of variety art and to determine the dynamics of changes in value and aesthetic parameters in the perspective of the influence of glamorization.

Keywords: Russian variety show, pop art, variety art, aesthetic transformations, trivialization, value aspect of pop art, trash, entertainment, mass culture, popular culture, glamour, kitsch, camp

КОЩЕЕВ АРТЁМ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KOSHCHEEFHV ARTEM EVGENYEVICH – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: Kosheev_show@bk.ru
© Кощев А. Е., 2019

Для цитирования: Кошечев А. Е. Гламур в пространстве современной эстрады // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 83–90. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10510

В начале XXI века в российском общественном сознании возникает устойчивая взаимосвязь между понятиями «эстрада» и «гламур», неотделимыми от категории «массовая культура». На наш взгляд, истоки специфического взаимодействия этих элементов массовой культуры лежат в трансформации ценностно-смысловых оснований российской эстрады 1980–1990-х годов, когда тема материального изобилия, «красивой» жизни становится одной из центральных тем многих эстрадных исполнителей (Богдан Титомир, группа «Комбинация», группа «Кар-Мен» и другие). Как правило, в эстетике их сценической деятельности гламурные моменты презентации ценностей «потребительского гедонизма» занимают видное место.

Трансформация эстрадного творчества в немалой степени обусловлена и технологическими факторами распространения массовой культуры. С развитием радио и, особенно, телевизионного вещания, начиная с середины XX века, эстрадные формы массовой культуры получили новый импульс для повсеместного распространения, ранее ограниченного записями и живыми выступлениями. И если ранняя телевизионная эстрада существовала преимущественно в качестве «дублёра» концертной формы (трансляции концертов и отдельных выступлений), то к 1980–1990-м она заняла уверенные позиции в сетке вещания, сохраняя жанровое разнообразие посредством адаптации концертных форм к специфике телевидения. Телевидение стало одной из самых эффективных площадок для развития эстрады. Эстрадные формы легли в основу практически всего пласта современного развлекательного телевиде-

ния: театр миниатюр трансформировался в скетч-шоу, конференс стал прародителем формата вечерних шоу, эстрадный фельетон – основой для таких телепроектов, как «Прожекторперисхилтон», телевизионные эстрадные концерты (в том числе «Старые песни о главном» и т.п.) и другие адаптированные формы.

Данное явление носит неоднозначный характер с точки зрения содержательности. Не случайно в диссертации С. Н. Акинфеева «Жанровая структура российского развлекательного телевидения» [1] делается особый акцент на превалировании в телевизионных шоу развлекательной, рекреативной функции. Стоит заметить, однако, что некоторые телепрограммы эстрадной направленности, в частности «Достояние республики», «Три аккорда», построенные в жанре ревью, отражают эстетическими средствами полистилистику отечественной эстрады и творческую манеру её «знаковых» деятелей, тем самым реализуя в своеобразной форме и познавательную функцию.

В связи с трансформацией эстрадных форм в ключе устремления к внешней выразительности в ущерб смысловому содержанию сегодня мы можем выделить некоторые эстетические особенности в развитии таких явлений эстрады, как гламур, трэш, кэмп, китч. Причём китч и кэмп в контексте трансформации являются одними из инструментов, тогда как гламур и трэш правомерно рассматривать как тенденции изменений в сфере эстрадного творчества. Как утверждает С. Гандл, американский кинематограф являл собой уже в 1920–1940-е годы «наиболее совершенное воплощение гламу-

ра всех времён». Голливуд придумал «воображаемую Америку, землю свободы, терпимости, богатства и самореализации» [2]. Это стало своего рода вариацией идеи эскапизма, которую Е. Н. Шапинская определяет в качестве «представления обычных вещей в необычном свете» [14].

Гламур, как попытка создания альтернативной реальности, где изобилие, гедонизм и беззаботная жизнь составляют его базис, в социокультурных реалиях России имеет некоторые отличия от общемировых трендов. Так, в западном обществе шик, блеск страз становится униформой для богатых [11]. В российском же культурном пространстве, по большому счёту, отсутствие собственных модных парадигм как таковых в момент социальных перемен 1980–1990-х годов привело к тому, что гламурные устремления к «золотой мечте» стали трактоваться наоборот – как средство выражения индивидуальности. Но по мере своего развития внешние проявления идеи гламура становятся знаком приверженности к некоторому «высшему» обществу, по сути являясь той же «униформой». Стоит отметить, что гламур особенно ярко выразился в эстрадном творчестве в качестве своеобразного манифеста новых жизненных устремлений, желания более молодого поколения уйти от серости повседневной жизни, а далее посредством моды, массмедиа проник и в повседневную жизнь общества.

В качестве эстетической категории гламур рассматривается в трудах Е. В. Никольского – как феномен, «связанный с культурой массового потребления, модой и шоу-бизнесом» [6]. Более того, автор отмечает «космическую несовместимость» гламура с «высокими» эстетическими категориями, а даже, наоборот, пишет об органическом единстве с «низкими категориями», говоря, что «гламур безобразен... по отдельности

и вещи, и предметы, и гламурное окружение могут быть как минимум более-менее приемлемыми для созерцания. Однако собравшись воедино... превращается в нечто безвкусное, никакого чувства, лишь продиктованные модой условия...» [7]. В свою очередь, мы бы отметили, что гламур, согласовываясь с «низкими» эстетическими категориями, стремится выглядеть как категория «высокая», что подтверждается тезисом К. Ю. Точилова о том, что гламур представляет собой симулякр, который определяется как «специфический феномен, связанный с миром потребления товаров (услуг), с модой, культурой “шоу”, стилями жизни...» [10].

Стоит подчеркнуть, что гламур – это не искусственное явление, а плод развития общества потребления, существующий в соответствии с его законами. С онтологической точки зрения заслуживает внимания ряд параметров гламура: это мимикрийность, которая заключается в скорейшем приспособлении под новые условия; противоречивость, проявляющая себя в доведении некоторых форм до самоотрицания и одновременном культивировании идеи «вечной молодости» и бессмертных брендов с вековой историей; иллюзорность разнообразия, заключающаяся в подмене реальных изменений только сменой внешнего проявления; трансформация интимного в публичное, отказ от «личности» в направлении понятия «маска» [3].

На данный момент можно предположить, что гламур стал вполне устоявшимся явлением, которое более не выглядит так причудливо и провокационно, как прежде, а воспринимается большинством людей как часть повседневности, что противоречит естеству гламура как уходу от обыденной реальности. Однако эстетизация установки на славу и богатство как ценностей жиз-

ни продолжает быть одним из направлений массовой культуры. И сегодня это рождает некоторые видоизменения, а именно – активное влияние китча и кэмп в пространстве гламура создаёт новый вид гламура – трэш. На наш взгляд, трэш – это трансформированный гламур, стремящийся к созданию нового облика себя самого.

В последнее время трэш активно стремится занять лидирующие позиции в массовой культуре. Зародившись в 1950-х годах, трэш (от англ. – мусор, хлам), по определению Ф. В. Фуртай, являл собой «художественный или пародийный вариант высокого образца» [12]. Трэш, как и в определённой степени гламур, это образ жизни, своеобразное мировоззрение отрицания причастности к обыденности, общепринятого порядка. Если гламур проявляет себя через блеск, стразы, розовый мех, мягкость, то «привлекательность трэша – в его брутальной энергетике, неожиданности и непредсказуемости, в противостоянии коммерческому мейнстриму, чем он и импонирует интеллектуалам» [9]. Среди характерных черт трэша можно выделить агрессию и маргинальность, то есть черты в определённой степени полярные тому, что мы называем гламуром. Такая нарочитая внешняя несовместимость трэша и гламура и созвучность сущностных идей данных феноменов раскрывают единое основание их возникновения и развития.

И если в Англии трэш начал проявлять себя ещё 70 лет назад, то в российском культурном пространстве это явление весьма новое и малоизученное. Основной причиной яркого проявления трэш-эстетики в России, как мы полагаем, стало в некоторой степени «пиковое» развитие гламура, ставшего, как уже отмечалось, привычным явлением. По сути, путь развития гламура, стремления к нему как к симулякру,

не формулирующему новые содержательные, устойчивые ценностные ориентиры, привёл его к собственным истокам – повседневности. По нашему мнению, трэш направлен на некоторую деконструкцию гламура. Иронизируя над данным явлением, трэш, так же, как и ранее гламур, пытается дистанцироваться от него, считая черты его проявлением повседневности. Трэш – это своеобразная попытка создать «гламур для умных».

Если гламур и трэш сравнительно недавно вошли в обиход нашей жизни, то китч в течение ряда десятилетий привлекал внимание исследователей массовой художественной культуры и как понятие, и как явление, отражающее изменения в сфере творчества и вкусовых предпочтениях. Однако сегодня мы можем наблюдать тенденцию использования термина «китч» в качестве одного из понятий постклассической эстетики, обозначающего факт искажённого взаимодействия искусства и реципиента в контексте массовой культуры. Но по сути своей китч так и остаётся явлением маскультуры, основными параметрами которого являются упрощение, тривиализация, пошлость, отсутствие глубины и художественной ценности. Как отмечает современный исследователь А. Ф. Поляков, «китчем используются только те художественные артефакты, которые уже доказали свою эффективность для публики и репродукция которых не рискует быть революционным открытием, пусть даже удачным» [8]. Данное суждение раскрывает очень важную черту китча, позволяющую отличать его от кэмп. Китч довольствуется ранее созданным художественным материалом, как и кэмп, но, в отличие от него, не стремится создать нечто поражающее новое, а лишь репродуцирует объект, а кэмп, в свою очередь, через чрезмерное усложнение и деконструкцию смыс-

лового содержания стремится к формулированию нового смысла произведения.

В свете вышесказанного правомерно рассматривать китч в качестве логичного, системного плода тенденций гламуризации эстрады, занимающей видное место в эстетическом пространстве массовой культуры. Массовый поток неминуемо ведёт к некоторой стандартизации производимого объекта, что довольно сложно соотносится с областью художественного. На наш взгляд, китч и кэмп – это некоторый выход в необходимый для массовой культуры «стандарт». В качестве примера проявления китча как инструмента гламуризации современной российской эстрады можно рассмотреть образ Ольги Бузовой. Для данного случая видится уместным не разделять сценическую, общественную жизнь, образ, созданный массмедиа, так как гламуризация проявляется именно как совокупность всех публичных выражений артиста. Образ Ольги Бузовой представляется, по сути, некоторым стереотипным стандартом поп-исполнителя, выражающимся в следующих чертах: песни с тривиальным содержанием и музыкой, вызывающее поведение на сцене и экране, личная жизнь на показ, стремление быть замеченной в различных скандалах и конфликтах. Важно отметить, что данные проявления зачастую не производят ни шокирующего эффекта, ни вызывают восторга, а служат лишь поддержанию образа, созданного в информационном пространстве. Каждый из подобных артистов стремится к созданию индивидуально-стиля органичного общей массе таких же индивидуальностей.

Кэмп по своей сути является некоторым антиподом китчу, так как он подразумевает эстетизацию безобразного, глупого, стремится к нарочитой изошрённости. Если в Голливуде середины XX века кэмп вос-

принимался, скорее, как своеобразный технический приём, то сегодня понятие кэмп-па стремится занять место в качестве культурологической, эстетической категории. Как отмечает О. Я. Муха, «кэмп – своеобразный симулякр чувственности, обладающий осознанным игровым характером, ироничным самовосприятием и подчёркнуто элитарным характером, специально усложнённый, искусственный, экстравагантный» [5].

В сравнительном анализе О. Я. Муха с определённой долей условности проводит параллели между категориями высокого – низкого и китча – кэмп-па. Однако мы позволили бы себе некоторое дополнение к данному утверждению, обратив внимание на иерархическую модель массовой культуры, предложенную А. Н. Ильиным. В данной структуре массовая культура предстаёт пирамидой, где основание составляет китч-культура, середина – мид и вершина – арт [4]. Исходя из логики противопоставления китча и кэмп-па (кэмп-па и китча), можно предположить, что кэмп стремится соотноситься, скорее, с уровнями мид и арт, чем с китчем. Отметив, что китч имеет непосредственное отношение к эстетическому объекту, а кэмп – это более способ восприятия, мы предполагаем, что кэмп – это способ устремления к уровню арт посредством нарочитого усложнения, провокационности, экстравагантности, маргинализации высоких образцов искусства и эстетизации низкого ради формулирования новых смыслов. Так, в недавно вышедшем клипе группы Ленинград «i_\$uss» эстетизация грязного, пьяного, наркотического мира «ночной жизни» в сопряжении с использованием христианской образно-символической системы рождает смысл некоторого искажённого «высокого» уровня отношений. Парадокс «лжи, провозглашающей правду», лежит в основании кэмп-па, который, на наш взгляд, явля-

ется активным трансформирующим фактором в пространстве гламур-трэш. Думается, что подобные тенденции вполне соотносятся с трэш-эстетикой. Кэмп, являясь, по сути, способом деконструкции ранее сформулированных смысловых парадигм, должен носить осознанный характер, вследствие чего можно предположить о возможности рождении с его помощью новых ценностных ориентиров. Вероятно, не всегда эти аксиологические устремления вызывают повсеместное одобрение, но вполне возможно развитие данного способа может привести к больше положительным, чем отрицательным результатам.

Эстрадное творчество, являясь частью массовой культуры, также подвержено влиянию гламура, трэша, китча, кэмпса, что неминуемо влечёт за собой качественные изменения как формы, так и содержания. В ряду трансформирующих процессов (тривиализация, сверхактуализация, визуализация и другие) стоит выделить гламуризацию, неотделимую от трэша: имеется в виду актуализация установки на создание универсального образа, стандарта художественного произведения, приемлемого для каждого зрителя. Внешняя выразительность, зрелищность становятся в данном контексте успешным инструментом воздействия, но часто в массовой культуре в целом и в эстрадном творчестве в частности такие процессы не создают основы для формирования новых ценностных парадигм.

Зрелищность, зачастую лишённая внутреннего содержания, выходит на лидирующие позиции в эстрадном творчестве. Об этом в своей статье «Зрелищность и участие: антагонистические категории анализа современных художественных» несколько предостерегает Н. А. Хисматулина, опираясь на высказывания Дебора: «Зрелищность рассуждает о себе как о чем-то чрезвычайно

положительном, неоспоримом и недостижимом. Она просто заявляет: «всё, что мы видим, – всё прекрасно; и всё прекрасное – перед нами» [13]. Такая зрелищность в пространстве эстрадного творчества становится одним из ярчайших примеров проявления гламуризации. При более пристальном рассмотрении российской эстрады мы можем увидеть, что на данный момент появляются всё новые и новые исполнители, которые стремятся «разбавить» набор состоявшихся звёзд российской поп-сцены, а «мастодонты» эстрады направлены на создание нового имиджа, образа. Но в данном проявлении, стоит подчеркнуть, ничего нового в плане ценностно-смыслового содержания не появляется, что позволяет отметить создание некоторого рода фальшивой конкуренции, борьбы ярких перьев и пайеток.

И последнее. Эстрада, будучи частью массовой культуры, всегда стремилась к развлекательности, зрелищности, к позитивной реакции аудитории. Тем не менее в период становления и активного развития в СССР эстрада сохраняла активную функцию «возбуждения к рассуждению». Сейчас же в эстрадном творчестве над ценностно-смысловым содержанием в большей степени превалирует развлекательность эпатажного характера. Другим фактором расширения границ проблематики современной эстрады является коммерциализация: эстрадное творчество всё в большей степени становится «заложником» рынка брендов и звёзд. Гламуризация, включающая на данный момент и феномен трэша, видится одновременно и проявлением, и одним из источников вышеуказанных проблем. Сейчас этот процесс, скорее, является лавинообразным, то есть не поддающимся влиянию, отсюда важность выявления механизмов совершенствования содержательно-стилистических основ эстрадного творчества.

Примечания

1. Акинфиев С. Н. Жанровая структура российского развлекательного телевидения : дис. на соиск. учён. степ. кандидата филологических наук : 10.01.10 / Акинфиев Сергей Николаевич. Москва, 2008. 161 с.
2. Гандл С. Гламур / пер. с англ. под ред. А. Красниковой. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. С. 150–151.
3. Дроздова А. В., Беляев В. П. Идеология современного гламура // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2.
4. Ильин А. Н. Иерархическая модель массовой культуры // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2.
5. Муха О. Я. Китч и кэмп как новое высокое и низкое. Революция бинарных отношений в эстетике // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2013. № 1 (13).
6. Никольский Е. В. Гламур в системе эстетических категорий. Часть I. Гламур и высокие категории: космическая несовместимость // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1.
7. Никольский Е. В. Гламур в системе эстетических категорий. Часть II. Гламур в контексте «Низких» категорий эстетики: органическое единство // *Studia Humanitatis*. 2017. № 2.
8. Поляков А. Ф. Трансформация китча во Времени и Пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6.
9. Романова К. С. Дискурс антигламура // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2.
10. Тоцилов К. Ю. Гламур как эстетический феномен: генезис и исторические модификации : дис. учён. степ. кандидата философских наук : 09.00.04 / Тоцилов Константин Юрьевич. Москва, 2011. 154 с.
11. Уилсон Э. Облачённые в мечты: мода и современность / пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, Е. Ляминой. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 288 с.
12. Фуртай Ф. В. Мусор – от руин до свалки: аксиологические перспективы современной культуры // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 1 (2).
13. Хисматулина Н. А. Зрелищность и участие: антагонистические категории анализа современных художественных практик // Эстетика и культурология. 2015. № 2 (57). С. 162–170.
14. Шапинская Е. Н. Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. 2011. Вып. 04 (05).

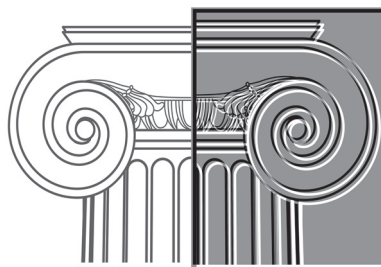
References

1. Akinfiyev S. N. *Zhanrovaya struktura rossijskogo razvlekatel'nogo televideniya. Diss. kand. filol. nauk [Genre structure of Russian entertainment television. Cand. filol. sci. diss.]*. Moscow, 2008. 161 p. (In Russian)
2. Gandle S. [Gundle Stephen] *Glamur [Glamour]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2011. Pp. 150–151. (In Russian)
3. Drozdova A. V., Belyaev V. P. *Ideologiya sovremennogo glamura [The ideology of modern glamour]. Diskurs-Pi*. 2010. № 1-2. (In Russian)
4. Ilyin A. N. *Ierarhicheskaya model' massovoj kul'tury [Hierarchical model of mass culture]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk*. 2009. № 2. (In Russian)
5. Muha O. Ya. *Kitch i kemp kak novoe vysokoe i nizkoe. Revolyutsiya binarnykh otnosheniy v estetike [Kitsch and camp as the new high and low. Revolution of binary relations in aesthetics]. Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 2013. № 1 (13). (In Russian)
6. Nikol'skiy E. V. *Glamur v sisteme esteticheskikh kategoriy. Chast' I. Glamur i vysokie kategorii: kosmicheskaya nesovmestimost' [Glamour in the system of aesthetic categories. Part I. Glamour and high categories: cosmic incompatibility]. Studia Humanitatis*. 2017. № 1. (In Russian)
7. Nikol'skiy E. V. *Glamur v sisteme esteticheskikh kategoriy. Chast' II. Glamur v kontekste "Nizkih" kategoriy estetiki: organicheskoe edinstvo [Glamour in the system of aesthetic categories. Part II. Glamour in the context of "Low" categories of aesthetics: organic unity]. Studia Humanitatis*. 2017. № 2. (In Russian)
8. Polyakov A. F. *Transformaciya kitcha vo Vremeni i Prostranstve [Transformation of kitsch in Time and Space]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of the Buryat State University*. 2011. № 6. (In Russian)

9. Romanova K. S. Diskurs antiglamura [The discourse of glamour]. *Diskurs-Pi*. 2010. № 1–2.
10. Tochilov K. Yu. *Glamur kak esteticheskiy fenomen: genesis i istoricheskie modifikacii. Diss. kand. filos. nauk [Glamour as an aesthetic phenomenon: Genesis and historical modifications. Cand. philos. sci. diss.]*. Moscow, 2011. 154 p. (In Russian)
11. Uilson E. [Wilson Elizabeth] *Oblachennye v mechty: moda i sovremennost' [Adorned in Dreams: Fashion and Modernity]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2012. 288 p. (In Russian)
12. Furtay F. V. Musor – ot ruiny do svalki: aksiologicheskie perspektivy sovremennoy kul'tury [Trash (garbage, punk) – from Ruins to Dump: Axiological Outlooks of Modern Culture]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2011. № 1 (2). (In Russian)
13. Khismatulina N. A. Zrelischnost' i uchastie: antagonisticheskie kategorii analiza sovremennykh hudozhestvennykh praktik. [Spectacle And Participation: Antagonistic Categories For Analysis Of Contemporary Art Practices]. *Estetika i kul'turologiya [Aesthetics and Cultural Studies]*. 2015, № 2 (57), pp. 162–170. (In Russian)
14. Shapinskaya E. N. Puteshestvie na Vostok kak begstvo ot povsednevnosti: fenomen turisticheskogo eskapizma [Journey to the East as an escape from everyday life: the phenomenon of tourist escapism]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2011, no. 04 (05). (In Russian)

*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОСУГА» В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 379.8.09

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10511

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрено ключевое понятие зарубежного досуговедения – «цивилизация досуга», введённое Ж. Дюмазедье. Представлены основные параметры «цивилизации досуга», при формировании которой увеличивается объём свободного времени; досуг приобретает всё большую независимость от труда, становится самодовлеющей ценностью; происходит автономизация досуга. На основе работ ведущих зарубежных исследователей досуга (Т. Блэкшоу К. Ройек, К. Робертс, Р. Стеббинс и других) показано, что «цивилизации досуга» как модель досуговой активности получила признание культурологов и социологов. Однако при этом ими были выдвинуты серьёзные критические аргументы, заставившие пересмотреть вывод о том, что «цивилизации досуга» уже построена в развитых западных обществах, сместив акценты на обсуждение самой возможности его построения. Зарубежные исследователи при этом приходят к выводу о том, что высвобождение свободного времени в постиндустриальном обществе само по себе не приводит человека к полноценной самореализации, а предлагаемые стандартизированные формы досуга не могут обеспечить достижение состояния «свободы», то есть самодетерминации человека в сфере досуга. Таким образом, «цивилизация досуга» если и возможна, то только через расширение деятельностного проявления досуговой активности личности и социальных групп.

Ключевые слова: досуг, постиндустриальное общество, цивилизация досуга, общество досуга, Ж. Дюмазедье, Т. Блэкшоу К. Ройек, К. Робертс, Р. Стеббинс, социально-культурная деятельность.

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE CONCEPT OF “LEISURE CIVILIZATION” IN THE CONTEXT OF FOREIGN SOCIAL AND CULTURAL RESEARCH

The article considers the key concept of foreign leisure studies – “leisure civilization”, introduced by J. Dumazedier. The main parameters of the “leisure civilization” are presented, during the formation of

---

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

which the amount of free time increases; leisure becomes more and more independent of labor, becomes a self-sufficient value; leisure becomes Autonomous. Based on the work of leading foreign leisure researchers (T. Blackshaw, C. Rojek, K. Roberts, R. Stebbins, etc.), it is shown that “leisure civilization” as a model of leisure activity has been recognized by cultural scientists and sociologists. However, they put forward serious critical arguments that forced to reconsider the conclusion that “leisure civilization” is already built in developed Western societies, shifting the focus to the discussion of the very possibility of its construction. Researchers have thus come to the conclusion that the release of free time in post-industrial society in itself does not bring one to full self-realization, and offer standardized forms of leisure, can not achieve the status of “freedom”, i.e. of self-determination of man in the sphere of leisure. Thus, if “leisure civilization” is possible, it is only through the expansion of the individual and social groups active manifestation of leisure activity.

Keywords: leisure, post-industrial society, the civilization of leisure, the leisure society, J. Dumazedier, T. Blackshaw, C. Rojek, K. Roberts, R. Stebbins, social and cultural activity.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Понятие «цивилизация досуга» в контексте зарубежных социокультурных исследований // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 92–101. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10511

Развитие социально-культурной деятельности в России обусловлено достаточно сильными процессами изменений в современной культуре, доминирующим моментом в которой сегодня становится формирование общества потребления, а также глобализированных досуговых форм, досуговой инфраструктуры, индустрии досуга: от парков развлечений до повсеместно распространившихся торгово-развлекательных центров. Однако это только одна из сторон многоаспектного процесса трансформаций, в которые сегодня вовлечены все учреждения и организации, обеспечивающие удовлетворение культурных потребностей граждан в сфере досуга.

Речь идёт о глубоких изменениях в структуре рабочего времени россиян, которое обладает потенциалом для увеличения объёма свободного времени, о чём в определённой мере свидетельствуют правительственные инициативы по введению четырёхдневной рабочей недели. Одновременно с этим всё чаще возникают различные формы частичной трудовой занятости, получают распространение формы удалённого участия в трудовой деятельности, что способ-

ствует изменению сущности традиционной дихотомии «труд – отдых», изменению взаимосвязей и соотношений между работой и досугом. В связи с этим отечественная теория социально-культурной деятельности нуждается в разработке современного представления о закономерностях социокультурного воспитания в условиях трансформации досуга и усиления его влияния на все стороны жизни людей.

Для исследования этих процессов зачастую применяется понятие «цивилизация досуга», которое в некоторых работах приобрело символическое значение, став образом идеального общества и идеального досуга. Иногда даже не вполне обоснованно утверждается, что такое состояние современной цивилизации уже успешно достигнуто. Пожалуй, наиболее широко известная, но лежащая на поверхности идея «цивилизации досуга» сводится к тому, что досуг приобретает всё большую независимость от труда и становится самодовлеющей ценностью, что приводит к формированию уникальной и несвойственной предыдущим состояниям экономических отношений картине – ради желания иметь больше свобод-

ного времени люди сознательно снижают свои материальные притязания и либо полностью, либо частично отказываются от работы. Происходит, по мнению сторонников этой идеи, автономизация досуга – главное доказательство наступления «цивилизации досуга».

Признавая досуг одним из определяющих компонентов культуры и важнейшей сферой жизни человека, зарубежные исследователи 1960–1970-х годов даже поспешили объявить его основой для формирования нового состояния цивилизации и общественных отношений. Видный французский социолог Ж. Дюмазедье не просто ввёл понятие «цивилизация досуга» (и близкое ему по смыслу – «общество досуга»), но и констатировал успешное, как ему виделось в начале 1960-х годов, становление этого нового состояния западной цивилизации.

Говоря о некотором влиянии идей Ж. Дюмазедье на отечественных учёных, следует указать на то, что именно в 1960–1970-е годы появляются фундаментальные работы, определившие новое направление в советской социологии – социологию досуга (Б. А. Грушин, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Г. П. Орлов, Г. А. Пруденский и другие). Это, в свою очередь, дало импульс для всесторонней разработки проблемы досуга в рамках педагогики, а именно – в теории культурно-просветительной деятельности (Л. А. Акимова, В. З. Дуликов, Б. Г. Мосалёв, Ю. А. Стрельцов, В. Е. Триодин и другие), а затем в разработке концепции социально-культурной анимации (Е. Мамбеков, Н. Н. Ярошенко и другие).

Вместе с тем эвристичность и объяснительный потенциал понятия, предложенного Ж. Дюмазедье в середине прошлого века, сохраняются до сих пор, а само понятие оказывается вполне жизнеспособным в зарубежных и отечественных исследовани-

ях досуга. Поэтому в рамках данной статьи ставится цель проследить, как определялись понятия «цивилизация досуга» и «общество досуга»¹ и к каким выводам приводит их использование при изучении современных социокультурных процессов, прежде всего, в зарубежном досуговедении и отчасти – в отечественном.

Итак, сформировалось ли уже «общество досуга», или «цивилизация досуга»? Ответ на этот вопрос не так однозначен, как кажется. В отечественной теории досуга на этот счёт имеются некоторые шаблонные ответы, и отечественные исследователи уверенно повторяют не вполне верную оценку, утверждая, что «цивилизации досуга» уже состоялась. Между тем зарубежные исследователи до сих пор продолжают обсуждение различных сторон идеи «цивилизации досуга» и возможности его построения.

Исследования досуга в зарубежной социологии получили распространение в 1950–1960-е годы, прежде всего в работах представителей Франкфуртской социологической школы, положивших начало неомарксистской разработке теории массовой культуры, повседневности и превращения потребления в регулятор социального порядка (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Э. Фромм и другие). Рост внимания социологов к проблемам досуга был обусловлен уверенностью исследователей в том, что экономически развитые страны вскоре станут обществами досуга: поскольку в индустриальную эпоху труд занимал центральное место в жизни людей и в социальной структуре общества, то среди социологов господствовало убеждение, что в наступаю-

¹ Оба понятия в зарубежном досуговедении употребляются в качестве синонимов, что даёт нам возможность следовать этой традиции и в данной статье.

щей постиндустриальной эпохе досуг станет ключевым фактором.

Именно в этот период появляются работы Ж. Дюмазедье (30.12.1915 – 25.09.2002), в которых обосновывалась идея «общества досуга». Его главный труд «На пути к цивилизации досуга?», впервые опубликованный в 1962 году, по сей день остаётся одним из наиболее цитируемых в социологии досуга. Эта книга служит источником вдохновения для зарубежных исследователей досуга, но до сих пор не переведена на русский язык и отечественным специалистам известна лишь по нескольким статьям.

«Сегодня в наших развитых обществах досуг стал привычной реальностью. Но идея досуга ещё не интегрирована в системы знаний, которые направляют умы интеллектуалов или действия активистов, левых или правых, сторонников или противников капиталистических или социалистических систем. Хорошим тоном считается рассуждение об обществе, как будто понятие досуга не существует. Некоторые смелые интеллектуалы даже намеренно отвергают его в поисках новых систем, которые они хотели бы сделать наиболее соответствующими сегодняшней реальности» [4, р. 17]¹.

Ж. Дюмазедье указывает, что у всех «великих социальных доктринеров» [4, р. 25] XIX века, в большей или меньшей степени, имеется предвосхищение эры досуга. Но никто из них, по его мнению, не увидел дуализма этой проблемы: не только труд влияет на досуг, но и досуг оказывает влияние на все социальные отношения, включая трудовые. Мыслители прошлого «ударилась в иллюзии интеллектуализма. Для К. Маркса, досуг – “пространство человеческого развития”, для Прудона, это – свободное вре-

мя, “составная часть свободы”, для Огюста Конта, это – возможность развивать “популярную астрономию” и т.д. Ф. Энгельс, наконец, ратовал за уменьшение человеко-часов, “чтобы осталось всем достаточно досуга, чтобы принимать участие в общих делах общества”. Эта идентификация досуга остаётся весьма распространённой в нынешней советской социологии. Во Франции центральная тенденция “непрерывного образования” отражает также эту идею досуга» [4, р. 25].

Главный тезис, который Ж. Дюмазедье обосновывает в своей книге, сводится к утверждению, что досуг – центральное явление в современной культуре. Он считает, что в разработке социальных проблем «недооценка теории досуга рискует породить изначально нежизнеспособные концепции» [4, р. 17]. Идея Ж. Дюмазедье основывается на его стремлении понять досуг не только как центр современных культурных практик, но и как центральный компонент знаний об обществе и его культуре. Он пишет: «Недостаточно искать объяснение человеческих проблем только через кино, спорт, театр или телевидение, для этого необходимо раскрыть общую проблему досуга в современной культуре. Будучи связанным со всеми аспектами нашей механистичной и демократической цивилизации, досуг больше не второстепенная, не имеющая значения проблема ... Он проявляется как элемент, занимающий центральное место в культуре ... имеет тонкие и глубокие отношения со всеми основными проблемами труда, семьи, политики, которые под его влиянием должны быть заново переосмыслены. Мы хотели бы доказать, что в середине XX века больше не было возможности развивать теоретические представления об этих фундаментальных проблемах, не задумываясь о влиянии досуга на них» [4, р. 17].

¹ Здесь и далее даётся авторский перевод цитируемых текстов, ранее не публиковавшихся на русском языке.

Несмотря на достаточно сильное воздействие, которое работы Ж. Дюмазедье оказали на зарубежную и отчасти отечественную социологию досуга, уже в 1970-е годы идея «цивилизации досуга» была критически переосмыслена: на смену ожиданиям нового состояния «общества досуга» пришло понимание, что общество, а тем более цивилизация досуга в своём реальном воплощении оказываются утопичными. Однако само понятие «цивилизация досуга» не было отброшено, поскольку эмпирические социологические исследования бюджетов свободного времени населения стран Европы подтверждали наличие базовой тенденции, связанной с тем, что рабочее время в развитых странах продолжит сокращаться, а свободное время для досуга будет увеличиваться. Это и породило, на наш взгляд, то двойственное положение, которое данное понятие заняло в зарубежном досуговедении: понятие утопичное, но описывающее реальные тенденции.

В контексте анализа понятия «цивилизация досуга» необходимо обратиться к книге Ж. Дюмазедье, которая практически не известна отечественным исследователям. Речь идёт о его труде «Эмпирическая социология досуга: критика и контркритика цивилизации досуга» [3], опубликованном в Париже в 1974 году.

Во введении Ж. Дюмазедье предупреждает читателей, что эта книга знаменует собой кульминацию двадцати лет работы, в течение которых он постоянно задавался вопросом о месте досуга в современных обществах, решая эпистемологические проблемы, которые свойственны ему. Он предпочитает системное наблюдение за фактами и их эволюцией в сфере досуга, стремясь выявить их скрытые отношения, что составляет суть его «научной стратегии» [3, р. 11].

Рассмотрение дискуссии о «цивилизации досуга» Ж. Дюмазедье разворачивается вокруг двух тем: досуг как социальный феномен и социология как инструмент культурного планирования.

Говоря о социальной обусловленности досуга, он указывает на то, что досуг предполагает труд, его возникновение связано с состоянием развития производительных сил, обучением масс, подъёмом третьего сектора. Другими словами, досуг является необходимым атрибутом индустриальных и постиндустриальных обществ, он обладает «транснациональным» динамизмом, который игнорирует идеологические и экономические ограничения. Для обоснования этого вывода автор прибегает к сравнительному исследованию досуга в советских обществах (СССР, ГДР и т.д.), во Франции и в Северной Америке и доказывает сходство социальных тенденций в сфере досуга в большинстве капиталистических странах и в ряде социалистических стран Европы.

Он также пытается продемонстрировать, что социальная динамика досуга обусловлена возможностями научно-технического прогресса и регрессией институций социального контроля. Динамика досуга порождает новые стремления человека, чьё досуговое поведение «нарушает прежнее равновесие» [3, р. 59] и в определённой мере становится «вектором» формирования новой морали, нового ценностного поля культуры.

Вводя понятие «культурное планирование» Ж. Дюмазедье предвосхищает идею социально-культурного проектирования, которое имеет «цель рационализации развития в соответствии с потребностями» [3, р. 224], и предлагает создать «истинную науку о развитии на основе футурологии» [3, р. 228] с широким использовани-

ем фундаментальных идей экономической теории.

В концепции Ж. Дюмазедье досуг соответствует времени, направленному на наиболее полную реализацию личности [3, р. 93], и постулирует творчество и подлинность общения между индивидами и группами. Здесь досуг – это социальное явление только потому, что он отвечает «социальной» потребности, которую каждый испытывает, утверждая свою индивидуальность, свою субъективность.

Критики этого подхода указывают на то, что автор стремится таким образом объяснить социальное психологическим [5, р. 613], но если с точки зрения социологии это недопустимо, то в аспекте педагогического исследования досуг создаёт основу для целенаправленного воспитания. Последнее, например, составляет суть российской педагогики социально-культурной деятельности.

Говоря о цивилизации досуга, Ж. Дюмазедье сам задаётся вопросом о целесообразности использования понятия «цивилизация досуга». Представленный им ответ неоднозначен, поскольку он в некоторых местах заменяет «цивилизацию досуга» на понятие «цивилизация культурного развития» (например, глава V [3, р. 252]) и переименовывает «социологию образования и досуга», которая всегда была одной из основных тем его исследований, в «социологию культурного планирования». Другими словами, сам автор понятия допускал возможность его уточнения и конкретизации.

Итак, несмотря на очевидный объяснительный потенциал данного понятия, оно в 1960–1980-е годы было подвергнуто серьёзной критике но, несмотря на это, продолжало применяться в досуговедческих исследованиях в первую очередь как метафорическое обобщение. Поэтому прямое

использование понятия «цивилизация досуга» в работах по культурологии, социологии и педагогике досуга не оправданно, так как это понятие нуждается в уточнении и конкретизации.

К сожалению, с 1980-х годов по настоящее время зарубежные исследования феномена досуга в значительной степени отошли от обобщённого понимания досуга, представленного у Ж. Дюмазедье, то есть досуга в целом, его социальной миссии и функций. Зарубежные авторы, как правило, сосредотачиваются на изучении отдельных проявлений досуговой активности. При этом выделяются исследования «частных видов досуга» – развлечения, спорт, туризм и т.д.; исследования «серьёзного досуга» (Р. А. Стеббинс [1; 9]), то есть связанного с любительской деятельностью, аматерным искусством и другими «серьёзными» досуговыми практиками; альтернативные исследования, сосредоточенные на изучении особенностей досуга различных социально-демографических групп (мужчин, женщин, сексуальных меньшинств, мигрантов, безработных, пожилых граждан и других).

Между тем современные зарубежные исследователи досуга указывают на принципиальную невозможность в полной мере реализовать идеи «цивилизации досуга» в современном постиндустриальном обществе и на наличие серьёзных проблем в понимании социальной миссии досуга, которые сдерживают развитие зарубежных досуговедческих исследований [8].

Обобщающие исследования досуга («досуг в общем понимании») являются достаточно редкими и сегодня представлены в англоязычной литературе прежде всего работами известного британского социолога Криса Ройека (Chris Rojek), которые, к сожалению, мало знакомы отечественным исследователям. Крис Ройек

опубликовал несколько фундаментальных работ, представляющих обобщающий анализ досуга как института современного постиндустриального общества [8 и др.]. Современники высоко оценивают вклад К. Ройека в «концептуализацию досуга», которая строится как «обобщающее исследование этого многогранного и сложного вопроса» [6, p. 247].

К. Ройек является одним из наиболее авторитетных и последовательных критиков идеи «цивилизации досуга». В одной из своих последних работ он критически рассмотрел и даже осудил теорию общества досуга [см.: 8].

Работы К. Ройека, как это подчёркивает сам автор, отличаются применением социокультурного подхода в теоретическом анализе досуговых форм и практик. В первой главе «Позиционирование досуга» К. Ройек отмечает, что стремится «понять более глубоко формы и практику досуга, особенно в контексте понятий свободы выбора и самодетерминации, для того чтобы разъяснить некоторые особенности социальной и культурной теории, которые не вполне очевидны. В этом отношении изучение досуговых форм и практик особенно актуально» [8, p. 1]. Наряду с понятиями «свобода выбора» и «самодетерминация», исследователь использует термины «эмоциональный интеллект» и «эмоциональный труд» [8, p. 3].

К. Ройек отмечает, что «оживление исследований досуга никогда не произойдёт, если мы будем полагаться на второе пришествие тезиса об «обществе досуга». Этот тезис был принципиально ущербным в том, что он не смог устранить разрыв между развивающимся, деятельностным содержанием досуга и его слиянием с потребительством» [8, p. 188]. Для К. Ройека принципиальным является преодоление «старой ассо-

циативной цепочки», которая предполагает, что «меньше работы означает больше досуга; а больше досуга означает больше свободы» [8, p. 181]. Вместо этого он указывает на то, что уменьшение работы влечёт за собой снижение доходов и социальных притязаний. Досуг же, наоборот, требует от современного человека всё больших материальных вложений и имеет тенденцию заканчиваться большей стандартизацией, обеднением воображения и в целом остаётся безальтернативным [8, p. 181].

Исходя из этого, можно констатировать, что высвобождение свободного времени само по себе не приводит человека к полноценной самореализации, поскольку, с одной стороны, он не всегда обеспечен финансовыми ресурсами для выбора интересующих его досуговых занятий. При этом, с другой стороны, навязанные обществом потребления стандартизированные формы досуга не могут обеспечить достижение состояния «свободы», то есть самодетерминации человека в сфере досуга. Таким образом, «цивилизация досуга» если и возможна, то только через расширение деятельностного проявления досуговой активности личности и социальных групп, а это, в свою очередь не достигается только расширением объёма свободного времени.

В 2010 году вышло в свет исследование Т. Блэкшоу (T. Blackshaw) [2], которое, так же как и работы К. Ройека, сосредоточено на решении общих вопросов досуга – его сущности, миссии, функций и т.д. Обращаясь к феномену досуга в истории культуры, автор даёт обзор основных идей досуга, известных в классической философии, этимологических определений и ключевых концепций исследований досуга. На этой основе он делает вывод о том, что досуг и его социальная миссия обладают амбивалентностью, которая вряд ли когда-либо будет

разрешена. После анализа взлётов и падений современных моделей досуга автор смещает акцент с исторического на социологический, выявляет и критически обсуждает ключевые модернистские и постмодернистские перспективы. Опираясь на идею о том, что изучение досуга – это «языковая игра», Тони Блэкшоу впоследствии предлагает собственную оригинальную теорию «ликвидного досуга», в которой задаются некоторые ключевые вопросы о настоящем и будущем досуга в жизни людей, а также о том, какое значение он имеет для способностей индивидов принять возможность подлинного существования.

Обратим особое внимание на то, что в данной книге Тони Блэкшоу фактически заново сформулировал и воскресил первоначальный тезис об «обществе досуга» («цивилизации досуга»).

«Я утверждаю, – пишет Т. Блэкшоу, – что в изменчивом современном мире, в котором мы живём и который основан прежде всего на свободе, досуг неуклонно занимает своё место в качестве главной движущей силы в стремлении к удовлетворению нашей жажды в поиске смысла жизни и цели нашего существования» [2, р. 120].

Основной аргумент, получивший всестороннее обоснование в данной книге Т. Блэкшоу, состоит в том, что расширение объёма и формирование нового функционала досуга обусловлено переходом европейского общества в стадию изменчивой современности, оставив в прошлом поиск вечного и неизменного удовольствия, счастья и свободы.

В этих условиях идея окончательного становления «общества досуга» оказалась неубедительной, большинство зарубежных исследователей досуга остаются критиками этой идеи или, по крайней мере, скептически относятся к ней.

Подводя итоги сказанному, следует указать на то, что первые предсказания грядущего общества досуга («цивилизация досуга» Ж. Дюмазедье) не оказались полностью ошибочными. Свободное время в развитых странах вплоть до настоящего времени продолжает расти, хотя и не совсем так быстро, как ожидалось шестьдесят лет назад.

Результаты отечественных и зарубежных исследований, выполненных с 1960-х годов по настоящее время, дают возможность уже на аксиоматическом уровне говорить, во-первых, о принципиальной гибкости границ свободного времени и усложнении его взаимосвязи с рабочим временем, а во-вторых, о формировании разнообразия структуры, форм и содержания досуга и их субъектной обусловленности (способности субъекта обладать стремлениями и намерениями, а также осуществлять их или отказываться от них).

В контексте понимания современной миссии социально-культурной деятельности, её реального вклада в реализацию государственной культурной политики уместно напомнить, что в работах Ж. Дюмазедье не только представлена концепция досуга, независимая от социальной логики труда, но и всесторонне обоснован вывод о том, что досуг является реальной политической силой, влияние которой в современных обществах постоянно возрастает.

Ж. Дюмазедье одним из первых обратил внимание на значимые экзистенциальные параметры досуга, которые проявляются в его большой привлекательности для личности и группы, высоком индивидуально-личностном значении, что говорит о доминировании ценностного отношения к свободному (по сравнению с рабочим) времени. Изменения жизненных и культурно-смысловых ориентаций современного человека в сфере свободного времени ведут к автоно-

мизации досуга как самостоятельной, само-достаточной формы культуры.

Современный досуг уже не является «необходимым приложением к труду», он перестал быть «отдыхом от труда и подготовкой к нему» – этот вывод, получивший признание в зарубежной социологии досуга, ещё не в полной мере вошёл в отечественный гуманитарный дискурс. Здесь до сих пор встречается утилитарное понимание досуга в его прямой обусловленности трудовой (или учебной) деятельностью, ради которой он существует. На этом основывалась советская (марксистско-ленинская) модель объяснения сущности и функций досуга, что нашло отражение не только в многочисленных исследованиях советских социологов досуга, но и в отдельных работах современных социологов.

Между тем в рамках педагогики досуга, идеи которой конкретизируются в современной научной специальности «13.00.05 – Теория, методика и организация социаль-

но-культурной деятельности», сегодня преобладает подход к пониманию свободного времени и досуга как пространства для развития личности в её наилучших способностях и дарованиях. Такая трактовка досуга, по своей сути, чисто педагогическая, является одним из уникальных научных результатов развития научных исследований советского клубоведения, теории культурно-просветительной работы, теории социально-культурной деятельности. При этом следует признать, что педагогическая трактовка сущности и развивающих функций досуга должна быть соотнесена со всем комплексом его исследований с позиций философской теории культуры, культурологии, социологии, социальной психологии и других гуманитарных наук. Это требует дальнейшего расширения сравнительных теоретических изысканий отечественных и зарубежных досуговедов, а также эмпирических исследований досуга и социально-культурных практик в различных обществах.

Примечания

1. Стеббинс Р. А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.
2. Blackshaw T. (2010) *Leisure*. Abingdon : Routledge. 174 p. (In English)
3. Dumazedier J. (1974) *Sociologie empirique du loisir: Critique et contre-critique de la civilisation du loisir*. Paris : Éditions du Seuil. 269 p. (In French)
4. Dumazedier J. (1962) *Vers une civilisation du loisir?* Paris : Éditions du Seuil. 319 p. (In French)
5. Gresle F. (1974) Dumazedier Joffre, *Sociologie empirique du loisir. Critique et contre-critique de la civilisation du loisir. Revue française de sociologie*, 15-4: 611–615. (In French)
6. Parrinello G. L. (2011) Reviews: Beyond the everyday. *International Sociology*, 26 (2): 247–256. (In English)
7. Roberts K. (2007) Work-life balance – The sources of the contemporary problem and the probable outcomes: A review and interpretation of the evidence. *Employee Relations*, no. 29 (4): 334–351. (In English)
8. Rojek C. (2010) *The Labour of Leisure: the Culture of Free Time*. London : Sage Publications, Thousand Oaks, CA, New Delhi and Singapore. 208 pp. (In English)
9. Stebbins R. A. (2017) *Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure*. New York : Routledge. 198 p. (In English)

References

1. Stebbins R. A. (2000) Free time: towards an optimal leisure style (a view from Canada). *Sociological studies*, no. 7: 64–72. (In Russian)
2. Blackshaw T. (2010) *Leisure*. Abingdon : Routledge. 174 p. (In English)
3. Dumazedier J. (1974) *Sociologie empirique du loisir: Critique et contre-critique de la civilisation du loisir*. Paris : Éditions du Seuil. 269 p. (In French)

4. Dumazedier J. (1962) *Versune civilisation du loisir?* Paris : Éditions du Seuil. 319 p. (In French)
5. Gresle F. (1974) Dumazedier Joffre, *Sociologie empirique du loisir. Critique et contre-critique de la civilisation du loisir.* *Revue française de sociologie*, 15-4: 611–615. (In French)
6. Parrinello G. L. (2011) Reviews: Beyond the everyday. *International Sociology*, 26 (2): 247–256. (In English)
7. Roberts K. (2007) Work-life balance – The sources of the contemporary problem and the probable outcomes: A review and interpretation of the evidence. *Employee Relations*, no. 29 (4): 334–351. (In English)
8. Rojek C. (2010) *The Labour of Leisure: the Culture of Free Time.* London : Sage Publications, Thousand Oaks, CA, New Delhi and Singapore. 208 pp. (In English)
9. Stebbins R. A. (2017) *Leisure Activities in Context: A Micro-Macro/Agency-Structure Interpretation of Leisure.* New York : Routledge. 198 p. (In English)

*

МОДУСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 379.8.09

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10512

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена рассмотрению сущности социально-культурной деятельности в контексте глобализационных процессов. На основе теоретического анализа особенностей современных культурно-цивилизационных тенденций выделены модусы глобализации, показано их воздействие на организацию социально-культурной деятельности. Обозначен ряд проблемных вопросов, обусловленных антропологической составляющей глобализационных процессов. Среди них: каков многомерный образ человека, репрезентирующего многообразие вариантов социальных ролей субъекта социально-культурной деятельности, скреплённых систематизирующим фактором – социальной безопасностью в глобальном мире; какую роль в актуализации гуманистического потенциала социально-культурной деятельности способны сыграть, наряду с учреждениями культуры, общественные объединения, профессиональные союзы, участвующие в системе государственно-частного партнёрства; каковы наиболее распространённые признаки творческих кластеров, связанные со сменой парадигм в современной культурной ситуации?

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, глобализация, модусы глобализации, личность, творческий кластер, диалог культур.

Nataliya V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MODES OF GLOBALIZATION IN SOCIAL AND O-CULTURAL ACTIVITY: AN ANTHROPOLOGICAL ASPECT

The article is devoted to the consideration of the essence of social and cultural activity in the context of globalization processes. On the basis of a theoretical analysis of the characteristics of modern cultural and civilizational trends, the modes of globalization are identified, and their effect on the organization

---

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SHARKOVSKAYA NATALIYA VLADIMIROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Departments of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: 7948493@mail.ru
© Шарковская Н. В., 2019

of social and cultural activity is shown. A number of problematic issues are identified due to the anthropological component of globalization processes. Among them: a multidimensional image of a person, a representative variety of various social roles, a subject of social and cultural activity, held together by a systematizing factor – social security in the global world; what role can public associations and trade unions participating in the system of public-private partnership be able to play along with cultural institutions in actualizing the humanistic potential of social and cultural activity; what are the most common signs of creative clusters associated with a paradigm shift in the contemporary cultural situation?

Keywords: social and cultural activity, globalization, modes of globalization, personality, creative cluster, dialogue of cultures.

Для цитирования: Шарковская Н. В. Модусы глобализации в социально-культурной деятельности: антропологический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 102–110. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10512

Глобализация как многогранный процесс становления всеобщих социальных, экономических и информационных систем со свойственными им стратегиями управления, критериями эффективности производства позволяет выделить в них, наряду с реально существующими, и проекционные проблемы всепланетарного развития. Актуализация использования при содержательном их анализе термина «new normal» («новая реальность»), «который покрывает теперь глобальное пространство, а также несёт политическое, социальное и даже идеологическое содержание» [4, с. 8], обусловлена возможностью обозначить стабилизирующие структуры в их антропологическом измерении.

Одной из таких устойчивых структур в ракурсе гуманитарных наук выступает социально-культурная деятельность – открытая самоорганизующаяся система с присущими ей контурами прямой и обратной связи в функциональной подсистеме «специалист социокультурной сферы – обобщённый субъект (аудитория)» с целью гармонизации межличностного ситуативного взаимодействия представителей разных культур в пространстве-времени конкретного учреждения культуры.

В контексте исследования воздействия глобализации, прежде всего её модусов – преходящих свойств, средств и способов действия, на организационные процессы социально-культурной деятельности нами выделяются наиболее существенные из них:

- *популяризация функционирования разноразноуровневых трансграничных культурных потоков с позиций антропоцентрической их составляющей.* К числу наиболее распространённых потоков относятся: волонтёрские (социальное, экологическое, медиа и арт-волонтёрство), экскурсионно-туристские, информационно-коммуникационные, образовательные / самообразовательные, спортивно-оздоровительные и рекреационные потоки. Достижение стабилизации их структур обусловлено свободным пространственным выражением и взаимным позиционированием в традиционных и инновационных сферах реализации социально-культурной деятельности;

- *актуализация реализации основных категорий глобальной этики, выражающих сущность этических принципов.* Отражая глубинные процессы в культуре, в том числе нацеленные на синтез нравственных ценностей всех цивилизаций, они задают нормы социального поведения личности при

расширении возможностей проявления её гражданских прав, в том числе автономии морального выбора, выражения общественного мнения в ситуациях, связанных с прогнозированием сценариев активного досуга (специалист) и с его содержательным проведением (обобщённый субъект);

- *улучшение качества жизнедеятельности граждан через развитие их способности восполнять и применять общекультурную компетентность в учреждениях культуры и дополнительного образования.* Нормативная модель данного вида компетентности, отображая целостный состав интегративных общекультурных знаний, разнообразие созидательных умений и навыков, базирующихся на жизненном познавательном опыте, выступает основой гуманистически ориентированного планетарного мышления;

- *активизация индивидуализированного отражения фактического отношения личности к тем объектам культуры и искусства, ради которых осуществляется предметная социально-культурная деятельность.* Ценностно-смысловой комплекс её проявляется в реально осознаваемых мотивах-целях, выражающих сопричастность личности к значимости постижения смысла многообразия культур, формирования художественного образа того, к чему она стремится в свободное время, а также авторской рефлексии эмоциональных состояний;

- *возникновение новых профессий в отраслевых учреждениях культуры и дополнительного образования, которые востребованы в цифровую эпоху.* Среди них: куратор коллективного творчества, тренер творческих игропрактик, личный тьютор по эстетическому развитию, персональный бренд-менеджер, режиссёр мультимедиа, дизайнер дополнительной реальности, форсайтер, продюсер цифрового контента, ме-

неджер онлайн-проектов, специалист по работе с социальными медиа [2; 6]. Характеризуясь междисциплинарностью и, соответственно, надпрофессиональными компетенциями, названные профессии меняют восприятие образа специалиста социокультурной сферы, делая его открытым инновациям и процессуальному творчеству в видоизменяющихся ситуациях социокультурного развития.

Выделенные на основе теоретического анализа особенностей современных культурно-цивилизационных тенденций, данные модусы глобализации отражают специфику не только общей модели государственной культурной политики, но и её приоритетных направлений, значимых для реализации просветительных, воспитательных и развивающих программ, обеспечивающих доступ личности к достижениям мировой и национальной культуры.

На основе контент-анализа текстов статей, посвящённых вопросам современной социально-культурной деятельности и опубликованных в 2015–2019 годах в таких научных журналах, как «Международный журнал исследований культуры», «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств», «Культура и образование», в качестве доминирующих показателей стимулирующих механизмов функционирования социально-культурной деятельности в контексте глобализационных процессов были выявлены:

- *комплексность программного обеспечения реализации базовых методологических принципов:* дополнительности, культуросообразности, приоритетности общечеловеческих ценностей в содержании общекультурных проектов; показатель позволяет устанавливать межкультурные связи и учитывать индивидуальные различия в социальном поведении участников, адаптиро-

вать их к мезо- и микрофакторам окружающей среды;

- *перспективность и жизнеустойчивость интерактивных форм, методов и средств культурной деятельности*; показатель определяется на основе стандартных индикаторов общекультурного развития личности: а) информационной грамотности в виде составной части информационной культуры в целом; б) равного и свободного доступа к данной деятельности, активного участия в ней с целью творческого самовыражения как отдельных субъектов, так и социальных групп; в) роли СМИ (транснациональных, национальных, региональных, местных) в рекламировании воздействия базисных социальных и культурных событий, явлений на ценностное самоопределение личности, утверждение её собственной активной / пассивной жизненной позиции к конкретным сферам деятельности; г) публичности отраслевых учреждений культуры и системы дополнительного образования, возможности регулирования предложения и потребления оказываемых ими культурных услуг;

- *интенсивность внедрения инновационных технологий в учреждения культуры, стимулирующих значимые изменения в их практике*; актуализируя эмоциональную окраску участия субъектов в проектах общекультурной направленности, развития специальных способностей и склонностей (музыкальных, сценических, художественных) для успешного осуществления их в той или иной области досуга, данный показатель требует учёта человеческого фактора, в частности – в аспекте регуляции образцов социального поведения, характера неформального общения.

Выделенные модулы глобализации, ведущие показатели механизмов активизации функционирования социально-куль-

турной деятельности позволяют обозначить ряд проблемных вопросов, суть которых проецируется на её целостный организационный процесс:

1. Каков многомерный образ человека, репрезентирующего многообразие вариантов социальных ролей мобильного, относительно свободного, толерантного субъекта культурной деятельности, скреплённых систематизирующим фактором – социальной безопасностью в современном глобальном мире – мире всеобщей стандартизации потребления культурных благ и Интернета?

2. Влияет ли на инвариантное ядро структуры социально-культурной деятельности абсолютизация экономических механизмов – отличительного признака глобализационных процессов, вовлекающих во всемирный оборот те культурные продукты, в том числе самодеятельного художественного искусства, мультимедиа, которые могут стать тиражируемым предметом купли-продажи?

3. Какую роль в актуализировании гуманистического потенциала социально-культурной деятельности могут сыграть, наряду с профильными / непрофильными социально ориентированными учреждениями культуры, также общественные объединения: профессиональные союзы, благотворительные фонды, детские, молодёжные организации, ассоциации и иные виды общественных объединений, которые участвуют в системе государственно-частного партнёрства: конструктивном сотрудничестве, социальном консенсусе? [8, с. 136]

Ключевым в этом ряду проблемных вопросов остаётся вопрос: в чём состоит суть культурного смысла глобализации в контексте диверсификации рисков управления процессами формирования творческих кластеров – содружества независимых компаний и организаций, объединённых об-

щей городской территорией, взаимоотношениями сотрудничества и конкуренции в пространственно локализованных сферах социально-культурной деятельности? С одной стороны, эти сферы, отличаясь подвижностью и изменчивостью, испытывают на себе влияние социальной аномии, что ведёт к депривации их относительной автономности. С другой стороны, общая рентабельность учреждений культуры, ориентированных на применение не только традиционных, но и инновационных технологий, в том числе зрелищно-информационных для разновозрастных аудиторий, оказывается реально существующей. Это подтверждается рядом исследований по теории и практике социально-культурной деятельности [см.: 1; 7; 10].

Кластеры, охватывая и реализуя разные стили и формы полноценного культурного самовыражения личности в свободное время, располагают их по магистральной оси, изъясняющей суть действия одного из принципов глобализации, а именно – «от универсализма к партикуляризму» [11, с. 34]. Эффективность развития таких творческих кластеров, являющихся составной частью европейских сетей независимых креативных центров, как музей современного искусства «Garage», центр дизайна «Artplay», центры современного искусства «Винзавод» и «М'АРС», арт-центр на «Дизайн-заводе “Флаконе”», центр творческих индустрий «Фабрика» (Москва); музей современного искусства «ЭРАРТА» и «АРТ-Муза», арт-центр «Пушкинская, 10», лофт-проект «Этажи», креативное пространство «Ткачи», арт-пространство «Флигер», эко-лофт «More Place» (Санкт-Петербург), – достигается при наличии общей стратегии создания и последующего развития новой культуротворческой среды организации социально-культурной деятельности.

Так, арт-центр «Пушкинская, 10», являясь членом международных организаций «Trans Europe Halls», «Res Artis», представляет современное искусство Петербурга на государственном уровне за рубежом, участвуя в международных фестивалях: «Петербург в Нью-Йорке», «Петербург в Варшаве»; «ЭРАРТА» является первым в стране музеем современного искусства, который указан в международном проекте «Google Art Project».

В целом антропологическая составляющая наиболее распространённых признаков творческих кластеров, обусловленных сменой парадигм в современной социальной ситуации, выражена: а) в эффективности вербальных / невербальных контактов участников конкретных кластеров, базирующихся на взаимном согласовании и координации межличностных отношений, социальных установок, нацеленных на достижение результативности способов осуществления их совместной культурной деятельности; б) в представленности разных видов культурных продуктов и услуг, отличающихся новизной и оригинальным выполнением, основанных на интеллектуальной активности, творческом воображении, художественной интуиции; в) в технологических нововведениях, ориентированных на достижение положительного имиджа конкретного кластера, базирующихся на правилах конгруэнтности, комплексности и системности с целью обеспечения его конкурентоспособности.

Корреляционное моделирование процесса формирования кластерных инициатив и поддержание многопрофильных проектов международного и глокального уровней, например, *фестивальных проектов* (Весеннего фестиваля журнала «Seasons of Life» «Дизайн Субботник», фестивалей страноведения в формате «дней» разных стран –

Франции, Норвегии, Японии, Сингапура («Дизайн-завод «Флакон»» (Москва); *международных выставочных проектов* (SENCOR в жанре «immersive digital art», «Face 2 Face», посвящённых исследованию влияния технологий на искусство и человеческое восприятие (центр современного искусства «М'АРС» (Москва)), «Экология искусства» – коллективного выставочного проекта в рамках III Международного фестиваля искусств «Живой Финский залив» (музей современного искусства «АРТМуза» (Санкт-Петербург)); *арт-проектов* международного культурного фонда BREUS Foundation («Премия Кандинского», издательские программы BREUS publishing); *разноплановых выставочных проектов известных отечественных и зарубежных художников, скульпторов, фотографов современности* (Дмитрия Стрижова – русско-американского художника, поэта, продюсера; Пола Никлена – фотографа журнала «National Geographic»; Бена Хайне – бельгийского художника, создателя нового вида искусства под названием «Карандаш против камеры»), – значимо для развития рекреационной инфраструктуры городского пространства как одной из перспективных сфер социально-культурной деятельности.

Реализуя потребность в совершенно новых форматах общественных пространств, связанных с экологизацией производств культурных продуктов, и, соответственно, в «новых программах менеджмента» [5, с. 257], творческие кластеры вбирают в себя, как правило, авторские объединения, в том числе художественные мастерские, центры неформального обучения, коворкинги, несетевые кафе и т.д. Среди методов формирования системы их управления, обеспечивающих взаимосвязь пространственных функций социально-культурной деятельности, в частности функции коорди-

нирования проведения арт-программ, фотосессий, перформансов, квартирников, дизайнерских ярмарок, воркшопов, музыкальных концертов, следует указать метод синектики, экспертного оценивания, метод компьютерной имитации типичных социокультурных ситуаций, методы социального прогнозирования. Наблюдаемое в социальной практике постоянное смещение границ творческих кластеров объясняется развитием как законодательных изменений в области культурной политики, так и совершенствованием информационно-коммуникационных, сетевых технологий.

Именно данные технологии обуславливают функционирование тех модусов глобализации, которые проецируются на проблемные вопросы, связанные с модернизацией отраслевых учреждений культуры, в частности с обновлением содержания действующих в них профессий, созданием перспективных возможностей для овладения специалистами разными типами компетенций. Используя возможности электронной почты, web-блогов, чатов, форумов, гостевых книг, они предоставляют нелимитированные возможности для вовлечения субъектов в социально-культурную деятельность, что требует, в свою очередь, углубления спектра знаний о структуре мирового рынка информационных услуг, правилах, предъявляемых к информационным ресурсам, и, как следствие этого, изменения сочетания глобального и локального.

Степень интегрирования информационно-коммуникационных и сетевых технологий в педагогический процесс этих институтов выражена следующими ступенями: начальная – эпизодическое использование технологий, в том числе мультимедиа-презентаций в отдельных общекультурных проектах и программах; средняя – несистемное применение технологий

и интерактивных средств, в том числе технологий дистанционного обучения в ходе проведения интернет-конкурсов, конференций, виртуальных экскурсий, веб-семинаров и т.д.; высокая – регулярное использование технологий как значимого средства доступа к информационным ресурсам: государственным и негосударственным, на основе которых моделируется структура тех или иных разновидностей информационных технологий.

Как раз синтез вышеназванных технологий и форм межкультурного взаимодействия (государственно-частное партнёрство, социальный нетворкинг) стимулирует развитие новых сфер реализации социально-культурной деятельности: инклюзивное самодеятельное искусство, международные путешествия и туризм, инклюзивный детский отдых, корпоративное добровольчество, и, соответственно, выявление в них антропологических констант.

Актуализация коммуникативной многозначности межкультурного взаимодействия в виде диалога культур объясняется таким существенным фактором, как стабильное возрастание количества прямых контактов между учреждениями культуры и социальными группами, индивидами, имеющими разные мировоззренческие установки, способы культурного самовыражения и проявления индивидуальности с учётом своих любительских интересов, духовных потребностей и ценностно-нормативных особенностей. Именно диалог культур, представляющий собой полисмысловой феномен, реализующий стремление субъектов в общении с представителями учреждений культуры, совместном поиске реально взвешенных решений по осуществлению партнёрства в них, возможен благодаря развитию информационных коммуникаций.

В условиях глобализации такие разновидности диалога, как мотивационный, смыслотворческий, рефлексивный, выходят за пределы одного культурного пространства, объединяя участников целесообразностью решения проблемных вопросов, которые перерастают масштабы конкретного учреждения культуры и становятся значимыми для всей культурной сферы в региональном или в международном контексте. При этом «диалогичность в пространстве и времени культурного макрокосма трактуется как одна из разновидностей “встречного движения” различных хронотопов культуры» [9, с. 55]. Утверждение этого феномена в виде формы интересубъективного общения продуктивно осуществляется через международные общественные организации в сфере культуры: ЮНЕСКО; отраслевые международные организации, в том числе Всемирную ассоциацию выставочной индустрии (UFI) и другие; международные культурные форумы.

Следует отметить, что именно антропологический концепт межкультурного взаимодействия, сориентированный на использование информационно-коммуникационных технологий в виде средства доступа к мировым информационным ресурсам [3, с. 65], стимулирует разрешение противоречия между потребностями личности в реализации своей творческой индивидуальности на локальном уровне и возможным нивелированием её в условиях глобализации. С одной стороны, информационно-коммуникационные технологии предоставляют ранее неизвестные объективные возможности для раскрытия креативной неординарности личности, позволяют учитывать её своеобразие в разных областях межкультурного взаимодействия, в том числе художественной, в виде создания культурных продуктов, нацеленных

не на широкий круг потребителей, а на отдельных ценителей конкретного вида декоративно-прикладного творчества. С другой стороны, стирание временных и пространственных рамок, объективная потребность во внедрении стандартов единой системы профессиональной подготовки специалистов креативных профессий в сфере культуры и дополнительного образования создают условия для реализации приоритетов антропологической составляющей в структуре информационного оснащения данных сфер.

Указанное противоречие является движущей силой формирования самых разных модификаций социокультурных связей таких локальных направлений социально-культурной деятельности, как народное художественное искусство, индустрии досуга и разумных развлечений и пр. Нацеленные на создание новых типов взаимоотношений современных учреждений культуры и посетителей в контексте достижения свободы выбора и совершенства, они создают своё специфическое информационное и

коммуникационное пространство, отличающееся от коммуникативных полей других социокультурных институтов.

Рассмотренные модусы глобализации, доминантные показатели стимулирующих механизмов функционирования социально-культурной деятельности не исчерпывают всего спектра её поступательного организационного и технологического развития, сопряжённого преимущественно с динамикой активной жизненной позиции личности к тем или иным аспектам современной действительности. Регламентируя стиль социального поведения и поступков в статусно-ролевой подсистеме «специалист социокультурной сферы – обобщённый субъект (посетитель, участник, зритель, читатель)» непосредственно в конкретной ситуации отраслевых учреждений культуры и дополнительного образования, они относятся, по нашему мнению, к числу наиболее значимым современным общекультурным явлениям, выражающим суть происходящих процессов, характеризующихся понятием «глобальность».

Примечания

1. Акунина Ю. А., Ванина О. В. Проектирование креативных общественных пространств: социально-культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 167–174.
2. Атлас новых профессий / [П. Лукша и др.]; под ред. П. Лукши; Агентство стратегических инициатив, Московская школа управления Сколково. Москва: Олимп-Бизнес, 2015. 216 с.: цв. ил., портр.
3. Коротков А. В., Кузьмин А. М. Мировые информационные ресурсы: учебное пособие / Московский государственный институт международных отношений (ун-т) МИД России, Кафедра глобальных информационных процессов и ресурсов. Москва: МГИМО-Университет, 2012. 90, [1] с.: ил., табл.
4. Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.
5. Портер М. Конкуренция / [пер. с англ. О. Л. Пелявского и др.]. Москва [и др.]: Вильямс, 2005. 602 с.: ил., карт., табл.
6. Рязанова В. А. Специфика медиакommunikаций в креативном музейном пространстве: автореф. дис. на соиск. учён. степ. кандидата филологических наук: 10.01.10 / Рязанцева Виктория Андреевна. Москва, 2019. 19 с.
7. Суминова Т. Н. Творческие индустрии как вариант организации коммуникативного информационного пространства сферы искусства // Вестник Академии русского балета имени А. Я. Вагановой. 2017. № 5 (52). С. 95–103.

8. Шарковская Н. В. Социально-культурные институты: типология, содержание, деятельность : монография. Москва : МГИК, 2017. 148 с.
9. Шибаета М. М. Понимание инонациональной культуры как фактор развития диалогических отношений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 53–57.
10. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.
11. Эволюция культурной деятельности в новом столетии : социально-экономические аспекты культурной политики : в 3 томах / Российская академия наук, Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Государственный институт искусствознания, Институт социальной экономики ; под общ. ред. А. Я. Рубинштейна, Б. Ю. Сорочкина. Санкт-Петербург : Алетей, 2005- Том 2 : Культура в глобальном мире / ред.-сост. Б. Ю. Сорочкин. 2005. 525 с. : табл.

References

1. Akunina Yu. A., Vanina O. V. Design of creative public spaces: social and cultural approach. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 3 (89), pp. 167–174. (In Russian)
2. Luksha P., etc. *Atlas novykh professiy [Atlas of new professions]*. Moscow, Olimp-Biznes Publishing House, 2015. 216 p. (In Russian)
3. Korotkov A. V., Kuzmin A. M. *Mirovye informatsionnyye resursy [World information resources]*. Moscoa, Published by MGIMO-University, 2012. 90 p. (In Russian)
4. Medvedev D. A. Novaya real'nost': Rossiya i global'nyye vyzovy [New reality: Russia and global challenges]. *Voprosy ekonomiki*. 2015, no. 10, pp. 5–29. (In Russian)
5. Porter M. *Konkurentsia [Competition]*. Moscow, Williams Publishing House, 2005. 602 p. (In Russian)
6. Ryazanova V. A. *Spetsifika mediakommunikatsiy v kreativnom muzeynom prostranstve. Avtoreferat diss. cand. filol. nauk [Specificity of media communications in creative museum space. Synopsis cand. filol. sci. diss.]*. Moscow, 2019. 19 p. (In Russian)
7. Suminova T. N. Creative industries as a variant of the organization of the communicative information space of the sphere of art. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*. 2017, no. 5 (52), pp. 95–103. (In Russian)
8. Sharkovskaya N. V. *Sotsial'no-kul'turnye instituty: tipologiya, sodержaniye, deyatel'nost' [Socio-cultural institutions: typology, content, activity]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 148 p. (In Russian)
9. Shibaeva M. M. Understanding a foreign culture as a factor of development of dialogical relations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 5 (73), pp. 53–57. (In Russian)
10. Yaroshenko N. N. The Entertainment Industry in the Field of Contemporary Cultural Practices. *International Journal of Cultural Research*. 2017, no. 1 (26), pp. 112–122. (In Russian)
11. Rubinshteyn A. Ya., Sorochkin B. Yu. *Evolutsiya kul'turnoy deyatel'nosti v novom stoletii: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty kul'turnoy politiki. V 3 tomakh Tom 2 : Kul'tura v global'nom mire [The evolution of cultural activity in the new century: socio-economic aspects of cultural policy. In 3 volumes. Vol. 2. Culture in the global world]*. St. Petersburg, Publishing house "Aletheya", 2005. 525 p. In Russian

*

СОВРЕМЕННЫЙ ДОСУГ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ И ПОТРЕБЛЕНИЕМ

УДК 379.8.09

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10513

И. А. Черников

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации

В данной статье рассмотрены особенности досуга современного общества потребления, в котором доминирует потребительская активность людей, что приводит к диспропорциям между самоорганизованными и организованными формами досуга. В структуре свободного времени преобладают формы, в которых не требуется собственное участие человека, его социальная и культурная активность, творчество. Эта проблема свободы выбора форм досуга и роста потребления досуговых услуг в разной степени отрелексирована в работах отечественных и зарубежных исследователей досуга. В зарубежных исследованиях досуга выявлены конкретные и достаточно специфичные виды досуга, в которых запрос на потребление не является преобладающим, но которые могут быть в целом полезными для личного или общественного благополучия (развивающая деятельность, которая в максимальной степени обращена к способностям актора (участника), формируя новые знания, умения, навыки, то есть «развивающий опыт»; «серьёзный досуг» (аматерное искусство, любительство и другие); досуговые эксперименты в пограничных зонах культуры). Включение человека в такие досуговые практики на основе свободного выбора всегда положительно сказывается на росте его общего благополучия. В целенаправленной работе по организации досуга необходимо учитывать особенности его регуляции в изменяющихся условиях современного общества потребления.

Ключевые слова: общество потребления, свободное время, досуг, социальные функции досуга, свобода выбора досуга, «серьёзный досуг», социально-культурная деятельность.

Ivan A. Chernikov

Military Educational and Scientific Center of the Air Force “N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy”, the Ministry of Defence of the Russian Federation, Starykh Bolshhevikov str., 54 a, 394064, Voronezh, Voronezh region, Russian Federation

MODERN LEISURE: BETWEEN FREEDOM AND CONSUMPTION

This article discusses the features of leisure in modern consumer society, which is dominated by consumer activity of people, which leads to disproportions between self-organized and organized

---

ЧЕРНИКОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат педагогических наук, преподаватель Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» Министерства обороны Российской Федерации

SHERNIKOV IVAN ALEKSEEVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), teacher of the Military Educational and Scientific Center of the Air Force “N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh) the Ministry of Defence of the Russian Federation

e-mail: tchernikowivan@yandex.ru

© Черников И. А., 2019

forms of leisure. The structure of free time is dominated by forms that do not require a person's own participation, social and cultural activity, creativity. This problem of freedom of choice of leisure forms and growth of leisure services consumption is reflected in different degrees in the works of domestic and foreign researchers of leisure. In foreign studies of leisure, specific and rather specific types of leisure have been identified, in which the demand for consumption is not predominant, but which can be generally useful for personal and or social well-being (developing activities that are maximally addressed to the abilities of the actor (participant), forming new knowledge, skills, i.e. "developing experience"; serious leisure (amater art, Amateur, etc.); leisure experiments in the border zones of culture). The inclusion of a person in such leisure practices on the basis of free choice always has a positive effect on the growth of his overall "well-being". In purposeful work on the organization of leisure it is necessary to take into account the peculiarities of its regulation in the changing conditions of modern consumer society.

Keywords: consumer society, free time, leisure, social functions of leisure, freedom of choice of leisure, "serious leisure", social and cultural activity.

Для цитирования: Черников И. А. Современный досуг: между свободой и потреблением // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 111-120. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10513

Сегодня свободное время – это уникальное социально-культурное явление, открывающее для человека возможность освоения различных досуговых практик [3, с. 508], в том числе в развивающих условиях социально-культурной деятельности. Одна из важнейших частей свободного времени – досуг, имеющий универсальный характер и огромные возможности в обеспечении всего многообразия функций (культуротворческие функции, функции рекреации, реабилитации, компенсаторной функции досуга и других). Он расширяет диапазон жизнедеятельности людей, способствует их всестороннему развитию.

Досуг, досуговая активность личности и социальных групп становятся всё более значимыми компонентами современной культуры. Между тем сегодня можно уже точно утверждать, что досуг ещё не стал определяющим фактором социального развития. В общественном сознании понятие «досуг» всё ещё имеет устойчивую коннотацию с явлениями, имеющими вспомогательный характер по отношению к труду, то есть малозначительными, второстепенными, не оказывающими заметного воздействия на

социальные процессы. Однако такое восприятие досуга не исключает его из научного дискурса, в котором философы, культурологи, социологи, представители других общественных наук изучают социальный статус досуга и его функции.

Среди учёных, рассмотревших базовые социальные модели досугового поведения, необходимо назвать таких зарубежных философов и социологов, как П. Бурдьё, Т. Веблен, Ж. Дюмазедье и другие.

Отечественные исследования досуга, выполненные во второй половине прошлого века, позволили проанализировать особенности бюджета свободного времени советских людей (Б. А. Грушин, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, Г. П. Орлов, Г. А. Пруденский и другие), создать научное представление о культуре досуга (А. И. Арнольдов, Э. А. Орлова, Э. В. Соколов, А. Я. Флиер и другие) и закономерностях его организации (Л. А. Акимова, А. Д. Жарков, Ю. А. Стрельцов, В. Е. Триодин и другие), методах социологического исследования (Б. Г. Мосалёв, В. А. Ядов и другие), а также сформировать социологию досуга как вузовскую учебную дисциплину

(Л. А. Акимова, В. А. Бухтояров, Е. В. Матвеева, С. М. Машевская, В. Я. Суртаев и другие). Примером обобщающих работ, ставящих целью выявить теоретический потенциал различных досуговых концепций, объясняющих научные проблемы досуга в самостоятельном направлении социологии, являются исследования Б. Г. Мосалёва [5] и А. С. Орлова [6]. Всё это позволяет говорить о сложившейся традиции досуговых исследований, которые стремятся интегрировать знания о сфере свободного времени и досуга, полученные в рамках различных наук (философская теория культуры, культурология, социология, экономика, педагогика и т.д.).

В отечественном досуговедении, вслед за К. Марксом, досуг определялся как «последовательный процесс восстановления человеческих сил и их развитие» [4, с. 211], а свободное время – как «представляющее собой досуг, так и время для более возвышенной деятельности» [4, с. 211]. При этом «досуг и рекреация в самом широком смысле сопрягаются с обширными сферами жизнедеятельности общества – от социально-экономических отношений до сугубо личной жизни человека» [1, с. 6].

Однако такое сопряжение со всеми сферами индивидуального и общественного бытия не предполагает автономизацию досуга, его выделение в самостоятельную социокультурную институцию, как это сегодня констатируют зарубежные и отечественные авторы. Теперь в условиях формирования постиндустриального общества, например, А. А. Ушкарев, ссылаясь на работы зарубежных социологов досуга, пишет: «...досуг рассматривается уже не как необходимое “дополнение” к трудовой деятельности, а как автономный социальный институт, обладающий самостоятельным значением и ценностью» [8, с. 429].

На серьёзную проблему в системе досуговой деятельности населения сегодня обращают внимание социологи, обнаруживая явную диспропорцию между потреблением досуговых услуг и досуговой активностью (самодеятельностью) людей. Так, например, доктор социологии О. В. Понукалина отмечает: «Досуговая активность индивидов вне контекста потребления услуг или товаров для отдыха и досуга сводится до минимума; и наоборот, потребление в сфере досуга преобладает над другими сферами человеческой деятельности» [7, с. 27].

Речь идёт об очень негативной тенденции, которая, по мнению исследовательницы, определяется двумя взаимосвязанными факторами:

- первый фактор – это процесс роста потребления услуг досуговых сервисов населением, преимущественно городским населением;
- второй фактор – значительная часть свободного времени используется жителями городов для потребления.

«Самодеятельность индивида в свободное время сведена к минимуму, крайне ограничены возможности непредвзятой оценки выбора предложений со стороны индустрии досуга; в эпоху заполняющей всё рекламы для творческого досуга не остаётся места, социальное пространство и время заполняются практиками потребительства» [7, с. 27].

На наш взгляд, эта проблема характеризуется не только ростом потребительской активности людей в сфере досуга, но и диспропорциями между самоорганизованными и организованными формами досуга, которые проявляются в преобладании в структуре свободного времени населения таких форм, в которых не требуется собственное участие человека, его социальная и культурная активность, творчество.

Таким образом, достаточно очевидным становится противоречие между, с одной стороны, необходимостью поддерживать в формах социально-культурной деятельности высокий уровень самодеятельности, активности, а с другой – всё возрастающим влиянием потребления как универсальной культурной практики, редуцирующей свободу досуговой самореализации людей, определяющей выбор ими готовых, стандартизированных форм и способов организации досуга. Такое положение дел ставит современную социально-культурную деятельность перед необходимостью преодоления противоречия между свободой выбора форм досуговой самореализации и распространением унифицированного досуга общества потребления. Ведь формирование в нашей стране общества потребления – одна из важнейших социальных тенденций последнего времени. Оно уже перестало быть только метафорой, сконструированной в постмодернистском дискурсе (З. Бауман, П. Бурдьё, Т. Веблен, Дж. Ритцери и другие) и специально описанной Ж. Бодрияром [2]. Сегодня – это уже реальность, которая характеризуется формированием новой системы общественных отношений на основе искусственного стимулирования индивидуального потребления. Их утверждение в России является не показателем высокого уровня социально-экономического развития, а признаком серьёзных социально-культурных трансформаций, затрагивающих все стороны жизни.

Общество потребления требует соответствующей инфраструктуры досуга и сектора досуговых услуг, которые активно развиваются в России и нуждаются в усилении социального контроля, формировании точного социального заказа на всю деятельность в этой сфере. Ведь сфера досуга обладает возможностями для всесто-

ронного личностного развития, в том числе «за рамками жёстко детерминированных производственных и сервисных процессов» [7, с. 27], создаваемых для удовлетворения досуговых потребностей населения.

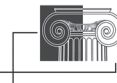
Это определяет особую актуальность анализа современного состояния сферы досуга не только на основе эмпирических данных, но и на основе теоретического обобщения.

В связи с этим приоритетным направлением для совершенствования социально-культурной деятельности должно стать не только преодоление инерции и потребительского отношения в сфере досуга, но и развитие потребности и навыков личности в свободном выборе досуговых практик и форм самореализации.

Рассмотрим основные теоретические идеи зарубежного и отечественного досуговедения начал XXI века, касающиеся проблем свободы выбора форм досуга и потребления досуговых услуг. Речь идёт о свободе выбора форм досуга и её относительности; принципиальной «незначительности» досуга; благополучия как цели развивающей досуговой активности.

Исследователи досуга близки к единодушному мнению, что досуговое поведение определяется свободой выбора, точнее, нужно говорить об *относительно* свободном выборе. К этому следует добавить, что это становится возможным, потому что конкретные способы, с помощью которых люди предпочитают тратить своё свободное время и деньги, часто для самих людей и, ещё более, для социальных групп, в которые они включены, относительно несущественны.

Обращая внимание на это обстоятельство, К. Робертс, профессор «Школы социологии и социальной политики» Ливерпульского университета (Великобритания), высказал достаточно парадоксальное мнение

о том, что *незначительность досуговых занятий является важнейшим условием, обеспечивающим высокую социальную значимость досуга*. Он пишет: «реальные результаты возможны только потому, что в других отношениях досуг несущественен» [17, р. 8].

Это качество досуга выражено К. Робертсом словом «*relatively*» [17, р. 8], что можно трактовать как относительность, или, ближе к оригиналу, релятивность.

Релятивность (относительность) – ключевое качество, обеспечивающее свободу выбора в сфере досуга, противостоит тому, как контролируется поведение большинства людей во время работы, и при этом позволяет самому досугу стать несущественным по сравнению с такими жизненно важными решениями, как, например, принять или отказаться от работы, бросить или продолжить образование, вступить в брак или развестись, а также стать или не стать родителем. Таким образом, основные фактические последствия досугового поведения воспринимаются как малозначительные, несущественные.

Он также замечает, что «хотя наше совместное использование досуга имеет важные последствия для более широких сообществ, это не относится к деталям того, как мы реализуем свою индивидуальную относительную свободу использовать досуг конкретными способами, хотя эти детали могут быть чрезвычайно важными и значимыми для нас» [17, р. 8].

Подразумевается, что последствия досугового поведения могут в основном выражаться в свободном выборе человеком времени, места или деятельности, которые становятся «исключительными», «необыкновенными» для тех, кто непосредственно включён в досуговое занятие.

Современный досуг, как правило, отделён от остальной части нашей жизни не-

которым сочетанием места, времени или деятельности. Особое сочетание этих основных параметров досуга выделяет его из ряда других повседневных практик, делая его особой частью жизни, развивающейся по собственным законам. Причём механизмы социального контроля в ситуации досуга также становятся иными.

Социальное положение людей, их семейные роли действительно влияют на их досуговое поведение. Однако это влияние выступает только как некий социальный контекст, и удовлетворение досуговых потребностей определяется не им, а имманентными мотивами, внутренне присущими самому досугу, так что досуговая деятельность может быть предпринята в основном ради неё самой.

Именно релятивность и имманентная природа мотивов досуга позволяют человеку свободно выбирать форматы досугового поведения: «В досуге мы можем экспериментировать, позволять себе идти на риск – на крайний риск – чтобы испытать ощущения, ради которых мы не хотели бы рисковать своей работой или браком» [17, р. 8].

В отечественных исследованиях социально-культурной деятельности свобода выбора форм досуга считается одной из ключевых позиций, наряду с опорой на ценности культуры и личностной активности участников [9, с. 130–134]. Однако аспект «несущественности», «незначительности» досуговых занятий, по мнению зарубежных исследователей, позволяет в некоторой степени «снижать» социальный контроль, переводя его в пространство игры.

В условиях общества потребления параметры самоорганизованного досугового поведения определяют цели, ради которых современный человек принимает участие в различных формах досуга. Эти цели можно выразить в понятиях, которыми за-

рубежные досуговые оперируют для уточнения содержания и смыслов досуговой активности. Это, прежде всего, благополучие (well-being), качество жизни (quality of life). В современных российских исследованиях досуга эти категории почти не применяются, так как не имеют четкой системы критериев и показателей, но представляют несомненный интерес с позиций сравнения общих подходов к пониманию досуга общества потребления.

Категория «благополучие» достаточно сильно коррелирует с понятием «качество жизни». Оба они могут применяться к отдельным лицам, целым обществам или социальным группам. При этом, по мнению ряда зарубежных ученых, «счастье, удовольствие и удовлетворенность жизнью» [см.: 13], достигаемые в процессе досуговых практик, могут рассматриваться как факторы, влияющие на общее «благополучие» / «качество жизни», или даже рассматриваться как индикаторы этих факторов в развитых обществах. Нельзя не отметить и то, что появление понятия «благополучие» во многом противоречит традиционному отношению к досугу как приложению к труду, при котором мерилем смысла досуга может выступать либо его высокая эффективность, либо его вклад в развитие готовности к трудовой и / или учебно-образовательной деятельности.

Соответствующие исследования зарубежных авторов показывают, что участие почти во всех досуговых мероприятиях имеет тенденцию улучшать благосостояние. Например, физический активный отдых улучшает физическую форму и здоровье, а также субъективное благополучие. Досуг, который не является физически активным, также может принести пользу для физического здоровья, хотя и в меньшей степени. Эти механизмы не вполне очевид-

ны, но, вероятно, психосоматичны, поскольку они улучшают психическое благополучие [16, p. 184–199].

В зарубежных исследованиях досуга выявлены конкретные и достаточно специфичные виды досуга, в которых запрос на потребление не является преобладающим, но которые могут быть в целом полезными для личного или общественного благополучия.

Соответствующими видами досуга являются:

- развивающая деятельность, которая в максимальной степени обращена к способностям актора (участника), формируя новые знания, умения, навыки, то есть опыт, именуемый развивающим опытом [12, p. 38–42] и приравниваемый к оптимальному или пиковому эксперименту, значимому в контексте развития личности, – это может быть вызов физическим, культурным или интеллектуальным возможностям отдельного человека или группы людей. Отметим, что в отечественной теории социально-культурной деятельности нет точного аналога этому виду досуговой активности, скорее всего здесь можно говорить о неких единичных, разовых моментах активного, самодетерминированного участия человека в досуговых практиках;

- «серьезный досуг» [см.: 19] – мероприятия и виды деятельности (аматерное искусство, любительство и другие), которым люди могут быть преданы, которыми одержимы и благодаря которым они строят свою карьеру, постепенно расширяя свои знания, навыки и статус в рамках досуговых сообществ. Здесь имеется более ясная аналогия с российской социально-культурной деятельностью, которая предполагает постоянное или как минимум частое участие человека в деятельности любительских объединений, самодеятельных творческих кол-

лективов, студий различной направленности. Сюда же можно отнести индивидуальную деятельность, связанную с серьёзным коллекционированием, освоением новых для личности видов деятельности;

- досуговые эксперименты в пограничных зонах культуры, где люди рискуют выйти за разрешённые пределы, оставаясь в безопасности – юридически, физически, социально и / или психологически [10; 18]. Это направление в российской теории социально-культурной деятельности определяется как экстремальный досуг.

Включение человека в такие досуговые практики на основе свободного выбора всегда положительно сказывается на росте его общего благополучия [11, р. 249–263]. При этом отмечается, что хотя разовое участие в развивающих досуговых практиках и досуговые эксперименты положительно сказываются на развитии человека и его связях с социальной группой, «серьёзный досуг» представляется зарубежными исследователям более надёжным источником наслаждения, улучшенного самочувствия человека, формирования его идентичности и стратегий личностного роста [см.: 20]. К такой оценке склонны и отечественные учёные, которые последовательно отстаивают идею всестороннего развития личности в социально-культурной деятельности (М. А. Ариарский, А. Д. Жарков, Н. В. Шарковская, Н. Н. Ярошенко и другие). Однако связь между благополучием и досуговой активностью личности требует дальнейшей эмпирической проверки и обсуждения [15, р. 207–255].

Досуг – это не единственный источник деятельности и переживаний, которые важны для благополучия. Люди с большей вероятностью получают развивающий опыт во время трудовой деятельности, чем в свободное время [14, р. 265–274]. Трудовая дея-

тельность во много определяет активность человека в сфере досуга. Эмпирические исследования социологов подтверждают, что наиболее активно проводят досуг люди, которые трудоустроены и имеют достаточно высокие доходы, регулярные контакты с родственниками, включены в различные социальные общности.

Однако заслуга досуга заключается в том, что он позволяет преодолеть социальную апатию, улучшает физическое и психическое благополучие людей всех возрастов и независимо от их экономического и социального статуса. Причём досуг может быть особенно полезен для групп, которые не получают соответствующий опыт в других сферах жизни (например, лица с нарушенными микросоциальными связями, такие как пожилые люди, безработные, мигранты и другие). Эти группы могут получать исключительные преимущества от включения в серьёзные досуговые практики, которые помогают поддерживать активный, социальный статус. К сожалению, несмотря на достаточно большой объём свободного времени, имеющегося у представителей данных социальных групп, их социально-культурная активность, как правило, недостаточно высока и нуждается в целенаправленной поддержке.

Досуговое поведение многих людей является неоптимальным для их собственного благополучия. Это относится и к физическому благополучию, от которого люди выиграли бы, занимаясь регулярно физическими упражнениями. Все знают об этом, но всё же остаются в стороне от практик здорового образа жизни. Среди зарубежных досуговедов растёт уверенность в том, что эти виды досуга нужно сделать обязательной частью повседневной жизни каждого человека. Однако потеря свободы выбора и личного контроля скорее

всего приведёт к размыванию ожидаемых преимуществ.

Итак, в ходе разработки общей теории досуга зарубежным исследователям удалось доказать, что свободный характер досуга и его «незначительность» являются важнейшими детерминантами процессов саморегуляции и самоорганизации досуговой деятельности, что, безусловно, выступает альтернативой потребительским досуговым практикам, получившим распространение в современном обществе.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследовательских подходов показывает их схожесть и различия. Сходные моменты проявляются в оценке досуга как пространства для восстановления сил, духовного роста и получения удовольствия (гедонистические потребности) и творчества. Различия же выявляются, главным образом, в характеристике целей досуговой активности – в работах зарубежных исследователей это выражается в категории «благополучие», в работах отечественных специалистов используются более узкие понятия, конкретизирующие процессы личностного роста, социально-культурного воспитания и образования.

Примечания

1. *Акимова Л. А.* Социология досуга : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 05.31.00 «Социально-культурная деятельность» / Министерство образования Российской Федерации, Московский государственный университет культуры и искусств. Москва : МГУКИ, 2003. 123 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления : его мифы и структуры / [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
3. *Грушин Б. А.* Свободное время // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд ; науч.-ред. совет : В. С. Степин [и др.]. Москва : Мысль, 2000–2001. Том 3 : Н–С. 2001. С. 508.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения : в 30 томах. 2-е издание. Москва : Госполитиздат, 1954-. Том 26, часть 3. 1964.
5. *Мосалёв Б. Г.* Досуг: методология и методика социологических исследований : учебное пособие. Москва : Изд-во Московского государственного университета культуры, 1995. 92 с.
6. *Орлов А. С.* Социология рекреации / Российская академия наук, Институт социологии, Центр комплексных социальных исследований и маркетинга. Москва : Наука, 1995. 146 с.

Воспитательные социокультурные технологии, ориентированные на создание условий для специальной поддержки личностной активности в сфере досуга и различных форм его самоорганизации, необходимо выбирать, исходя из содержания и смыслов досуговой активности. Это достижимо в процессе индивидуального консультирования, массовых форм популяризации деятельности учреждений культуры и общественных организаций досуговой направленности, в ходе рекламно-информационного сопровождения социально-культурной деятельности. При этом, наряду с целевыми категориями «благополучие», «качество жизни», «удовольствие», «счастье», необходимо ориентировать людей на ценности здорового образа жизни, получение новых знаний об окружающем мире, радости от общения и творчества.

Таким образом, в целенаправленной работе по организации досуга необходимо учитывать особенности его регуляции в изменяющихся условиях, обеспечивая его соответствие вариативным национальным, экономическим, социальным факторам современного общества потребления.

7. Понукалина О. В. Досуг в обществе массового потребления: концептуальные рамки исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2009. Том 9. № 1. С. 23–27.
8. Ушкарев А. А. Цивилизация досуга и смыслы досугового поведения // Обсерватория культуры. 2016. Том 13. № 4. С. 429–435.
9. Ярошенко Н. Н. Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2012. № 6 (50). С. 130–134.
10. Blackshaw T. (2010) *Leisure*. Abingdon : Routledge. 174 p. (In English)
11. Bryce J., Haworth J. (2002) Well-being and flow in a sample of male and female office workers. *Leisure Studies*. Vol. 21: 249–263. (In English)
12. Csikszentmihalyi M. (1993) Activity and happiness. *Journal of Occupational Science*. Vol. 1(1): 38–42. (In English)
13. Haworth J., Hart G. (Eds.) (2007) *Well-being: Individual, community and social perspectives*. Basingstoke : Palgrave. 280 p. (In English)
14. Haworth J. T., Drucker J. (1991) Psychological wellbeing and access to categories of experience in unemployed young adults. *Leisure Studies*. Vol. 10: 265–274. (In English)
15. Heo J., Lee Y., McCormick B. P., Pedersen P. M. (2010) Daily experience of serious leisure, flow and subjective well-being of older adults. *Leisure Studies*. Vol. 29: 207–255. (In English)
16. Iso-Ahola S. E., Mannell R. C. (2004) Leisure and health. In: Haworth J. T., Veal A. J. (Eds.) (2004) *Work and leisure*. London : Routledge. Pp. 184–199. (In English)
17. Roberts K. (2011) Leisure: the importance of being inconsequential. *Leisure Studies*. Vol. 30: 5–20. (In English)
18. Rojek C. (2000) *Leisure and culture*. Basingstoke : Macmillan. 234 p. (In English)
19. Stebbins R. A. (1992) *Amateurs, professionals and serious leisure*. Montreal : McGill-Queens University Press. 184 p. (In English)
20. Wagg St. (2009) *Sport, Leisure and Culture in the Postmodern City*. London : Routledge. 232 p. (In English)

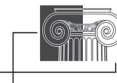
References

1. Akimova L. A. *Sotsiologiya dosuga [Sociology of leisure]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Art, 2003. 123 p. (In Russian)
2. Baudrillard Jean. *The Consumer Society: Myths and structures*, 1998 (In Rus. ed.: Bodriiyar Zh. *Obshchestvo potrebleniia: Mify i struktury [The consumer society: Myths and structures]*. Moscow, Publishing house “Republik”, Publishing house “Cultural Revolution”, 2006. 269 p. (In Russian)
3. Grushin B. A. Svobodnoe vremya [Free time]. In: Stepin V. S., ed. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 tomakh, tom 3 [New philosophical encyclopedia. In 4 volumes, vol. 3]*. Moscow, Mysl Publishers, 2001. P. 208. (In Russian)
4. Marks K., Engels F. *Sochineniya, v 30 tomakh, tom 26, chast' 3 [Works, in 30 volumes, volume 26, part 3]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1964. (In Russian)
5. Mosalev B. G. *Dosug: metodologiya i metodika sotsiologicheskikh issledovaniy [Leisure: methodology and methodology of sociological research]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture, 1995. 92 p. (In Russian)
6. Orlov A. S. *Sotsiologiya rekreatsii [Sociology of Recreation]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1995. 146 p. (In Russian)
7. Ponukalina O. V. Dosug v obshchestve massovogo potrebleniya: kontseptual'nye ramki issledovaniya [Leisure in a society of mass consumption: a conceptual framework for research]. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2009, vol. 9, no. 1, pp. 23–27. (In Russian)
8. Ushkarev A. A. Civilization of Leisure and the Senses of Leisure Behavior. *Observatory of Culture*. 2016, vol. 13 (4), pp. 429–435. (In Russian)
9. Yaroshenko N. N. Razvivayushchaya sreda i sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v kontekste pedagogiki kul'tury [Developing environment and socio-cultural activities in the context of the pedagogy of

- culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2012, no. 6 (50), pp. 130–134. (In Russian)
10. Blackshaw T. (2010) *Leisure*. Abingdon : Routledge. 174 p. (In English)
  11. Bryce J., Haworth J. (2002) Well-being and flow in a sample of male and female office workers. *Leisure Studies*. Vol. 21: 249–263. (In English)
  12. Csikszentmihalyi M. (1993) Activity and happiness. *Journal of Occupational Science*. Vol. 1(1): 38–42. (In English)
  13. Haworth J., Hart G. (Eds.) (2007) *Well-being: Individual, community and social perspectives*. Basingstoke : Palgrave. 280 p. (In English)
  14. Haworth J. T., Drucker J. (1991) Psychological wellbeing and access to categories of experience in unemployed young adults. *Leisure Studies*. Vol. 10: 265–274. (In English)
  15. Heo J., Lee Y., McCormick B. P., Pedersen P. M. (2010) Daily experience of serious leisure, flow and subjective well-being of older adults. *Leisure Studies*. Vol. 29: 207–255. (In English)
  16. Iso-Ahola S. E., Mannell R. C. (2004) Leisure and health. In: Haworth J. T., Veal A. J. (Eds.) (2004) *Work and leisure*. London : Routledge. Pp. 184–199. (In English)
  17. Roberts K. (2011) Leisure: the importance of being inconsequential. *Leisure Studies*. Vol. 30: 5–20. (In English)
  18. Rojek C. (2000) *Leisure and culture*. Basingstoke : Macmillan. 234 p. (In English)
  19. Stebbins R. A. (1992) *Amateurs, professionals and serious leisure*. Montreal : McGill-Queens University Press. 184 p. (In English)
  20. Wagg St. (2009) *Sport, Leisure and Culture in the Postmodern City*. London : Routledge. 232 p. (In English)

*

К

УЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ МОНОГОРОДОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Статья подготовлена в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление»

УДК 316.7

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10514

Д. А. Прокудина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена анализу успешного зарубежного опыта решения социально-экономических проблем моногорода за счёт развития сферы культуры в немецком Вольфсбурге. В 1990-х годах, вследствие экономической зависимости от градообразующего предприятия – завода «Фольксваген», город характеризовался высоким уровнем безработицы и низким качеством жизни населения. Городской администрацией и компанией «Фольксваген» было создано государственно-частное партнёрство для координации развития региона, в качестве приоритетного направления которого была принята концепция «Мир впечатлений». Импульс для её реализации был дан компанией «Фольксваген», открывшей в 2000 году тематический парк «Автогород», ставший одной из популярнейших достопримечательностей ФРГ благодаря инновационной модели дистрибуции автомобилей. Открытие «Автогорода» создало рабочие места, расширило возможности населения для удовлетворения досуговых потребностей, дало импульс для развития туризма. Развитие современных культурных практик стало фактором развития разнообразных форм предпринимательской активности и притока инвестиций и в целом позволило превратить заурядный индустриальный город в «магнит» для туристов, центр культуры и инноваций.

Ключевые слова: моногород, современные культурные практики, индустрия развлечений, креативный город, Вольфсбург, «Фольксваген», «Автогород».

Daria A. Prokudina

Lomonosov Moscow State University, The Russian Government, GSP-1,
Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation

CULTURAL PRACTICES AS A FACTOR IN THE REVIVAL OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: FOREIGN EXPERIENCE

The article is devoted to the analysis of successful foreign experience in solving socio-economic problems of a single-industry city due to the development of the cultural sphere in Wolfsburg, Germany. In the

---

ПРОКУДИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

PROKUDINA DARIA ALEKSANDROVNA – Ph.D. (Sociology), Research Scientist of the History and Theory of World Culture Department, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

e-mail: dariap@bk.ru
© Прокудина Д. А., 2019

1990s, due to economic dependence on the city-forming enterprise – the “Volkswagen” plant – the city was characterized by high unemployment and low quality of life. The city administration and “Volkswagen” established a public-private partnership to coordinate the development of the region, with the concept of “World of impressions” as a priority. The impetus for its implementation was given by the company “Volkswagen”, which opened in 2000 the theme park “Autostadt”, which has become one of the most popular attractions in Germany thanks to an innovative model of car distribution. The opening of “Autostadt” created jobs, expanded the opportunities of the population to meet leisure needs, gave an impetus to the development of tourism. The development of modern cultural practices has become a factor in the development of various forms of entrepreneurial activity and investment flows and, in general, has made it possible to turn an ordinary industrial city into a “magnet” for tourists, a center of culture and innovation.

Keywords: monocity, modern cultural practices, entertainment industry, creative city, Wolfsburg, “Volkswagen”, “Autostadt”.

Для цитирования: Прокудина Д. А. Культурные практики как фактор возрождения моногородов: зарубежный опыт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 121–130. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10514

Одной из актуальных социально-экономических проблем Российской Федерации является ситуация в моногородах страны. В России сейчас насчитывается 319 моногородов, в которых проживает почти десятая часть населения страны – 14 млн. человек. Только в 71 моногороде социально-экономическое положение является стабильным. Остальные нуждаются в особом внимании и поддержке, так как находятся в неустойчивом состоянии, либо в кризисе, либо в зоне риска [3].

В 2014 году были приняты правительственные меры в целях решения этой проблемы. Как отметил Президент РФ В. В. Путин: «Наша задача – диверсифицировать экономику моногородов, сделать её более устойчивой, создать условия для привлечения инвестиций, для развития бизнеса и появления новых рабочих мест» [5]. Председатель Правительства Д. А. Медведев заявил о том, что правительство утвердило комплекс мер по повышению инвестиционной привлекательности моногородов. В частности, была создана некоммерческая организация «Фонд развития моногородов», призванная содействовать совершенствова-

нию их инфраструктуры и диверсификации экономики. Перед фондом ставилась задача за счёт новых проектов преодолеть одностороннюю зависимость городов от крупных предприятий, создавать новые рабочие места, сделать условия жизни людей них более комфортными [1].

Характеризуя положение дел на момент создания фонда, его генеральный директор Д. С. Скриванов подчеркнул, что повышение уровня жизни населения моногородов является общегосударственной задачей, с которой не в состоянии справиться в отдельности система местного самоуправления и субъекты федерации. По его словам, с подобными проблемами сталкивались моногорода во многих странах и их позитивный и негативный опыт должен обязательно использоваться [4].

Определяя основные факторы, тормозящие развития моногородов, он отметил, что их инфраструктура «не предназначена для обслуживания диверсифицированной экономики» [4, с. 4–5]. Кроме того, остро стоит кадровая проблема: «избыток специалистов определённого профиля, сочетающийся с недостатком профессиона-

лов в других областях» [4, с. 4–5]. У населения отсутствуют предпринимательские и управленческие навыки. Как заключил Д. С. Скриванов: «инфраструктура и кадры могут быть созданы и выращены, но для этого необходимы средства и компетенции. Для их привлечения, распределения и контроля за этими процессами, по сути, и создан наш Фонд» [4, с. 5].

В настоящее время выдвигаются три основные задачи фонда: «формирование и обучение команд, управляющих проектами развития моногородов; софинансирование ... мероприятий по строительству и реконструкции объектов инфраструктуры, необходимых для запуска новых инвестиционных проектов в моногородах; содействие в подготовке и участие в реализации новых инвестиционных проектов в моногородах» [5].

В контексте обозначенных задач особенно актуальным становится изучение успешных примеров преодоления социально-экономических трудностей моногородами в других странах мира, поскольку зарубежный опыт может быть использован при разработке стратегий развития российских моногородов.

Важным ресурсом для улучшения качества жизни населения может стать развитие инфраструктуры культурных индустрий и современных культурных практик. Как отмечает Ч. Лэндри, британский урбанист, один из наиболее влиятельных специалистов по развитию современных городов, культурные индустрии «являются, пожалуй, самым быстро растущим сектором современной городской экономики» [2, с. 29]. Согласно исследователю, «культурные ресурсы – это материал, используемый для создания базовых ценностей города, сырье, которое приходит сегодня на смену углю, стали и золоту» [2, с. 30]. Но для того, что-

бы культура стала таким бесценным ресурсом, необходимы креативные идеи. Ч. Лэндри поясняет: креативность представляет собой «метод эксплуатации и возобновления этих ресурсов» [2, с. 30], «процесс выявления скрытых возможностей и творческого использования их потенциала» [2, с. 36–37].

Успешным примером реализации стратегии преодоления социально-экономических проблем на основе развития современных культурных практик могут служить преобразования, проведенные в Вольфсбурге Федеративной Республики Германии.

Город Вольфсбург, основанный в 1938 году, находится в Нижней Саксонии. Его население на 31 декабря 2018 года составило 125 408 человек [24, с. 8]. Его основание было обусловлено необходимостью обеспечить жильём сотрудников построенного здесь завода «Фольксваген». Помимо завода, в Вольфсбурге располагается и штаб-квартира концерна «Фольксваген». Трудоустраивая более 50 000 человек, компания «Фольксваген» является крупнейшим работодателем региона [20, р. 30–31].

В 1990-х годах город столкнулся с серьёзной проблемой, которая стала следствием экономической зависимости от градообразующего предприятия, завода «Фольксваген», а именно – с высоким уровнем безработицы и низким качеством жизни горожан. По результатам структурного анализа, проведенного в конце 1997 года, были выявлены следующие ключевые экономические проблемы города по сравнению со средними показателями по Германии:

- существенное доминирование одного работодателя – 60% рабочих мест в городе обеспечивала компания «Фольксваген»;
- слабая развитость сферы услуг – в среднем в Германии 50% всех лиц, работающих по найму, были заняты в сфере услуг, а в Вольфсбурге – только 22%;

- немногочисленность компаний малого и среднего бизнеса, во многом обеспечивающих занятость населения в Германии;

- незначительное количество стартапов, которое было примерно на 30% меньше среднего показателя по Германии;

- концентрация рабочих мест в Вольфсбурге и проблемы с трудоустройством в других населённых пунктах региона – только половина рабочих мест в Вольфсбурге была занята горожанами, остальные – жителями близлежащих городов и посёлков;

- уменьшение покупательной способности населения региона, вследствие чего сектор ритейла мог предоставить крайне ограниченное количество новых рабочих мест.

В целом инвестиционная привлекательность города и прилегающего региона была оценена как низкая [23].

Администрацией города и компанией «Фольксваген» было принято решение совместно бороться с обозначенными проблемами. Ими было создано государственно-частное партнёрство «Вольфсбург Эй Джи» (Wolfsburg AG) для координации развития региона по направлениям: образование; досуг; центр исследований и инновационного развития автомобильной индустрии; поддержка и продвижение стартапов, а также содействие в релокации компаний в Вольфсбург и его окрестности [22].

В качестве приоритетного направления развития города была выбрана сфера современных культурных практик, ориентированных на досуг и развлечения, и разработана концепция под названием «Мир впечатлений» (Erlebniswelt). Импульс для реализации этой концепции был дан компанией «Фольксваген», открывшей в 2000 году в непосредственной близости от завода тематический парк «Автогород» (“Autostadt”).

«Автогород» стал одной из известнейших достопримечательностей ФРГ – его посетили более 40 миллионов человек [15]. Достичь таких впечатляющих результатов позволила креативная идея, на которой основывается концепция комплекса. Именно она позволила привлечь сюда мощный туристический поток и превратить заурядный индустриальный город в «магнит» для туристов, центр культуры и инноваций. Новаторская концепция «Автогорода», предложенная компанией «Фольксваген», как отмечают специалисты Европейского института сравнительных городских исследований EURICUR в работе «Промышленный туризм: возможности для города и предприятия», многими авторами признаётся самой успешной моделью промышленного туризма, существующей на сегодняшний день [19, р. 25].

Эта идея была предложена в 1994 году Ф. К. Пиехом, занимавшим тогда должность президента концерна «Фольксваген». Она состояла в том, чтобы передавать покупателю автомобиль «Фольксваген» на его «родине», непосредственно в Вольфсбурге, а конкретнее практически на территории завода. Осуществлять эту передачу президент предложил в специально созданном «бренд-ленде», комплексе, представляющем все бренды компании [20, р. 40].

Когда покупатель в Австрии или Германии приобретает автомобиль «Фольксваген» или «Seat», ему предлагают выгодный и интересный способ его получить – съездить за ним в «Автогород» и провести там один или два незабываемых дня. Это пользуется популярностью – в 2018 году 26,1% от проданных автомобилей «Фольксваген» в Германии владельцы забрали именно так [15].

Первое, что привлекает в этом предложении, – финансовая выгода: «Фольксваген» предлагает очевидные стимулы для того, чтобы забрать товар в месте его изготов-

ления: это просто дешевле для клиента, по сравнению с более дорогой доставкой машины дилеру» [20, р. 43]. Кроме того, «Фольксваген» обеспечивает покупателям, которые обычно забирают машину всей семьёй или с друзьями, бесплатный вход в «Автогород», обзорную экскурсию по нему, купоны, которыми можно расплачиваться в ресторанах и магазинах комплекса, а также экскурсию по заводу [9]. Помимо материального стимулирования, «Автогород» предлагает покупателю превратить получение автомобиля в настоящее приключение, увлекательное для представителей всех возрастов.

«Бренд-ленд» воплотился в ландшафтном-архитектурном комплексе, площадью 28 гектаров, и представляет собой уникальное парковое и выставочное пространство с павильонами и экспозициями, выполненными в футуристическом стиле с использованием лучших архитектурных и дизайнерских решений.

Хранителем истории автомобилей является музей «Дом времени», в коллекции которого – 260 транспортных средств, представляющих 60 автомобильных брендов. В экспозиции музея – 100 легендарных автомобилей, каждый из которых – веха в развитии автомобилестроения с точки зрения технологии, концепции, дизайна. Экспонаты выставки регулярно меняются, поскольку машины активно задействованы в ралли ретро-автомобилей [18].

В «Автогороде» созданы восемь павильонов, посвящённых брендам концерна. Заметные объекты комплекса – две 48-метровые прозрачные «Автомобильные башни». В них временно размещаются 400 автомобилей, которые ожидают своих владельцев. Башни занесены в книгу рекордов Гиннеса как самая быстрая автоматическая парковочная система в мире. В ходе экскурсии посетители перемещаются по ним в сте-

клянной кабине. Экскурсия посвящена инновационной технологии транспортировки автомобилей. После того, как машины произведены, они автоматически перемещаются в башни по подземному тоннелю, устанавливаются на парковочные места внутри башен, а когда их приезжают забирать, они также автоматически транспортируются в «Клиентский центр», где передаются покупателям [18].

В комплекс также входит «Форум концерна», где посетителей ждут экспозиции, знакомящие с ценностями компании – «безопасность, социальная ответственность, экологическая сознательность, качество» [18]. Постоянная выставка «Автозавод» повествует о процессе производства автомобиля: с использованием семи полномасштабных фрагментов автомобиля посетителям демонстрируют его этапы, а также предлагают виртуальную экскурсию по фабрике. В экспозиции также раскрывается тема – «электромобиль». Посетителям показывают внутреннее устройство модели «e-Golf» и рассказывают о том, как изменится производственный процесс в связи с изготовлением электромобилей [18].

Цель выставки «Дисплей дизайна. Как мы формируем мир» – побудить гостей комплекса задуматься о дизайне и продемонстрировать, что хороший дизайн – это сфера, в которой наша повседневная жизнь соединяется с видением будущего [18].

Высокотехнологичная экспозиция «Зелёный уровень» раскрывает тему устойчивого развития. Примечательно, что источником вдохновения для разработчиков её дизайна послужил зелёный знак переработки [11].

«Мобиверсум» (MobiVersum) предназначен для детей. Здесь можно кататься на аттракционах, заниматься в кулинарной школе, в которой готовят из местных и се-

зонных продуктов, и даже получить детские водительские права. Дети здесь учатся водить машину на электромобилях – уменьшенных копиях модели «Фольксваген Жук» [13].

В комплекс входит трасса препятствий для испытания возможностей внедорожников, а также парк электрических и гибридных автомобилей, которые предлагается опробовать посетителям. Кроме того, в «Автогороде» размещаются 10 ресторанов, сеть магазинов, пятизвёздочный отель.

Также посетителям предоставляется возможность посетить завод, на котором работают 1140 роботов и каждые 20 секунд выпускается автомобиль [20, р. 31].

Важной характерной чертой взаимодействия «Автогорода» с посетителем является ориентация на создание у него ярких и эмоционально насыщенных впечатлений. Как отмечает в статье «Стратегии впечатлений для выживания небольших городов в Европе» П. Аллингем, теоретик научного направления «экономика впечатлений», ему с успехом удалось стать ключевым звеном реализации упомянутой выше концепции развития города «Мир впечатлений» [7].

Необходимо отметить, что «Автогород» как напрямую, так и косвенно способствовал улучшению качества жизни населения. Его открытие позволило создать 1 400 рабочих мест, а также существенно расширить культурно-досуговое предложение.

Весной здесь проходит «Мовимэнтос» (Movimentos) – международный фестиваль танца. В программу также входят концерты, драматические постановки и т.д. Ежегодно он привлекает примерно 30 000 посетителей [18]. В 2019 году 17-й по счету фестиваль прошёл в новом, специально построенном здании, которое также будет использоваться для проведения различных мероприятий [14].

Многочисленных гостей в «Автогород» привлекает летняя программа под открытым небом, включающая концерты, в том числе с участием мировых звёзд, шоу-программы, комедийные и танцевальные номера. В 2018 году летнюю программу посетили 364 000 человек [17].

Зимой «Автогород» превращается в «Зимнюю страну чудес» – здесь создаются каток, горки, большой зимний рынок, регулярно проходят ледовые шоу, а также можно поиграть в кёрлинг и покататься на санках [16].

Открытие «Автогорода» существенно расширило возможности населения города в сфере образования. Комплекс является аккредитованным образовательным центром для всех возрастных групп, осуществляющим свою работу совместно с Министерством образования и искусств Нижней Саксонии. Образовательная деятельность «Автогорода», ориентированная на детей, подростков, взрослых, студентов, преподавателей, реализуется в форме семинаров, курсов повышения квалификации, профессиональных конференций, программ для школьных классов и т.д. [8]. Так, например, подросткам «Автогород» предлагает образовательные проекты – «Медиакампус» и «Жизнь профессионального спортсмена».

Проект «Медиакампус» ориентирован на тех, кто интересуется журналистикой. Подростки принимают участие в пресс-конференциях со специалистами, которые разбираются в вопросах автономного вождения, электротранспорта, устойчивого развития. Они задают вопросы, берут интервью у экспертов, создают видеоролики и истории для социальных сетей. Кроме того, на занятиях ребята узнают о различных типах репортажей, о том, как написать газетную статью, о специфике мультимедийной журналистики [12].

Проект «Жизнь профессионального спортсмена» реализуется в сотрудничестве с хоккейной командой «Гриззлис Вольфсбург». На занятиях, где всегда присутствует один из игроков команды, ребята получают из первых рук информацию о том, как живут хоккеисты. Кроме того, они осваивают навыки, которые пригодятся им в повседневной жизни, а также, возможно, и в будущей профессиональной деятельности. Например, занятие «Начинающий дизайнер: техническое оснащение» посвящено хоккейной клюшке. Ребята знакомятся с её техническими характеристиками, узнают о её размере, форме, материале, из которого она произведена, и создают собственные модели клюшек на компьютере, которые затем можно распечатать на 3D-принтере и использовать в качестве брелков [19].

Что касается косвенных последствий открытия «Автогорода», отметим, что сгенерированный им туристический поток позволил построить новые объекты, которые, в свою очередь, стали привлекать в город ещё большое количество гостей.

В 2005 году напротив «Автогорода» был открыт интерактивный музей «Научный центр Фаэно» (Phaeno Science Center). В 2007 году – первый в ФРГ дизайнерский аутлет (Designer Outlets Wolfsburg), расположенный в черте города. С 2000 года развивается самый крупный в Германии парк досуга и отдыха «Парк для всех» (Allerpark). В 2002 году здесь был открыт стадион «Фольксваген Арена» для футбольного клуба «Вольфсбург» [6]. Развитие досуговой и ту-

ристической сферы позволило за период с января 1998 года по декабрь 2018 года создать более 18 000 рабочих мест [24].

В начале XXI века благодаря «Автогороду» в путеводителях по Германии появилась информация о Вольфсбурге. Социологи свидетельствуют, что информация о нём «отпечаталась» не только на бумаге, но и в сознании немцев. Сегодня многие немцы знают не только об «Автогороде» в Вольфсбурге, но и о футбольном клубе «Вольфсбург», художественном музее города и «Научном центре Фаэно» [20, р. 47].

Хотелось бы привлечь внимание к алгоритму пошагового решения социально-экономических проблем, который выявляет успешный пример Вольфсбурга. Первое усилие и крупный проект – открытие привлекательного туристического объекта «Автогород» – вызвало своего рода «цепную реакцию». Поток туристов дал толчок к развитию сферы услуг, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему увеличению численности гостей города. Всё это стимулировало самую разнообразную предпринимательскую активность и приток инвестиций.

Современный Вольфсбург – убедительный пример того, как развитие современных культурных практик способствовало созданию привлекательного имиджа города, усилению конкурентоспособности Вольфсбурга как туристического направления и места размещения бизнеса, улучшению благосостояния граждан, расширению их досуговых и рекреационных возможностей.

Примечания

1. Заседание Правительства. 11 ноября 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/15609/>
2. Лэндри Ч. Креативный город / [пер. с англ.: В. Гнедовский, М. Хрусталева, М. Гнедовский]. Москва : Классика-XXI, Институт культурной политики, 2011. 397, [2] с.
3. Медведев: почти 80% моногородов находятся в зоне риска либо в кризисе [Электронный ресурс] // РИА Новости : [веб-сайт]. Электрон. дан. 22.07.2015. URL: <https://ria.ru/20150722/1141759441.html?in=t>

4. Министерство экономического развития Республики Крым. Фонд развития моногородов. Создание фонда. [Электронный ресурс]. URL: https://minek.rk.gov.ru/file/File/2015/docs/monogoroda/fond_razvitiya_monogorodov.pdf
5. Моногорода РФ. О Фонде. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about/>
6. *Allerpark Wolfsburg. Germany's most varied leisure and recreation park.* URL: <https://www.allerpark-wolfsburg.de/en/parc-information.html> (In English)
7. Allingham P. Experiential Strategies for the Survival of Small Cities in Europe In: *The City in the Experience Economy: Role and Transformation.* Ed. by A. Lorentzen, C. J. Hansen. Routledge, 2012. Pp. 89–107. (In English)
8. *Autostadt. Education at the Autostadt.* URL: <https://www.autostadt.de/en/education-at-the-autostadt> (In English)
9. *Autostadt. Erlebnisabholung classic.* URL: <https://www.autostadt.de/fahrzeug-abholen/abholerpakete/erlebnisabholung-classic> (In English)
10. *Autostadt. Groupforum.* URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum> (In English)
11. *Autostadt. Level Green – the concept of sustainability.* URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum/level-green> (In English)
12. *Autostadt. Mediacampus.* URL: <https://www.autostadt.de/-/mediacampus> (In English)
13. *Autostadt. Mobiversum.* URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum/mobiversum> (In English)
14. *Autostadt. Movimentos festival 2019: successful inaugural presentation in the new “Hafen 1” event location.* URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#444340/movimentos-festival-2019?suche=Movimentos (In English)
15. *Autostadt. Press release. The Autostadt in Wolfsburg has attracted 40 million guests.* URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#410911/milestone-for-the-autostadt-in-wolfsburg-/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
16. *Autostadt. Press release. The Autostadt turns into a winter wonderland featuring tabaluga, a snow world and a sea of lights.* URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#447580/the-autostadt-turns-into-a-winter-wonderland/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
17. *Autostadt. Press release. Thousands of fans celebrate Autostadt summer festival closing concert with Andreas Bourani.* URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#443997/successful-summer-festival/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
18. *Autostadt. Press release. The Autostadt in Wolfsburg.* URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#38842/the-autostadt-in-wolfsburg (In English)
19. *Autostadt. The life of a professional athlete.* URL: <https://www.autostadt.de/-/im-leben-eines-profisportlers> (In English)
20. Otgaar A. H. J., Van den Berg L., Berger C., etc. (2010) *Industrial tourism: opportunities for city and enterprise.* Ashgate. 229 p. (In English)
21. *Phaeno. Ausstellungen.* URL: <https://www.phaeno.de/ausstellungen> (In English)
22. *Wolfsburg AG. Future-oriented fields of activity for more jobs and a better quality of life.* URL: <http://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/fields-of-activity.html> (In English)
23. *Wolfsburg AG. History.* URL: <http://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/history.html> (In English)
24. *Wolfsburg AG. Wolfsburg AG facts & figures.* URL: <https://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/wolfsburg-ag-facts-figures.html> (In English)
25. *Wolfsburg. Referat Strategische Planung, Stadtentwicklung, Statistik. Statistik. Wolfsburg Statistik – Daten & Fakten. Flyer Daten & Fakten 2019.* URL: <https://www.wolfsburg.de/Statistik> (In English)

References

1. Zasedaniye Pravitel'stva. 11 noyabrya 2014 [Government meeting. November 11, 2014]. URL: <http://government.ru/news/15609/> (In Russian)
2. Landry Ch. *The creative city : A toolkit for Urban innovators*. London : Earthscan Publications LTD, 2000 (In Rus. ed.: Lendri Ch. *Kreativnyy gorod [Creative City]*. Moscow, Publishing house "Classica 21", Publishing house of the Institute of Cultural Policy, 2011. 397 p.)
3. Medvedev: pochti 80% monogorodov nakhodyatsya v zone riska libo v krizise [Medvedev: almost 80% of single-industry towns are at risk or in crisis]. URL: <https://ria.ru/20150722/1141759441.html?in=t> (In Russian)
4. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym. Fond razvitiya monogorodov. Sozdaniye fonda [Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. Monotown Development Fund. Foundation Creation]. URL: https://minek.rk.gov.ru/file/File/2015/docs/monogoroda/fond_razvitiya_monogorodov.pdf (In Russian)
5. Monogoroda RF. O Fonde [Monotowns of the Russian Federation. About the Fund]. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--plai/about/> (In Russian)
6. Allerpark Wolfsburg. Germany's most varied leisure and recreation park. URL: <https://www.allerpark-wolfsburg.de/en/parc-information.html> (In English)
7. Allingham P. Experiential Strategies for the Survival of Small Cities in Europe In: *The City in the Experience Economy: Role and Transformation*. Ed. by A. Lorentzen, C. J. Hansen. Routledge, 2012. Pp. 89–107. (In English)
8. Autostadt. Education at the Autostadt. URL: <https://www.autostadt.de/en/education-at-the-autostadt> (In English)
9. Autostadt. Erlebnisabholung classic. URL: <https://www.autostadt.de/fahrzeug-abholen/abholerpakete/erlebnisabholung-classic> (In English)
10. Autostadt. Groupforum. URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum> (In English)
11. Autostadt. Level Green – the concept of sustainability. URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum/level-green> (In English)
12. Autostadt. Mediacampus. URL: <https://www.autostadt.de/-/mediacampus> (In English)
13. Autostadt. Mobiversum. URL: <https://www.autostadt.de/en/explore-the-autostadt/groupforum/mobiversum> (In English)
14. Autostadt. Movimentos festival 2019: successful inaugural presentation in the new "Hafen 1" event location. URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#444340/movimentos-festival-2019/?suche=Movimentos (In English)
15. Autostadt. Press release. The Autostadt in Wolfsburg has attracted 40 million guests. URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#410911/milestone-for-the-autostadt-in-wolfsburg-/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
16. Autostadt. Press release. The Autostadt turns into a winter wonderland featuring tabaluga, a snow world and a sea of lights. URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#447580/the-autostadt-turns-into-a-winter-wonderland/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
17. Autostadt. Press release. Thousands of fans celebrate Autostadt summer festival closing concert with Andreas Bourani. URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#443997/successful-summer-festival/?bereich=veranstaltungen,allgemein (In English)
18. Autostadt. Press release. The Autostadt in Wolfsburg. URL: https://presse.autostadt.de/en/startseite?languageId=en_EN#38842/the-autostadt-in-wolfsburg (In English)
19. Autostadt. The life of a professional athlete. URL: <https://www.autostadt.de/-/im-leben-eines-profisportlers> (In English)
20. Otgaar A. H. J., Van den Berg L., Berger C., etc. (2010) *Industrial tourism: opportunities for city and enterprise*. Ashgate. 229 p. (In English)
21. Phaeno. Ausstellungen. URL: <https://www.phaeno.de/ausstellungen> (In English)

22. *Wolfsburg AG. Future-oriented fields of activity for more jobs and a better quality of life.* URL: <http://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/fields-of-activity.html> (In English)
23. *Wolfsburg AG. History.* URL: <http://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/history.html> (In English)
24. *Wolfsburg AG. Wolfsburg AG facts & figures.* URL: <https://www.wolfsburg-ag.com/en/wolfsburg-ag/about-us/wolfsburg-ag-facts-figures.html> (In English)
25. *Wolfsburg. Referat Strategische Planung, Stadtentwicklung, Statistik. Statistik. Wolfsburger Statistik – Daten & Fakten. Flyer Daten & Fakten 2019.* URL: <https://www.wolfsburg.de/Statistik> (In English)

*

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 351.85

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10515

О. Н. Гененко, С. А. Ряднова, Н. В. Ефремова

Белгородский государственный институт искусств и культуры

В статье рассматривается имидж как один из важных и недооценённых инструментов эффективного управления учреждениями культуры. Выявлены основные особенности формирования имиджа учреждений культуры, которые связаны со спецификой сферы деятельности и определяются особой миссией учреждения.

Ключевые слова: имидж, имидж учреждений культуры, формирование имиджа, положительный имидж.

Oksana N. Genenko, Svetlana A. Ryadnova, Nina V. Efremova

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

FORMATION OF IMAGE OF INSTITUTIONS OF CULTURE OF SMALL TOWNS AS A NECESSARY TOOL THEIR EFFICIENT ACTIVITY

The article considers image as one of the important and undervalued tools for the effective management of cultural institutions. The main features of the formation of the image of cultural institutions that are associated with the specifics of the field of activity and are determined by the special mission of the institution are identified. The article considers image as one of the important and undervalued tools for

¹ГЕНЕНКО ОКСАНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма Белгородского государственного института искусств и культуры

GENENKO OKSANA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity and Tourism, the Belgorod State Institute of Art and Culture

²РЯДНОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма Белгородского государственного института искусств и культуры

RYADNOVA SVETLANA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activity and Tourism, the Belgorod State Institute of Art and Culture

³ЕФРЕМОВА НИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры социально-культурной деятельности и туризма Белгородского государственного института искусств и культуры

EFREMOVA NINA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Social and Cultural Activity and Tourism, the Belgorod State Institute of Art and Culture

e-mail: oks_genenko@mail.ru¹, svetlana-ryadnova@yandex.ru², skibd@bgiik.ru³

© Гененко О. Н., Ряднова С. А., Ефремова Н. В., 2019

the effective management of cultural institutions. The main features of the formation of the image of cultural institutions that are associated with the specifics of the field of activity and are determined by the special mission of the institution are identified.

Keywords: image, image of cultural institutions, image formation, positive image.

Для цитирования: Гененко О. Н., Ряднова С. А., Ефремова Н. В. Формирование имиджа учреждений культуры малых городов как инструмент их эффективной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 131–141. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10515

В последнее время уделяется самое пристальное внимание формированию позитивного имиджа учреждений культуры, так как в условиях высокой конкуренции, которая сегодня царит на рынке товаров и услуг, предприятиям достаточно сложно привлечь и удерживать покупательский интерес к какому-либо виду услуг.

Управление имиджем учреждений культуры в малом городе является важнейшим стратегическим орудием конкурентной борьбы и даёт организации определённую рыночную силу. Сегодня важно рассматривать имидж, образ и бренд торговой марки в качестве основных элементов позиционирования организации и её продукта.

Положительный имидж организаций в сфере культуры обеспечивает наиболее выгодные конкурентные преимущества и является для потребителя гарантией качества, придаёт дополнительную психологическую ценность продуктам и услугам, привлекает новых клиентов и партнёров, а также наиболее квалифицированных сотрудников.

К феномену имиджа научный интерес возник в середине XX века в США, тогда же были сформированы первые концепции имиджа. В качестве теоретической основы изучения имиджа используются два подхода – коммуникативный и психологический.

В рамках коммуникативного подхода имидж определяется как коммуникативная единица – имиджевое символическое сообщение, которое должно влиять на оценки,

отношения и поведение субъектов восприятия, определяя их выбор.

В основу психологических концепций имиджа легли фундаментальные построения в области психологии: теория психоанализа, психология образа (З. Фрейд), коллективного бессознательного, архетипов, психологического мотивирования (К. Юнг), теория потребностей (А. Маслоу), теория личности и фундаментальное понятие «Я-концепция» (К. Роджерс), теория личностных черт (Г. Олпорт), теория личностных конструктов (Дж. Келли), теория зеркального Я, самопрезентации (Ч. Кули), а также теории, раскрывающие психологические механизмы восприятия, модификации информации, получаемой из окружающей среды: теория каузальной атрибуции (Г. Келли, Ф. Хайдер и другие), теория когнитивного диссонанса и теория социальных сравнений (Л. Фестингер), концепция имплицитных теорий личности (Дж. Бруннер) [5].

В начале 60-х годов XX века было опубликовано много научных работ, посвящённых проблемам построения имиджа организаций, учреждений и корпораций (В. Гарденер, С. Леви, Б. Джи, Г. Даулинг, Ж. П. Бодуан, Ф. Котлер, Ф. Роджерс, Л. Яккок). В это время формируются и первые концептуальные подходы к изучению имиджа организации, в том числе психологический (Р. Андерсон, Д. Грюниаг, Л. Хоровиц) и схематический (К. Болдуинг).

К началу 1980-х годов в США, Канаде, Австралии, Японии, странах Западной Европы изучение имиджа сложилось в междисциплинарную многоуровневую область исследования.

Анализ исследований, посвящённых проблеме формирования имиджа, позволяет сделать вывод о том, что данная проблема является довольно широкопрофильной. Понятие «имидж» рассматривали философы, психологи, педагоги, социологи, журналисты, менеджеры, культурологи и другие.

В исследованиях формирования имиджа мы в значительной степени опираемся на опыт зарубежных авторов (П. Берд, П. Вэйл, В. Биркенбил, Л. Браун, Ф. Дэвис,

Ф. Ли, М. Спиллейн, Ф. Котлер и другие). Отечественные исследователи обратились к изучению имиджа лишь в конце 90-х XX века. Эти работы были посвящены в основном изучению феномена перцепции, имиджа личности.

В работах отечественных исследователей представлены различные аспекты имиджа (см. рисунок 1).

Пути формирования имиджа различных учреждений по своей общей направленности схожи, но в зависимости от профильной направленности выявляются специфические модели формирования их корпоративного имиджа. Поэтому в данном исследовании целесообразно рассматривать

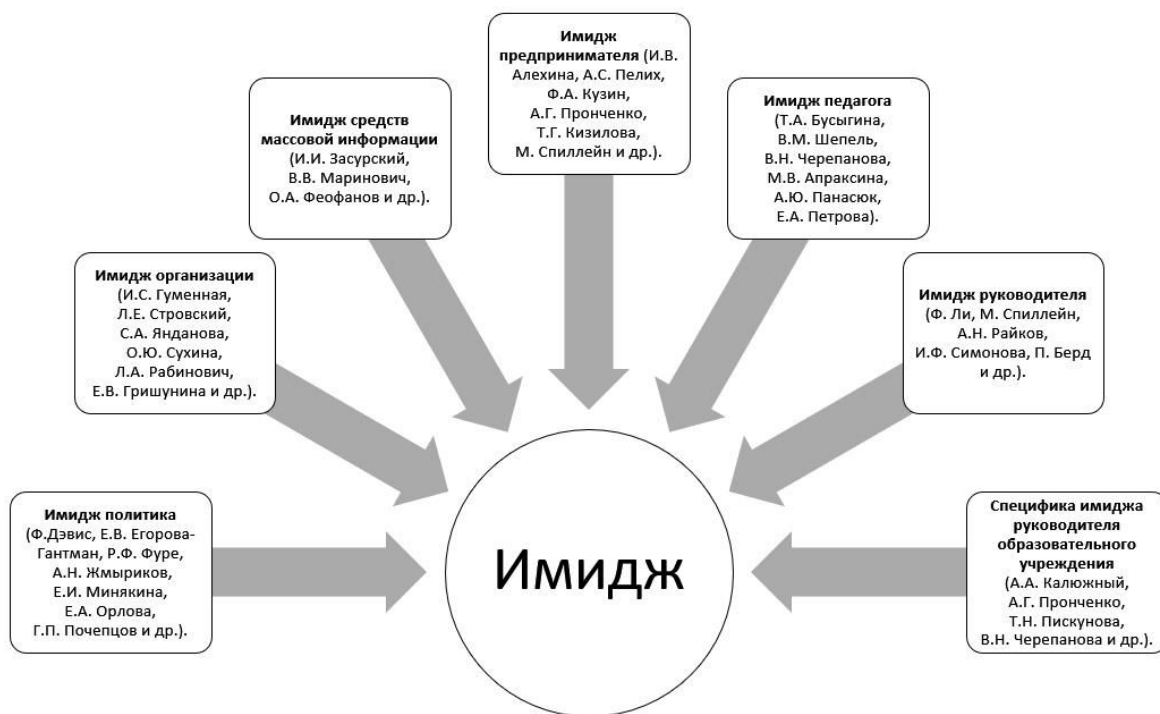

Рисунок 1. Исследования различных аспектов имиджа в трудах отечественных учёных

в целом общие пути создания имиджа учреждений, но обязательно углубляясь при этом в особенности данного процесса, характерные для учреждений культуры.

Рыночные реформы значительно усложнили жизнь российской школы потребителя: теперь не только клиенты соревнуются между собой, пытаясь попасть на желанное мероприятие, вынуждены конкурировать и сами учреждения культуры, сражаясь за клиента.

Современные учреждения культуры в малых городах находятся в постоянном поиске стратегий усиления собственного положения на рынке культурно-досуговых услуг. Однако далеко не все ещё осознали тот факт, что одной из наиболее эффективных стратегий достижения данной цели может выступать целенаправленное построение позитивного имиджа учреждения.

В нашем исследовании рассмотрим влияние имиджа учреждения культуры в малых городах на эффективность их деятельности на примере МБУК «ЦКР Борисовский» Белгородской области. В рамках «Программы создания Центров культурного развития в малых городах и сельской местности РФ», утверждённой Правительством Российской Федерации, в 2016 году распоряжением администрации Борисовского района районный Дом культуры был

перепрофилирован в Центр культурного развития «Борисовский». Это можно считать попыткой государства создать единый облик культурно-досуговых учреждений. В программе указано, что «... Центры должны совмещать функции учреждения культуры (проведение концертов, выставок, спектаклей, кинопоказов), образовательного центра (проведение мастер-классов, организация методической помощи, курсов, медиатек, творческих студий и мастерских) и общественного пространства (организация досуга, дискуссионных клубов, проведение физкультурно-оздоровительных мероприятий)» [3].

Одним из важных показателей имиджа организации является персонал учреждения, а именно – его численный и качественный состав. Рассмотрим данный показатель.

В ЦКР «Борисовский» по состоянию на 1 января 2019 года насчитывалось всего 52 человека. Из общего числа работников: специалистов культурно-досуговой деятельности – 90% от общего числа сотрудников, из них имеют высшее образование 52% (см. рисунок 2).

В учреждении культуры важно разработать систему непрерывного образования персонала. Здесь речь идёт не только о курсах повышения квалификации, программах

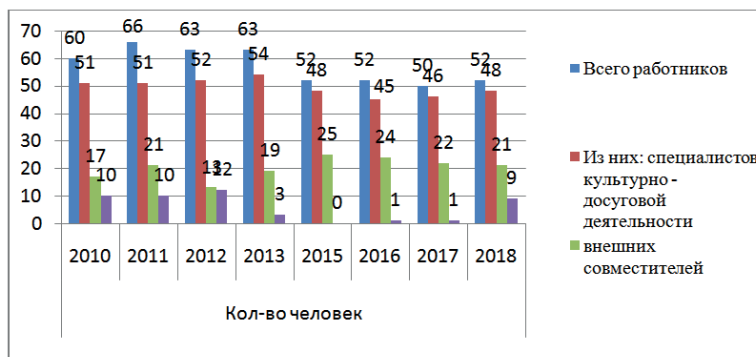

Рисунок 2. Кадровый потенциал МБУК ЦКР «Борисовский»

их обучения, новых проектах повышения качества работы. Сама специфика данного учреждения заставляет руководителей быть в постоянном творческом поиске креативных решений в художественном процессе.

Неотъемлемой частью функционирования учреждения культуры является участие в конкурсах и фестивалях различного масштаба. Высокая степень исполнительского мастерства участников творческого процесса, яркие достижения в области культуры и искусства сами по себе определяют динамику интереса.

Основой клубной работы, определяющей её организационно-творческую стабильность, социально-культурную активность и общественную значимость, являются коллективы самодеятельного, художественного творчества, любительские объе-

динения, в которых происходит массовый процесс культурно-творческой самореализации личности.

Клубные формирования любительского художественного творчества составляют внутренние ресурсы МБУК ЦКР «Борисовский». На сегодняшний день в ЦКР работают 48 клубных формирований, с общим числом участников 969 человек, из них платных формирований – 22 (370 человек).

Анализируя данный показатель за последние 8 лет, можно отметить положительную динамику роста числа клубных формирований ЦКР и участников в них (см. рисунок 3).

Вследствие расширения спектра предлагаемых платных услуг увеличивается и количество платных клубных формирований, что свидетельствует о позитивном

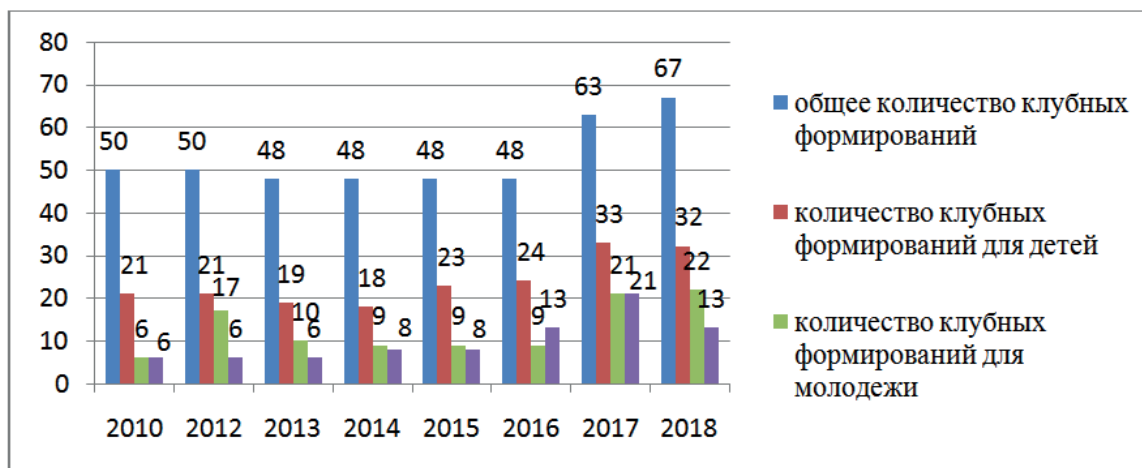

Рисунок 3. Динамика контрольных показателей по клубным формированиям МБУК ЦКР «Борисовский»

имидже учреждения. ЦКР оказывает платные услуги населению более чем по 30 наименованиям.

Одним из направлений деятельности МБУК ЦКР «Борисовский» является издательская деятельность и информацион-

ная поддержка проводимых мероприятий. Рекламно-полиграфическая продукция – это «лицо», отражение имиджа мероприятия и учреждения в целом.

Центр культурного развития «Борисовский» оказывает полный комплекс услуг по

разработке дизайна и изготовлению товарных знаков, логотипов, фирменного стиля, листовок, буклетов, визиток, календарей и другой рекламно-полиграфической продукции.

В целях расширения информационно-го обмена с жителями и учреждениями района специалисты по информационным технологиям учреждения размещают (самостоятельно изготовленную) социальную и наружную рекламу в сети Интернет, социальных сетях, а также на афишах и информационных стендах на территории посёлка Борисовка и в сельских поселениях района.

Взаимодействие учреждений культуры и средств массовой информации проявляется в основном в том, что последние информируют население о деятельности культурно-досуговых учреждений по организации содержательного досуга и дают рекламу ближайших массовых мероприятий.

ЦКР «Борисовский» имеет собственный сайт (<http://www.bor-rdk.ru>), а также представлен в различных социальных сетях, что на сегодняшний день является необходимым условием конкурентоспособности [4].

Весьма позитивно действует на имидж учреждения культуры дизайн его зданий и помещений. Креативное, грамотное внешнее оформление, качественный дизайн помещений могут стать эффективными психологическими рычагами создания позитивного мнения общественности.

У ЦКР «Борисовский» имеется авторский логотип, который отвечает следующим критериям:

- указание на род деятельности фирмы;
- изобразительные знаки и символы, несущие заряд конденсированного эмоционального опыта, непроизвольно воскрешают этот опыт в подсознании людей;
- эмоциональная нагрузка изобразительных элементов. Тёплые цвета и стили-

зованное изображение способны вызвать у потенциальных клиентов положительные эмоции.

Логотип ЦКР «Борисовский» используется в качестве элемента фирменного стиля на фирменных бланках, конвертах, визитных карточках персонала и т. д. Общее цветовое решение выдержано в красном и голубом цветах, что вызывает положительные ассоциации (см. рисунок 4). Нанесение шрифтов легко читаемо, привлекательно и узнаваемо; цвет шрифта оранжево-песочный [4].

Рисунок 4. Логотип ЦКР «Борисовский»

Необходимым показателем имиджа, а в малом городе и необходимым условием, на наш взгляд, является кластерное взаимодействие и социальное партнёрство. МБУК ЦКР «Борисовский» активно сотрудничает с различными организациями района и области (см. рисунок 5).

Мы видим, что ЦКР востребован, что говорит о его конкурентоспособности на рынке подобных услуг.

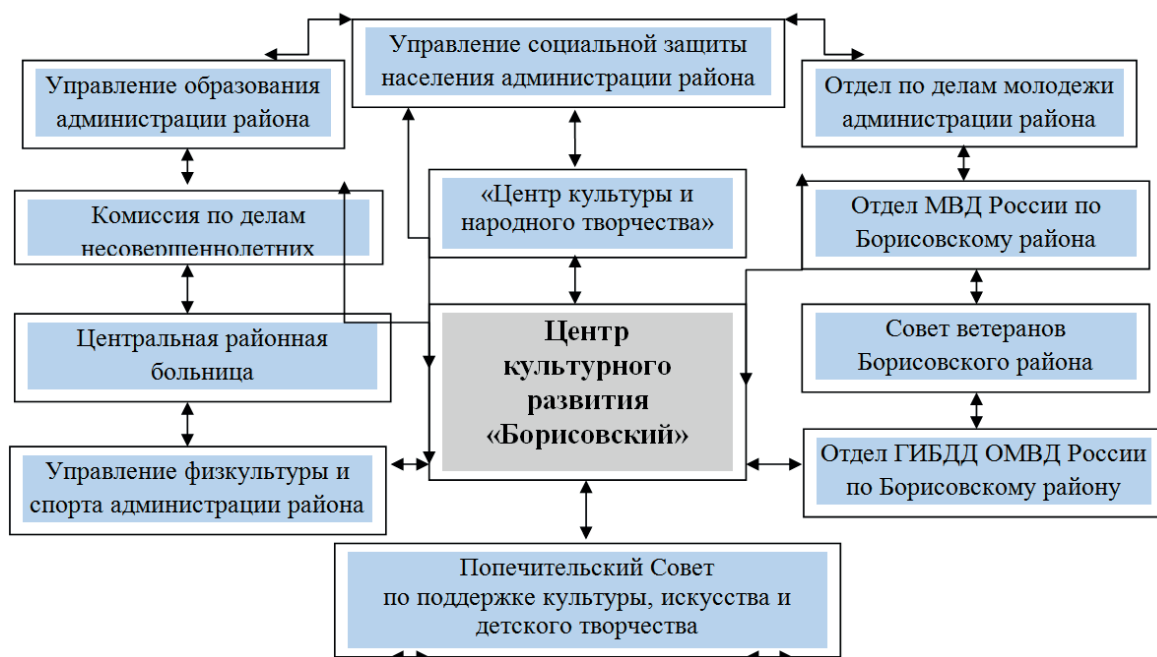

Рисунок 5. Кластерное взаимодействие и социальное партнёрство ЦКР «Борисовский»

Для оценки имиджа ЦКР «Борисовский» мы провели анкетирование посетителей и работников исследуемого учреждения, в котором приняли участие 72 человека. Цель анкетирования состояла в выявлении привлекательного образа учреждения культурно-досуговой сферы.

Проведённое исследование показало, что 89% опрошенных видят для учрежде-

ний культуры дополнительный ресурс деятельности в привлекательном имидже. Более 85% согласились с тем, что средства социально-культурной деятельности максимально адекватны деятельности по созданию имиджа.

На вопросы о способах улучшения имиджа учреждений культуры участники ответили следующим образом (см. рисунок 6).

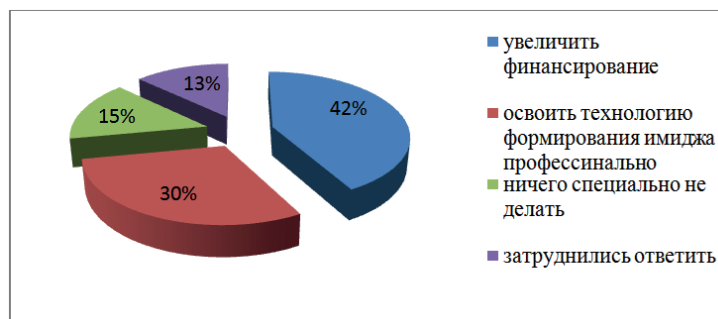

Рисунок 6. Распределение ответов опрошенных на вопрос о способах улучшения имиджа учреждений культуры

Интересен тот факт, что 73% опрошенных пытались создать положительный и бо-

лее привлекательный имидж учреждения культуры (см. рисунок 7).

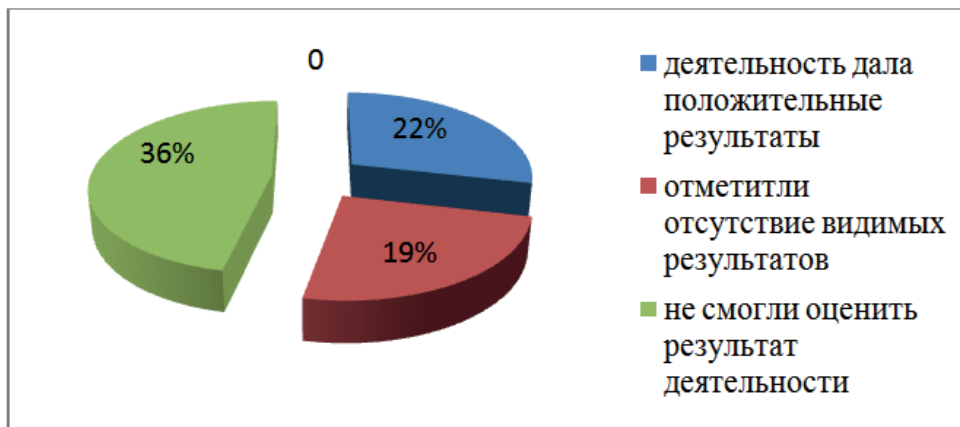

Рисунок 7. Распределение ответов опрошенных о результатах предпринятых попыток, направленных на создание более привлекательного имиджа учреждения

Однако большинство опрошенных отметили отсутствие видимых результатов или затруднились оценить результат деятельности, только у 22% участников опроса действия были результативными.

Нам удалось выявить, что одной из основных причин неэффективности деятельности по созданию положительного имиджа учреждения культуры является отсутствие научно обоснованных методик создания имиджа учреждения такого типа. Более 20% опрошенных считают, что существенных особенностей формирования имиджа учреждения культуры нет.

Таким образом, исследование показало, что создание имиджа учреждений культурно-досуговой сферы, как правило, представляет собой неуправляемый, стихийный процесс. Исходя из вышесказанного, наше исследование позволило сформулировать следующие положения:

1. Учреждениям культуры и специалистам, работающим в них, сегодня недостаточно просто хорошо функционировать,

также необходимо иметь точно сформированный имидж.

2. Правильно построенный имидж особенно важен в довольно хаотичной культурно-досуговой сфере, так как он максимально эффективно дифференцирует продукты, услуги, повышает их субъективную привлекательность и может, влияя на конечную стоимость, повышать экономические результаты деятельности.

3. Основные факторы, влияющие на имидж учреждения: социально-экономические условия, место расположения, средства массовой информации: периодическая печать (газеты, журналы), телевидение, Интернет, специальная, научно-популярная и художественная литература.

4. Имидж, заметно влияя на эмоциональную реакцию (состояние), на отношение и поведение (выбор), значительно ускоряет принятие решения о совершении покупки товара, услуги.

5. Реализовать стратегию создания имиджа можно только на основании тща-

тельного многомерного анализа реального состояния и инновационного подхода, который позволяет найти и выделить основные уникальные характеристики.

6. Правильное измерение запросов и откликов в отношении создаваемого имиджа позволяет построить точный профиль имиджа.

7. Имидж должен корректироваться каждый раз при изменении конъюнктуры и целей деятельности.

8. Основные ошибки в процессе построения имиджа: несоответствие имиджа реальному положению, отрыв имиджа от контекста и условий деятельности, клиширование имиджей, когда на объект некритично проецируются «чужие», успешные, приносящие прибыль имиджи.

9. В современном понимании привлекательный, точный имидж не заменяет и не подменяет реальность, но активно акцентирует необходимые характеристики [5; 6].

Исходя из сформулированных нами положений создания имиджа учреждений культуры, предлагаем основные средства создания имиджа учреждений культуры:

1. Выстраивание ассоциативных связей признаётся неотъемлемой и универсальной частью технологий формирования имиджа учреждения, компании, социально-культурного пространства, территории, услуги.

2. Учреждения (организации, компании) культурно-досуговой сферы обладают уникальной возможностью влиять на воображение, впечатления и представления людей и, в отличие от учреждений, работающих в других сферах (производство, финансы и т.д.), могут органично использовать «максимальный пакет» каналов восприятия: аудиальный, ольфакторный, визуальный и даже тактильный, для создания очень ёмких и сильных образов.

3. Визуальные средства создания имиджа способны улучшить восприятие, подчеркнуть преимущества, индивидуальность и обладают мощным потенциалом для создания имиджа. Среди визуальных средств наиболее эффективными, способными стимулировать внимание, вызывать требуемые ассоциации, признаются:

- корпоративные идентифицирующие изображения, элементы дизайна, экстерьера, интерьера;

- документальные фильмы, видеоролики, графические изображения, фотографии.

Основные критерии выбора визуальных элементов:

- высокие эстетические качества, стиль и коммуникативная точность;

- возможности и границы.

4. Ольфакторные средства формирования имиджа – запахи и ароматы – могут вызывать удовольствие или отвращение, влияя на аффективное состояние организма; являются источником дифференциации продуктов, услуг, оценки сервиса; мощным средством влияния на эмоциональные реакции, оценки деятельности, поведение, потребительский выбор, скорость принятия решения; способны активно поддерживать создаваемый имидж.

5. Аудиальные средства создания имиджа.

Изучение особенностей принятия решения и выбора мест проведения, видов досуга и отдыха разных категорий людей по возрасту, по гендерному принципу, по профессиональной принадлежности, по месту жительства (крупный, малый город, деревня) позволило сделать вывод о том, что имидж представляется одним из элементов эмоционального и рационального управления вниманием, оценками и выбором потребителей услуг в сфере культуры.

Разумеется, что специфика учреждения обуславливает отношение к нему со стороны общественности. Таким образом, сама формулировка «учреждение культуры» уже сама по себе является брендом, мощным фактором формирования отношения к нему и, соответственно, его имиджа.

При разработке технологий формирования имиджа учреждения культуры важ-

но учитывать сущностную специфику подобных заведений. Составные части имиджа учреждения культуры напрямую связаны со специфическими особенностями их деятельности.

Имидж организаций, учреждений культуры, досуга, отдыха становится важной отправной точкой для развития малого города.

Примечания

1. Блинов А. О., Захаров В. Я. Имидж организации как фактор её конкурентоспособности [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 4. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/>
2. Мирошниченко Е. В., Гененко О. Н., Ряднова С. А. Организационно-педагогический процесс планирования в учреждениях культуры и его влияние на эффективность социально-культурной деятельности // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. № 11. Автономная некоммерческая организация «Международный исследовательский институт» (Москва), 2017. С. 389–398.
3. Об утверждении Программы создания центров культурного развития в малых городах и сельской местности Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 26 декабря 2014 года № 2716-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420244623>
4. Официальный сайт МБУК ЦКР «Борисовский» [Электронный ресурс]. URL: <http://borisovka-ckr.borisovka-kultura.ru/>
5. Симонова И. Ф. Пространство возможностей: функции имиджа учреждений социально-культурной сферы [Электронный ресурс] // Реальная культура: XXI век : электронный журнал. 2014 (1). С. 11–16. URL: <http://www.simmerk.ru/publsci.html>
6. Симонова И. Ф. Имидж учреждения культурно-досуговой сферы: проблемы теории и практики // East European Scientific Journal Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe1 (Eastern European Scientific Journal). 2015 (1). С. 66–69.

References

1. Blinov A. O., Zakharov V. Ya. Imidzh organizatsii kak faktor ee konkurentosposobnosti [Image of an organization as a factor of its competitiveness]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom [Management in Russia and abroad]*. 2003, no. 4. Available at: <http://www.mevriz.ru/articles/2003/4/> (In Russian)
2. Miroshnichenko E. V., Genenko O. N., Ryadnova S. A. Organizatsionno-pedagogicheskiy protsess planirovaniya v uchrezhdeniyakh kul'tury i ego vliyanie na effektivnost' sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Organizational and pedagogical planning process in cultural institutions and its impact on the effectiveness of socio-cultural activity]. *EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. No. 11. Autonomous non-profit organization "International Research Institute" (Moscow)*, 2017. Pp. 389–398. (In Russian)
3. *Ob utverzhenii Programmy sozdaniya tse ntrov kul'turnogo razvitiya v malykh gorodakh i sel'skoy mestnosti Rossiyskoy Federatsii: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26 dekabrya 2014 goda № 2716-r [On approval of the Program for the establishment of cultural development centers in small towns and rural areas of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2014 No. 2716-r]*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420244623> (In Russian)

4. *Ofitsial'nyy sayt MBUK Tsentra kul'turnogo razvitiya "Borisovskiy"* [Official site MBUK Center for Cultural Development "Borisovsky"]. Available at: <http://borisovka-ckr.borisovka-kultura.ru/> (In Russian)
5. Simonova I. F. Prostranstvo vozmozhnostey: funktsii imidzha uchrezhdeniy sotsial'no-kul'turnoy sfery [Space of Opportunities: Image Functions of Socio-Cultural Institutions] *Real'naya kul'tura: XXI vek: elektronnyy zhurnal* [Real Culture: XXI Century: Electronic Journal]. 2014 (1), pp. 11–16. Available at: <http://www.simmerk.ru/publsci.html> (In Russian)
6. Simonova I. F. Imidzh uchrezhdeniya kul'turno-dosugovoy sfery: problemy teorii i praktiki [The image of the institution of cultural and leisure sphere: problems of theory and practice]. *East European Scientific Journal Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe1* (Eastern European Scientific Journal). 2015 (1), pp. 66–69. (In Russian)

*

ИНТЕГРАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК379.81(470+571-22)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10516

Г. В. Оленина, А. С. Фролова

Алтайский государственный институт культуры

С возникновением первых многофункциональных культурных центров в 2012 году в России интенсифицировался процесс интеграции деятельности разнопрофильных учреждений культуры села: клубов, библиотек, музеев. Слияние этих учреждений на местах проходит сложно, особенно в тех регионах, где не была изучена объективная картина предстоящих перемен, не были созданы комфортные условия для бесконфликтного организационного слияния этих учреждений, не просчитаны возможные положительные и отрицательные последствия этого процесса. Статья знакомит читателей с результатами научного исследования опыта интеграции деятельности сельских клубов, библиотек и музеев Алтайского края, предпринятого авторами в период с 2010 года по 2016 год. Заметим, что в это время указанные учреждения, каждое будучи в статусе самостоятельного юридического лица, осуществляли попытки интеграции своей профильной деятельности; решение проблемы их полного слияния было только в перспективе. Полученные авторами результаты социологического исследования позволяют объективно представить опыт и проблемы организации стабильных межучрежденческих связей сельских структур сферы культуры, осмыслить отношение работников этих учреждений как к самому процессу интеграции их профильной деятельности, так и к его результату, связанному с оптимизацией досуга сельского населения.

Ключевые слова: учреждения культуры сельские, интеграция деятельности учреждений культуры, цели межучрежденческого интеграционного взаимодействия, критерии оценки эффективности интеграционного взаимодействия, сельские дома культуры, сельские библиотеки, сельские музеи, оптимизация досуга населения, сибирский регион, социологическое исследование, фокус-групповая дискуссия, картографирование барьеров интеграции деятельности учреждений культуры.

---

¹ОЛЕНИНА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета художественного творчества Алтайского государственного института культуры

OLENINA GALINA VLADIMIROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of Art Creation, the Altai State Institute of Culture

²ФРОЛОВА АННА СЕРГЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры музеологии и документоведения факультета информационных ресурсов и дизайна Алтайского государственного института культуры

FROLOVA ANNA SERGEEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Museology and Documentation, the Faculty of Information Resources and Design, the Altai State Institute of Culture

e-mail: ustlama@mail.ru¹, rus.librarian@yandex.ru²

© Оленина Г. В., Фролова А. С., 2019

Galina V. Olenina, Anna S. Frolova

Altay State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Yurina str., 277, 656055, Barnaul, Altaysky Region, Russian Federation

INTEGRATION OF THE ACTIVITY OF RURAL CULTURAL INSTITUTIONS: A REGIONAL ASPECT

Since the first multifunctional cultural centers appeared in 2012, integrative processes between rural houses of culture, libraries, and museums have been intensified in Russia. The amalgamation of these cultural institutions runs with difficulties, especially in those regions where there were no scientific investigations of true picture of further changes, were not prepared comfortable conditions for non-conflict consolidation of these institutions, were not comprehended expectable – positive and negative – results of processes. The article outlines the key results of scientific research of integrative processes between houses of culture, libraries, and museums located in rural areas of Altai Krai (Siberia, Russia) undertaken by the authors in 2010–2016. It should be noticed that the cultural institutions mentioned above were making attempts to build core activity integration relations when they succeeded to keep their separate legal identities; then the dealing with problem of deep consolidation was a matter for the future. But results of the authors' sociological research let the readers to get a fair view of experience and difficulties in arranging stable inter-organizational relations between rural institutions of culture, to get a point on personnels' attitude toward *integration processes* phenomenon, its results touched with improvement of a rural territories population's leisure activities.

Keywords: rural cultural institutions, integrative processes between cultural institutions, goals of inter-organizational integrational interaction, criteria for assessment of effectiveness of integrative interactions, rural houses of culture, rural libraries, rural museums, improvement of rural population's leisure, a Siberian region, a sociological research, focus group discussions, mapping (cartogramming) of barriers for integrative processes between cultural institutions.

Для цитирования: Оленина Г. В., Фролова А. С. Интеграция деятельности сельских учреждений культуры: региональный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 142–150. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10516

Перед учреждениями культуры, входящими в состав муниципального сектора хозяйственных отношений, действующими в условиях современного российского села, – клубами, библиотеками, музеями – стоят задачи сохранения количества сетевых единиц, обновления технологического инструментария организации культурно-досуговой деятельности и повышения качества обслуживания культурных потребностей сельчан. Это отмечается в целом ряде государственных актов: например, в документе стратегического планирования «Основы государственной культурной политики» (2014) [4], федеральных целевых программах «Социальное развитие села до 2013 года» (2002) и «Устойчивое развитие сель-

ских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (2013) [2]; на региональном уровне – например, в Алтайском крае – в тексте государственной региональной программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края на 2012–2020 годы» (2011). В ответ на эти потребности в России появился новый тип учреждения культуры – многофункциональный культурный центр, выраженная специфика деятельности которого привлекла заинтересованное внимание крупных учёных, специализирующихся на изучении актуальных вопросов теории, методики и организации социально-культурной деятельности [7].

Одной из ключевых предпосылок возникновения таких структур можно счи-

тать наличие предшествующего многолетнего плодотворного опыта тесного сотрудничества разнопрофильных учреждений культуры деревенской России. В свою очередь, ведущими факторами возникновения и укрепления таких межучрежденческих партнёрских связей, на наш взгляд, явились: 1) существенное сокращение сети и численности штатов сельских учреждений культуры в результате реформы местного самоуправления (библиотек, например, стало меньше на 39% (в 2003 году – 47 тыс. ед., в 2019 году – 28,5 тыс. ед.), организаций культурно-досугового типа – на 18% (в 2003 году – 46 тыс. ед., в 2019 году – 37,6 тыс. ед.)); 2) закрепление интереса сельского сообщества к досуговым формам и практикам, популяризируемым средствами массовой информации, а также к шаблонам городской досуговой «моды», адаптированным к условиям отечественной деревни; 3) «одомашнивание» досуга сельчан, естественным следствием чего становится отрицательная динамика показателей посещаемости местных учреждений культуры. В своей совокупности эти факторы формируют двоякую цель развития партнёрских отношений между учреждениями культуры. С одной стороны, «внутренняя» цель, то есть цель внутриотраслевого значения – тесное сотрудничество сельских клуба, библиотеки и музея позволяет учреждениям смягчать кадровые, организационно-экономические и нормативно-правовые постреформенные риски их профильной деятельности. С другой стороны, «внешняя» цель, то есть цель, имеющая общественное значение, заключающаяся в том, что интеграция деятельности разнопрофильных структур муниципальной сферы культуры содействует оптимизации организованного досуга сельчан, поскольку культурно-досуговые услуги и программы, организуемые учреждениями культу-

ры *совместными усилиями*, имеют заметно более высокие качественно-количественные характеристики.

Анализ деятельности современных отечественных сельских учреждений культуры позволяет констатировать, что они работают в условиях жестокого кадрового голода и хронического недостатка финансовых и материально-технических ресурсов. Однако благодаря тесным партнёрским связям, эволюционирующим до состояния интеграции деятельности, часть учреждений культуры российских деревень успешно решает проблему совершенствования качественного и количественного аспектов организованного досуга сельских жителей, сообщает досуговым практикам сельчан ценную педагогическую направленность, наполняет их развивающим и рекреативным содержанием.

Жители негородских заселённых территорий, не удовлетворённые низким уровнем качества организации собственного отдыха, вероятнее всего, предпочтут одну из трёх моделей досугового поведения: отправятся на поиски развлечений в ближайший крупный населённый пункт (город, районный центр); пополнят ряды любителей домашнего досуга (интернет-, телеаудиторию по преимуществу); либо сделают выбор в пользу социально- и личностно-деструктивных видов индивидуального или группового досуга (избыточное потребление алкоголя, совершение противоправных действий и пр.). Интеграция деятельности учреждений, составляющих стандартный комплекс культурного обслуживания населения современного российского сельского муниципального образования, позволяет предложить деревенскому жителю альтернативные варианты организации его индивидуального времени, свободного от труда и неотложных бытовых обязанностей.

Под термином «интеграция деятельности сельских учреждений культуры» авторы понимают «имеющий историческую традицию способ осуществления их партнёрского взаимодействия, который характеризуется добровольным, систематическим объединением ресурсов и профессиональных усилий сотрудников разнопрофильных учреждений (клуба, библиотеки, музея) по созданию совместных современных культурно-досуговых программ, привлекательных для сельского населения и решающих педагогические задачи в сфере досуга. Интеграция способствует совершенствованию качества и увеличению количества таких программ, а также содействует стабилизации уставной деятельности сельских учреждений культуры» [1, с. 10].

При оценке характера развития межучрежденческих связей необходимо задействовать *систему критериев*, в числе которых: частота интеграционных контактов разнопрофильных учреждений культуры; источник инициативы интеграционного взаимодействия, добровольность сотрудничества учреждений культуры; систематичность взаимодействий между учреждениями культуры на основе их планирования; степень согласованности целевых ориентаций сотрудничества субъектов сотрудничества [5, с. 92]. Авторами предложены четыре уровня интеграционного взаимодействия сельских учреждений культуры: «низкий», «средний», «выше среднего» и «высокий» [5, с. 92]; уровни интеграционного взаимодействия сельских учреждений культуры соотнесены с уровнями и критериями оптимизации организованного досуга населения.

В ходе исследования авторам удалось установить прямую зависимость между ростом интенсивности интеграционного взаимодействия между сельскими учрежде-

ниями культуры по каждому из перечисленных критериев и оптимизацией организованного досуга сельских жителей. Эта оптимизация выражается, в частности, в появлении масштабных, новых для сельчан форм культурно-досуговых программ, которые приобретают заметную рекреативно-развивающую направленность – в дополнение к привычным для сельского населения образовательно-просветительной или художественно-творческой ориентации. Совместные культурно-досуговые программы клубов, библиотек и музеев начинают приобретать зрелищность, фиксированную периодичность, новизну в части подачи информационного и постановочного материала, что укрепляет интерес местного населения к ним, положительно влияет на посещаемость сельских учреждений культуры.

Эмпирическое исследование проблемы интеграции деятельности учреждений культуры села как фактора оптимизации досуга населения проводилось в два этапа: пилотажный и полевой. Начало пилотажному этапу исследования положила серия пробных интервью¹ и экспертный опрос (с элементами глубинного интер-

¹ В период с 22 апреля по 5 мая 2010 года были организованы: опрос руководителей и специалистов библиотечных учреждений из районных центров и поселений 12 муниципальных районов (Бийского, Зонального, Смоленского, Павловского, Волчихинского, Калманского, Кытмановского, Мамонтовского, Ребрихинского, Табунского, Чарышского и Шипуновского) Алтайского края; стандартизированное интервью 90 жителей сел Сростки Бийского района, Зональное и Плешково Зонального района, Смоленское и Кировское Смоленского района и Павловск Павловского района Алтайского края. 24 марта 2011 года был проведён экспертный опрос 24 руководителей сельских библиотек, принявших участие в Краевом совещании директоров библиотечных систем Алтайского края (Барнаул, КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека имени В. Я. Шишкова»).

вью)¹ с участием руководителей и сотрудников 206 сельских учреждений культуры² из ряда российских регионов, основные итоги которых проанализированы в отдельной публикации [см.: 6].

Заключительная часть социологического исследования включила проведение двух *фокус-групповых дискуссий*. В коллективных беседах приняли участие специалисты учреждений культуры и властных структур административных центров двух сельских муниципалитетов Алтайского края: Павловского и Смоленского районов. Дискуссии охватывали три блока вопросов; исследователей интересовал, во-первых, состав объективных социально-экономических, профессиональных, иных факторов, определяющих потребность в организации межучрежденческого сотрудничества, во-вторых, отдельные черты сотрудничества структур сферы культуры села (в частности, наличие / отсутствие органа, координирующего межучрежденческие интеграционные процессы, характеристика взаимных ожиданий контактирующих сторон и пр.) и, в-третьих, актуальное состояние документного обеспечения хода интеграционных отношений.

¹ При проведении экспертного опроса и глубинного интервью использован авторский исследовательский инструментарий.

² В содержание понятия «сельское учреждение культуры» включаем структуры, действующие в сёлах, деревнях, посёлках (в том числе городского типа и рабочих), станциях, станицах, хуторах, аулах, кишлаках и других. По поводу отнесения *посёлков городского типа и рабочих посёлков* к категории сельских территорий, традиционно причисляемых «советской» классификацией к промежуточному – между «сельским» и «городским» – типу населённых пунктов, ссылаемся на текст Федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (раздел «Характеристика проблемы, на решение которой направлена Программа»), в котором такие пункты расселения включены в состав сельских [2].

Основные итоги двух групповых дискуссий таковы. Специалистам, входящим в состав дискуссионных групп, было предложено конкретизировать перечень сторон, заинтересованных в кооперации усилий коллективов учреждений культуры по организации досуга сельского населения. По мнению информантов, в этом нуждаются как минимум три коллективных субъекта социальных взаимоотношений. Во-первых, это сами *работники отрасли культуры*, получающие возможность совершенствования качественного уровня организуемых культурно-досуговых программ за счёт суммирования усилий и ресурсов нескольких учреждений. При этом «слагаемыми» выступают и творческие идеи, и навыки владения компьютерными программами, и информационно-консультационные и художественно-творческие услуги широкого спектра (от составления тематического / рекомендательного списка литературы до экспертизы идейно-художественной составляющей планируемой культурно-досуговой программы и разработки её сценарно-режиссёрской основы), и результативный опыт участия в государственных и негосударственных конкурсах грантовых предложений, и элементы материально-технического оснащения учреждений – во временное пользование учреждения-партнёры предоставляют друг другу, например, офисную, аудио- и видеотехнику, светосигнальную аппаратуру и т.д.

Совместный труд работников нескольких муниципальных учреждений культуры оказывается особенно необходим в ходе подготовки и проведения масштабных культурных событий (всероссийского, межрегионального, краевого, межрайонного и районного уровней). В этом отношении показателен, например, опыт подготовки к Соболевским чтениям (с. Смоленское Смо-

ленского района Алтайского края) – мероприятию из серии литературных встреч, организуемых в память об алтайском писателе Л. П. Соболеве в рамках Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» (этот фестиваль со временем перерос в общерегиональный праздник и проводится в крае ежегодно, начиная с 1986 года, в память о выдающемся земляке – писателе, сценаристе, кинорежиссёре В. М. Шукшине (1929–1974)). Современный формат этого праздника сочетает в себе мемориальный, литературный, музыкальный, фольклорный, театральный, краеведческий и другие компоненты; сотрудникам одного учреждения культуры – библиотеки, клуба или музея – успешно справиться с организацией многожанровой культурной программы не под силу, поэтому обязанности по проведению чтений дискуссионным порядком распределяются среди работников нескольких структур, каждая из которых отвечает как за «свой» участок работ, так и за оперативное обеспечение организационных нужд многодневного мероприятия. Другим примером, свидетельствующим в пользу идеи о продуктивном характере развития интеграционных отношений в системе деятельности сельских учреждений культуры, можно назвать опыт организации ежегодного краевого литературного праздника, посвящённого памяти алтайского писателя-фронтовика, педагога, члена Союза писателей СССР Ивана Леонтьевича Шумилова (1919–1981). Мероприятие впервые было организовано в с. Павловск Павловского района Алтайского края в 2002 году собственными силами сотрудников местной районной библиотеки в формате традиционных литературных чтений. К настоящему времени мероприятие переросло в трёхдневное культурное событие регионального масштаба, нацеленное на популяризацию творческо-

го наследия писателя, активное участие в организации которого (помимо библиотеки) теперь принимают местные культурно-досуговое учреждение, музей, картинная галерея и детская школа искусств, а также краевая писательская организация и Государственный музей литературы, искусства и культуры Алтая. Насыщенная культурно-досуговая программа мероприятия включает в себя богатый спектр форм работы, среди которых, например, литературно-художественный конкурс, творческая встреча с журналистами и писателями Алтайского края, тематический «круглый стол», фотодокументальная выставка, час художественного чтения, вокально-хореографическая и литературно-музыкальная композиция, книжно-иллюстративная выставка, торжественная церемония вручения краевой литературной премии имени И. Л. Шумилова, театральная постановка (инсценировка художественного произведения), презентация видеонекролога, церемония открытия мемориальной доски, издание библиографического указателя и многое другое. Совместная работа разнопрофильных учреждений сферы культуры в ходе организации и проведения этого литературного праздника позволяет соблюсти баланс между популяризаторской, культурно-просветительной, личностно-развивающей и рекреативной ориентациями мероприятия, гарантирует интерес местной публики к культурному событию.

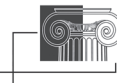
Значительный интерес к интеграции деятельности сельских учреждений культуры проявляет и *местная власть*; речь идёт о профильных структурных подразделениях районных и поселковых администраций – комитетах (отделах) по культуре, делам молодёжи, кино, спорту и т.д. С их точки зрения, партнёрские взаимоотношения между разными типами учреждений куль-

туры села – необходимое условие совершенствования качественных характеристик организованных культурно-досуговых практик сельчан, увеличения показателя средней частоты массовых и групповых культурных мероприятий. Опыт профессиональной рефлексии одного из участников фокус-групповой дискуссии позволил сделать оригинальное заключение о фундаментальном принципе, на котором строится регулярное межучрежденческое сотрудничество структур сферы культуры современного российского села: «*взаимодополнение вплоть до взаимозаменяемости*». Благодаря систематическому сотрудничеству, работники разнопрофильных учреждений культуры свободно заимствуют у вновь приобретённых коллег нехарактерные для их отрасли формы работы с различными категориями аудитории, достигают необходимого разнообразия форм культурно-досугового обслуживания населения, успешно работают в формате нестационарного (выездного) культурного обслуживания жителей отдалённых сельских территорий. Совместная работа клуба, библиотеки и музея строится на постановке общих социально-культурных целей, обеспечивает экономию материально-финансовых ресурсов.

Третьей заинтересованной стороной является сельская *аудитория*, комментирующая – устно или записями в книге отзывов – опыт совместной работы учреждений культуры в одобрительном ключе. Анализ записей свидетельствует, что такие масштабные и новые для сибирского села формы мероприятий, как литературные чтения, посвящённые писателями-землякам, «библионочь» с развлекательными мастер-классами, фестиваль поэзии и авторской песни с выездом на природу, интересны и сельской молодёжи, и представителям среднего и старшего возраста.

Метод фокус-групповой дискуссии был дополнен купированной версией метода картограммирования проблем микросоциума (также известного в литературе под другим названием – «проблемное колесо»), привлекаемого для «выяснения причин возникновения трудностей микросоциального ... развития» [3, с. 139, 143]. Участниками фокус-групповых дискуссий были определены два уровня наиболее серьёзных барьеров, препятствующих налаживанию отношений сотрудничества между учреждениями культуры [5, с. 127], причём препятствия второго уровня неявно провоцировали возникновение барьеров первого уровня. Например, к барьеру первого уровня diskutантами отнесено отсутствие научных рекомендаций по организации систематических контактов между сельскими учреждениями культуры; причиной его возникновения, по мнению респондентов, стали два препятствия второго уровня: 1) отсутствие запроса со стороны работников учреждений культуры в адрес методических служб на ведение специализированных методических разработок в области упорядочения во многом стихийного процесса межучрежденческого взаимодействия; 2) дефицит внимания методических служб к актуальным вопросам развития партнёрских контактов между разнопрофильными учреждениями культуры современного села. На момент исследования наиболее значимым был барьер, обозначенный участниками фокус-групповой дискуссии как «сознательное сопротивление сотрудников учреждений культуры налаживанию партнёрских взаимоотношений»; с точки зрения респондентов, он порождён четырьмя разными проблемами: 1) отсутствием научной концепции, в доступной форме объясняющей работникам сельских учреждений культуры состав целей, задач и технологий организации интегра-

ционных взаимоотношений и характеризующей ключевые проблемы и перспективы интеграционных процессов в системе деятельности структур муниципальной сферы культуры; 2) осознанием риска значительного увеличения рабочей нагрузки на сотрудников учреждений-партнёров без пропорционального роста размера заработной платы; 3) осознанием опасности возникновения межличностных либо производственных конфликтов между работниками учреждений, поддерживающими интеграционные отношения; 4) риск потери рабочего места в результате организационного слияния тесно сотрудничающих учреждений культуры и т.д.

Таким образом, анализ результатов исследования даёт основания для следующих заключений. Для возникновения и развития отношений регулярного сотрудничества между сельскими учреждениями культуры сложились объективные социально-экономические и политико-административные условия. С помощью партнёрских связей структуры сферы культуры – сельские клубы, библиотеки, музеи – надеются амортизировать тяжесть отрицательных последствий реформы местного самоуправления, закрепившей обязанности по ресурс-

ному обеспечению их деятельности за небогатými бюджетами сельских муниципалитетов. По мнению работников учреждений культуры, кооперация их труда, будучи вынужденной мерой, отнюдь не противоречит содержанию уставной деятельности организаций; при этом сотрудничество позволяет учреждениям работать над достижением крупных педагогических целей в процессе обслуживания культурных потребностей сельского сообщества. Вместе с тем нельзя отрицать наличие проблем, тормозящих развитие интеграционных процессов в системе деятельности структур сферы культуры современного российского сельского муниципалитета: это, во-первых, сознательный отказ от межучрежденческого сотрудничества, в частности, из-за страха работников перед сопряжённым с ним ростом трудовых нагрузок, во-вторых, недостаток внимания методических служб к урегулированию сложных вопросов, возникающих у участников интеграционного взаимодействия, а также ряд иных проблем. Авторы полагают, что в их удовлетворительном решении заключаются перспективы дальнейшего развития интеграционных контактов между организаторами культурной жизни в деревенской России.

Примечания

1. *Оленина Г. В., Фролова А. С.* Интеграция деятельности учреждений культуры села как фактор оптимизации досуга населения: история, теория, практика : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного института культуры, 2016. 199 с.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/>
3. *Трофимова Р. А.* Библиосоциология: научный статус, методология и методика : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного института культуры, 2002. 165 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/administration/21027>
5. *Фролова А. С.* Интеграция деятельности учреждений культуры села как фактор оптимизации досуга населения : дис. на соиск. учёи. степени кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Фролова Анна Сергеевна. Барнаул, 2016. 248 с. : ил.

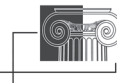

6. Фролова А. С. Феномен интеграции деятельности учреждений культуры отечественного сельского муниципалитета: из опыта исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2 (70). С. 163–168.
7. Ярошенко Н. Н., Чижиков В. М. Многофункциональные культурные центры в дискурсе современной российской культуры : монография. Москва : МГИК, 2017. 160 с.

References

1. Olenina G. V., Frolova A. S. *Integratsiya deyatel'nosti uchrezhdeniy kul'tury sela kak faktor optimizatsii dosuga naseleniya: istoriya, teoriya, praktika* [Integration of rural institutions of culture in improvement of non-urban areas population's leisure activities: history, theory, and practice]. Barnaul, Publishing house of the Alai State Institute of Culture, 2016. 199 p. (In Russian)
2. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 iyulya 2013 g. № 598 "O federal'noy tselevoy programme "Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda"* [Directive of Government of the Russian Federation of July 15, 2013, No. 598 "On Federal Target Program "Sustainable Development of Rural Areas for 2014–2017, till 2020"]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/> (In Russian)
3. Trofimova R. A. *Bibliosotsiologiya: nauchnyy status, metodologiya i metodika* [Sociology of librarianship: scientific status, methodology, and techniques]. Barnaul, Publishing house of the Alai State Institute of Culture, 2002. 165 p. (In Russian)
4. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 goda № 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On approval of the Fundamentals of the state cultural policy"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/administration/21027> (In Russian)
5. Frolova A. S. *Integratsiya deyatel'nosti uchrezhdeniy kul'tury sela kak faktor optimizatsii dosuga naseleniya. Diss. kand. ped. nauk* [Integration of the activity of rural cultural institutions as a factor in optimizing the leisure of the population. Cand. ped. sci. diss.]. Barnaul, 2016. 248 p. (In Russian)
6. Frolova A. S. The phenomenon of domestic rural municipal cultural institutions activity integration: research experience. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2016, no. 2 (70), pp. 163–168. (In Russian)
7. Yaroshenko N. N., Chizhikov V. M. *Mnogofunktsional'nye kul'turnye tsentry v diskurse sovremennoy rossiyskoy kul'tury* [Multifunctional cultural center in the context of the today's Russian cultural policy]. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 160 p. (In Russian)

*

ФОРМИРОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕТЕЙ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ORCID ID 0000-0001-7676-4638

SPIN-код: 1779-8603

УДК 374.1

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10517

А. Н. Игнаткин

Челябинский государственный институт культуры

В статье рассматривается эффективность целенаправленного процесса формирования аудиовизуальной культуры детей. Рассмотрены психолого-педагогические особенности формирования аудиовизуальной культуры младших школьников, подростков и старшеклассников. Исследовано использование аудиовизуальных технологий в качестве технических средств обучения. Представлен практический опыт реализации качественного процесса формирования аудиовизуальной культуры детей в системе дополнительного образования в ходе внедрения факультативного модуля «Основы аудиовизуальной культуры концертно-творческой деятельности».

Ключевые слова: аудиовизуальная культура, аудиовизуальные технологии, формирование аудиовизуальной культуры, учащиеся, образование, система дополнительного образования детей, дополнительное образование.

Anton N. Ignatkin

Chelyabinsk State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Ordzhonikidze str., 36A, 454091, Chelyabinsk, Russian Federation

THE FORMATION OF THE AUDIOVISUAL CULTURE OF CHILDREN IN INSTITUTIONS OF FURTHER EDUCATION

The article discusses the effectiveness of the targeted process of the formation of children's audiovisual culture. The psychological and pedagogical features of the formation of the audiovisual culture of younger students, adolescents and high school students are considered. The use of audiovisual technologies as a means of teaching is investigated. The practical experience of the implementation of the qualitative process of forming the audiovisual culture of children in the system of additional education during the implementation of the optional module "Fundamentals of the audiovisual culture of concert and creative activity" is presented.

Keywords: audiovisual culture, audiovisual technologies, the formation of audiovisual culture, students, education, the system of supplementary education for children, additional education.

ИГНАТКИН АНТОН НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного института культуры

IGNATKIN ANTON NIKOLAEVICH – graduate student of the Department of Pedagogy and Psychology, Chelyabinsk State Institute of Culture

e-mail: Ignatkin.anton@gmail.com

© Игнаткин А. Н., 2019

Для цитирования: Игнаткин А. Н. Формирование аудиовизуальной культуры детей в системе дополнительного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 151 – 160. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10517

Отправной точкой развития аудиовизуальной культуры можно считать начало XX века, когда был продемонстрирован первый фильм, имеющий звуковое сопровождение. С тех пор аудиовизуальные технологии претерпели различные модификации и плотно вошли в жизнь современного человечества (кинофильмы и телевидение, компьютерные и мобильные технологии, интернет-контент, мэппинг и цифровые перформансы, спектакли и мультимедийные сопровождения выступлений и т.д.).

Обращаясь к статистическим данным, отметим, что ключевым показателем востребованности продуктов аудиовизуальной культуры является интерес к кино, телевидению и Интернету.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ (2017), аудитория кинотеатров в России растёт, равно как и частота посещения. Доля граждан, практически не бывающих в кино, снизилась до 37% (с 54% в 2008 году), никогда не посещавших кино – до 5% (с 16% в 2011 году) [12, с. 184].

Ещё большие цифры показывает спрос на телевидение: более 80% населения России смотрят телевизор хотя бы раз в неделю, а две трети делают это каждый день (63%) [9].

Телепотребление россиян в 2017 году составляло в среднем 4 часа 2 минуты в сутки, хотя и наблюдалась тенденция снижения этого показателя у молодёжи и детей, которые смещали свои интересы в пользу Интернета [14].

Что касается жанрового многообразия аудиовизуального контента телевидения, то в 2017 году, согласно исследованию АЦ НСК, самой крупной жанровой единицей стали телесериалы – 23% (год ра-

нее – 21%), затем – художественные фильмы (16%), а далее мультипликация и развлекательные программы (по 11%) [14, с. 37].

Тенденция смещения зрительской аудитории в сторону Интернета продолжается, чему способствует рост индекса цифровой грамотности по России, который увеличился на 5,7% и на данный момент составляет 5,99 пунктов по десятибалльной шкале [8].

Вследствие этого растёт и влияние аудиовизуальных технологий, демонстрирующих ценностные ориентиры, культурно-исторические традиции и нравственные воззрения современного общества.

Обращаясь к влиянию Интернета на младшее поколение, эксперты «Лаборатории Касперского» провели исследование «Растим детей в эпоху Интернета», данные которого показывают, что уровень ежедневного использования Интернета детьми практически уже достиг своего максимума: в 2010 году каждый день выходили в сеть 82% подростков, а в 2016-м – уже 92%. При этом около 80% детей проводят в Сети в среднем три часа в день, а каждый седьмой – 8 часов и более. Пользователи младшей возрастной группы (8 – 10 лет) не так сильно привязаны к Интернету: почти постоянно присутствуют в Сети менее половины российских малышей (40%) [1].

При этом целевое использование возможностей Интернета выглядит следующим образом: для общения с друзьями – 73,5%, компьютерных игр – 73%, просмотра видео с приколами и смешных картинок – 68,5%, просмотра фильмов, сериалов и прослушивания музыки – 55%, для

подготовки к учёбе – 45,5%, для осуществления покупок – 7,5% [7].

Соответственно, именно аудиовизуальные технологии в современном обществе становятся наиболее актуальным как источником информации, способом развлечения в свободное время, так и способом творческого самовыражения детей.

Анализ «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» показал, что воспитание высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные ценности (в том числе художественно-эстетические), обладающей актуальными знаниями и умениями в сфере аудиовизуальной культуры, способной реализовать свой потенциал в условиях современного информационного общества, соотносится с приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей [13].

Существует необходимость целенаправленного педагогического воздействия на формирование аудиовизуальной культуры детей, которая представляет собой «соотношение знаний, умений и навыков восприятия, адекватной художественной оценки и творческого использования потенциала визуальной (книжной, изобразительной, фотографической, художественно-зрительной) информации, аудиовизуальной (кино, видео, телевидение) и аудиоинформации (медиазвуковой)» [18, с. 48 – 49].

Эффективность процесса формирования аудиовизуальной культуры детей зависит от различных факторов, одним из которых является учёт возрастных особенностей детей и, соответственно, социально-психологической мобильности их потребностей в разном возрасте.

Перцептивное восприятие звука и изображения происходит ещё в младенческом возрасте, в так называемом сензитивном пе-

риоде развития человека (0 – 6 лет), соответственно, формирование аудиовизуальной культуры стоит начинать в этот период (экология зрительской культуры и родительский контроль), но, учитывая ведущий вид деятельности в этот период (игра), начало основного целенаправленного педагогического процесса приходится на младший школьный возраст (ведущий вид деятельности – обучение). Необходимо отметить, что дальнейшее развитие, приобщение к художественно-эстетическому миру аудиовизуальных искусств через аудиовизуальную коммуникацию происходит на протяжении всей жизни.

Одной из социокультурных площадок для формирования аудиовизуальной культуры детей может служить дополнительное образование, которое не является обязательным, осуществляется на добровольной основе, привлекает атмосферой доброжелательности, взаимозаботы, творчества и, как следствие, направлено на удовлетворение индивидуально-групповых потребностей [16].

Государством регламентированы рамки бесплатного дополнительного образования: от 6 до 18 лет, но на коммерческой основе возможно и раннее развитие по желанию родителей.

Таким образом, учитывая специфику системы дополнительного образования, следует рассмотреть возрастные особенности младших школьников, подростков и старшеклассников.

Изучение возрастной психологии проводилось такими учёными, как Л. С. Выготский [5], М. В. Гамезо [6], В. С. Мухина [10], Р. С. Немов [11], Л. М. Орлова [6] и другие, при этом вопросы медиаобразования школьников (аудиовизуального в том числе) освещали в своих исследованиях Л. М. Баженова [2], Е. А. Бондаренко [4], С. Н. Пен-

зин [3], Ю. Н. Усов [15], А. В. Фёдоров [17], И. В. Челышева [19], А. В. Шариков [21] и другие.

Психолого-педагогические особенности младшего школьного возраста:

- ведущий вид деятельности – обучение;
- важный период интеллектуального, физического и психоэмоционального развития; высокая познавательная активность, любознательность; интерес к зрелищным видам искусства;

- имеется обширный аудиовизуальный опыт: активный просмотр кинофильмов, сказок, мультфильмов; дети являются объектами рекламы; владеют навыками обращения с компьютерными гаджетами, планшетами, смартфонами (детские каналы на YouTube и т.п., приложения, компьютерные игры, социальные сети и т.п.);

- восприятие тесно связано с эмоциями, всё увиденное на экране принимается за истину; в аудиовизуальных произведениях важна история, декорации, музыкальное оформление и спецэффекты;

- возникновение различных психоэмоциональных трудностей вследствие растущего потока информации и интравертного общения с техническими средствами: клиповое мышление; трудности в познавательной деятельности и поисковых навыках; критической оценки и субъективной позиции к полученной информации; рассеянное внимание, проблемы с изложением связного логического текста; ограниченность творческой индивидуальности из-за стереотипности суждений; трудности в налаживании межличностного общения; идентификация себя с героями фильмов и компьютерных игр и, как следствие, проявление ценностного конфликта из-за несоответствия виртуального мира экрана и реальной жизни, что влияет на становление мировоззрения, сферу общения и жизненные ориентиры;

- задачами развития аудиовизуальной культуры являются: развитие аудиовизуального восприятия; художественно-эстетическая деятельность; осмысление результатов восприятия и оценка аудиовизуальных произведений и продуктов; освоение знаний о возможностях аудиовизуальных выразительных средств [2, с. 6];

- основными формами работы выступают: аудиовизуальные познавательные (в том числе компьютерные) игры, творческие задания (создание видеоролика или мультфильма, подбор аудиосопровождения к фрагментам видео или визуального ряда к музыкальному фрагменту, озвучка героев фильма, игровая имитация телепередач и т.д.), конкурсы, обсуждение фрагментов, беседы и т.п. [20, с. 101 – 110].

Из этого можно сделать следующий вывод – формирование аудиовизуальной культуры детей способствует их нравственно-эстетическому, интеллектуальному развитию, развитию речи, коммуникативных качеств, познавательных и когнитивных способностей [20, с. 7].

Психолого-педагогические особенности подросткового возраста:

- ведущий вид деятельности – общение со сверстниками;

- центральное новообразование – в результате физиологической перестройки организма возникает чувство взрослости, качественный сдвиг в самосознании, определяющий новую жизненную позицию, отношение с окружающими, интересы, особенности познавательной и учебной деятельности, содержание морально-этических норм, опосредующих поведение [5, с. 126 – 128];

- наблюдаются негативизм, противоречия и конфликты в школе и семье (упрямство, грубость, непослушание, сопротивление, строптивость, скрытность, замкнутость);

тость и т.д.), которые могут быть нивелированы тёплыми дружескими отношениями, взаимопониманием [11, с. 124];

- проявляется социальная активность, направленная на проектирование своей личности, будущего и усвоение определённых способов поведения, норм и ценностей, приемлемых отношений с взрослыми и сверстниками; как следствие – интерес к новым видам деятельности;

- интерес к общению способствует осознанию таких ценностей, как дружба, сотрудничество, взаимопомощь; конфликты в среде сверстников приводят к эмоциональным переживаниям (замыканию в себе, избеганию общения, агрессии или, наоборот, привлечению внимания), а дефицит реального общения приводит к компенсации его при помощи мультимедийных (в том числе аудиовизуальных) средств, где моделируется виртуальная ситуация успеха;

- процесс самоутверждения подростка сопровождается чувствительностью по отношению к оценке собственных качеств, успеху, неудаче; стремлением получить одобрение, уважение тех людей, чьё мнение им важно;

- половое созревание стимулирует повышенное внимание к противоположному полу, новым ощущениям, переживаниям и чувствам, как результат интерес к аудиовизуальным продуктам и произведениям для взрослых;

- наблюдается пик интереса к мультимедиа для усвоения чужого опыта, что может перерасти в зависимость; аудиовизуальные произведения оказывают влияние на мировоззрение, ценности и жизненные приоритеты подростка; нередко подражания героям экранных произведений и компьютерных игр и проявление насилия;

- складывается потребительский характер к произведениям аудиовизуальной

культуры, обусловленный веяниями моды, мнениями других людей, без анализа художественного содержания или моральных ценностей;

- существует необходимость воспитания зрительской культуры; художественно-эстетического восприятия, интерпретации и оценки информации;

Таким образом, формирование аудиовизуальной культуры у подростков нацелено на художественно-эстетическое развитие личности, обогащение ассоциативного поля, развитие критического мышления, реализацию творческого потенциала, формирование равновесия в эмоциональном и интеллектуальном познании мира и самого себя [20, с. 110 – 120].

Психолого-педагогические особенности старшекласников:

- ведущий вид деятельности – обучение, ориентированное на подготовку к будущей трудовой деятельности;

- завершается процесс социализации личности; овладения собственными чувствами и эмоциями, внутреннего мира; нравственного выбора, утверждаются мировоззрение и ценностные ориентации;

- характерен рост самостоятельности, процессов саморазвития, самокритики, самоконтроля и самовоспитания;

- в дружбе на первый план выходят понимание, искренность, взаимопомощь; избирательность в общении не редко зависит от схожести интересов и вкусов (в том числе и в области экранных предпочтений);

- экранная культура оказывает воздействие на становление мировоззрения и нравственных убеждений старшекласника;

- проявляется интерес к аудиовизуальному творчеству (любительскому видео, фотграфиям, созданию собственных видеороликов, анимации или видеоблогу);

- отношение к мультимедиа остаётся потребительским, в качестве источника развлечения, что влияет на природную любознательность и сказывается на познавательной активности, ведёт к некритическому отношению к информационному потоку;

- с одной стороны, повышается интерес к интернет- и сетевым сообществам, с другой – нередко коммуникационные барьеры в реальной жизни;

- основными формами формирования аудиовизуальной культуры выступают: разработка сценариев аудиовизуальных произведений; деловые игры; создание собственных видеороликов, фильмов, аудиовизуальных продуктов; обсуждение и оценка аудиовизуальных произведений и т.д. [20, с. 120 – 123].

Таким образом, формирование аудиовизуальной культуры у старшеклассников способствует развитию интеллекта и эмоций; становлению мировоззрения; различных видов мышления, художественно-творческой деятельности, восприятия, навыков интерпретации, эстетической оценке аудиовизуальных произведений [15, с. 75].

Подводя итог анализу возрастных особенностей в формировании аудиовизуальной культуры детей, хотелось бы отметить, что практически все их стороны жизни связаны с мультимедийными технологиями (телевидение, кино, Интернет, компьютерные игры).

Основными формами аудиовизуального влияния на детей на телевидении выступают: мультфильмы и кинофильмы, захватывающие сюжетной линией и аудиовизуальными средствами выражения; интерактивные программы, где происходит взаимодействие зрителя с экраном; телевизионная игра, которая вовлекает его в мир общения и социокультурных импровизаций, но не способствует самостоятельности мышления; сериалы и реалити-шоу, где они имеют возможность «подсмотреть» и

приобрести жизненный опыт; реклама, в которой наличие мультипликации и сказочных героев привлекает юных зрителей; музыкальные клипы, пользующиеся популярностью вследствие интереса к музыкальной поп-культуре.

Использование аудиовизуальных технологий в качестве технических средств обучения (видеопрезентации, виртуальные экскурсии, цифровые образовательные ресурсы, справочники, наглядные пособия и т.д.) повышает интерес к образовательному процессу.

При этом бесконтрольное использование аудиовизуальных технологий, низкая пробность многих аудиовизуальных произведений и отсутствие художественно-культурной нагрузки имеет большое количество отрицательных последствий, таких как вред физическому и психическому здоровью (ухудшение зрения и осанки, ожирение и т.д.); интернет-зависимость; поверхностное, клиповое восприятие и мышление; конфликт виртуальной (экранной) реальности с действительностью; соотнесение себя с героями экранных образов; манипулирование подсознанием подрастающего поколения; пропаганда экранного насилия.

Одним из возможных способов осуществить качественный процесс формирования аудиовизуальной культуры детей в системе дополнительного образования является включение факультативного модуля «Основы аудиовизуальной культуры концертно-творческой деятельности» в образовательную программу творческих направлений (хореографических, театральных, музыкальных, изобразительных студий, театра мод и т.д.). Внедрение может проводиться штатным или приглашённым специалистом: методистом по информатизации (медиапедагогом), руководителем объединения, прошедшим соответствующее повышение квалификации, и т.д.

В состав такого модуля должны входить: демонстрация возможностей аудиовизуального сопровождения концертных и творческих выступлений; анализ и критическая оценка их использования в своей творческой деятельности; обучение основам аудиовизуальной культуры и аудиовизуального восприятия; технология внедрения в концертно-творческую деятельность того или иного направления; разработка и этапы создания аудиовизуального сопровождения выступления.

Включение данного модуля способствует развитию художественно-эстетического вкуса, знакомит с культурно-историческим наследием общества; улучшает восприятие художественной картины мира и понятия прекрасного; расширяет кругозор детей в области интегрирования информационных технологий в определённое творческое направление, что повышает конкурентоспособность на творческих конкурсах и содействует творческим достижениям. Всё это положительно влияет на освоение аудиовизуальной грамотности и способствует формированию аудиовизуальной культуры подрастающего поколения.

Практическая реализация внедрения факультативного модуля «Основы аудиовизуальной культуры концертно-творческой деятельности» в дополнительном образовании проходила на базе Муниципального автономного учреждения дополнительного образования «Дворец детского творчества г. Челябинска». Модуль был внедрён в творческие коллективы хореографического и театрального направлений, общей численностью 567 человек в возрасте от 6 до 18 лет. За время проведения экспериментальной работы уровень аудиовизуальной культуры младших школьников (6 – 10 лет) повысился на 27%, детей под-

росткового возраста (12 – 14 лет) на 42%, наибольший прирост отмечался у старшеклассников и составил 58%.

Таким образом, процесс формирования аудиовизуальной культуры существенно отличается в разных возрастных категориях. В младшем школьном возрасте у детей несовершеннолетним является процесс критической оценки содержательной характеристики аудиовизуальных произведений и практически отсутствует возможность творческой реализации собственных аудиовизуальных продуктов из-за сложности технологии. А вот старшеклассники, напротив, не только проявляют повышенный интерес к внедрению аудиовизуальных технологий, но и обладают достаточным культурно-ценностным опытом, чтобы оценить художественную и содержательную задумку того или иного аудиовизуального произведения. К тому же приобретение дополнительных навыков создания мультимедийного контента становится одним из факторов профессионального самоопределения и самосовершенствования старшеклассников.

Подводя итог, отметим, что целенаправленное формирование аудиовизуальной культуры детей способствует становлению культурных, социальных, нравственных, духовных ценностей, норм и установок; развитию познавательных интересов; расширению кругозора; повышению интеллектуального и общекультурного уровня; расширению у подрастающего поколения представлений об ожидающих его во взрослой жизни социальных ролях [20, с. 94]. Процесс формирования аудиовизуальной культуры стоит начинать с раннего детства и продолжать в течение всей жизни, учитывая социально-психологическую мобильность потребностей в разном возрасте.

Примечания

1. 56% детей постоянно в Сети: Россия обгоняет Европу и США по показателю интернет-увлечённости [Электронный ресурс] / Лаборатория Касперского [веб-сайт]. Электрон. дан. 12 мая 2016 года. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16
2. *Баженова Л. М.* Медиаобразование школьника (1 – 4 классы). Пособие для учителя. Москва : Изд-во Российской академии образования, 2004. 55 с.
3. *Баранов О. А., Пензин С. Н.* Фильм в воспитательной работе с учащейся молодёжью : учебное пособие / Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». Тверь : Тверской государственный университет, 2005. 187 с. : ил., табл.
4. *Бондаренко Е. А.* Формирование медиакультуры подростков // Медиаобразование сегодня : содержание и менеджмент = Modern media education: content & management : материалы международной научно-практической конференции / [отв. ред. А. В. Фёдоров]. Москва [и др.], 2002.
5. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. Москва : Педагогика, 1991. 480 с.
6. *Гамезо М. В., Орлова Л. М., Петрова Е. А.* Возрастная и педагогическая психология. Москва : Педагогическое общество России, 2003. 512 с.
7. Дети в сети: цифры и комментарии экспертов [Электронный ресурс] / Компания Афиша : [веб-сайт]. Электрон. дан. 4 июня 2018 года. URL: <https://www.afisha.ru/article/deti-v-seti-cifry-i-kommentarii-ekspertov>
8. Интернет в России в 2017 году. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] : отраслевой отчёт / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям ; под общей редакцией К. Р. Казаряна. URL: <http://fapmc.ru/mobile/activities/reports/2018/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf>
9. Как часто и зачем люди смотрят телевизор [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/14029>
10. *Мухина В. С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник. 7-е издание, стереотипное. Москва : Академия, 2003. 456 с. (Высшее образование).
11. *Немов Р. С.* Психология : учебник для студентов высших педагогических учебных заведений : в 3 книгах. 3-е издание. Москва : Владос, 1998. Книга 1 : Общие основы психологии. 687 с.
12. Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах [Электронный ресурс] / АИС «Статистическая отчётность отрасли» ; под общей редакцией А. В. Журавского. URL: <http://mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf>
13. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года от 29 мая 2015 года № 996-р [Электронный ресурс] / Правительство России. URL: http://dop.edu.ru/upload/file_api/f0/d1/f0d11924-ce73-466c-965b-cca85531ef3e.pdf
14. Телевидение в России в 2017 году. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] : отраслевой отчёт / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям ; под общей редакцией Е. Л. Вартаковой и В. П. Коломийца. URL: <http://fapmc.ru/mobile/activities/reports/2018/teleradio/main/custom/0/01/file.pdf>
15. *Усов Ю. Н.* Основы экранной культуры // Искусство в школе. 2005. № 6. С. 73 – 78.
16. Федеральная целевая программа «Развитие дополнительного образования детей в Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // Внешкольник : [веб-сайт]. URL: <http://www.dop-obrazovanie.com/dlya-pedagogov/v-pomoshch-pedagogam/normativnye-akty-i-dokumenty/560-federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-dopolnitelnogo-ob-razovaniya-detej-v-rossijskoj-federatsii-do-2020-goda>
17. *Фёдоров А. В.* Права ребёнка и проблема насилия на российском экране : монография. Таганрог : Изд-во Кучма Ю. Д., 2004. 41 с. : табл.
18. *Хилько Н. Ф.* Аудиовизуальная культура : словарь : (учебное пособие для вузов культуры и искусства) / Сибирский филиал Российского института культурологии, Омский

государственный университет, Факультет культуры и искусства, Кафедра социально-культурной деятельности. Омск, 2000. 149 с.

19. Чельшева И. В. Медиаобразование для родителей: освоение семейной медиаграмотности / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 184 с.
20. Чельшева И. В. Методика и технология медиаобразования в школе и вузе : [монография] / Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Таганрогский государственный педагогический институт». Таганрог : Таганрогский государственный педагогический институт, 2009. 319 с. : табл.
21. Шариков А. В. Возрастные особенности телевизионных ориентаций школьников : по материалам обследования московских школьников : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 / АПН СССР. НИИ художественного воспитания. Москва, 1989. 216 с.

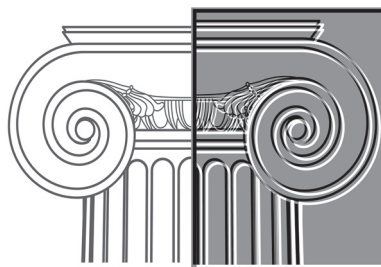
References

1. 56% detey postoyanno v Seti: Rossiya obgonyayet Evropu i SSHA po pokazatelyu internet-uvlechonnosti [56% of children are constantly online: Russia overtakes Europe and the USA in terms of Internet enthusiasm]. Available at: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2016_news-12-05-16 (In Russian)
2. Bazhenova L. M. *Mediaobrazovanie shkol'nika (1 – 4 klassy). Posobie dlya uchitelya [Media education of a schoolchild (grades 1 – 4). The manual for the teacher]*. Moscow, Publishing House of the Russian Academy of Education, 2004. 55 p. (In Russian)
3. Baranov O. A., Penzin S. N. *Fil'm v vospitatel'noy rabote s uchashcheysya molodezh'yu [The film in educational work with students]*. Tver, Published by Tver State University, 2005. 187 p. (In Russian)
4. Bondarenko E. A. Formirovanie mediakul'tury podrostkov [The formation of media culture of adolescents]. In: Fedorov A. V., ed. *Modern media education: content & management. Materials of the international scientific-practical conference*. Moscow, etc., 2002. (In Russian)
5. Vygotzky L. S. *Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]*. Moscow, Publishing house "Pedagogy", 1991. 480 p. (In Russian)
6. Gamezo M. V., Orlova L. M., Petrova E. A. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya [Age and pedagogical psychology]*. Moscow, Published by Pedagogical Society of Russia, 2003. 512 p. (In Russian)
7. *Deti v seti: tsifry i kommentarii ekspertov [Children online: numbers and expert comments]*. Available at: <https://www.afisha.ru/article/deti-v-seti-cifry-i-kommentarii-ekspertov> (In Russian)
8. Kazaryan K. R., ed. *Internet v Rossii v 2017 godu. Sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy otchet [Internet in Russia in 2017. Status, trends and development prospects: industry report]*. Available at: <http://fapmc.ru/mobile/activities/reports/2018/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf> (In Russian)
9. *Kak chasto i zachem lyudi smotryat televizor [How often and why do people watch TV]*. Available at: <http://fom.ru/SMI-i-internet/14029> (In Russian)
10. Mukhina V. S. *Vozrastnaya psikhologiya: fenomenologiya razvitiya, detstvo, otrochestvo [Age psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence]*. 7th edition. Moscow, Publishing house "Academia", 2003. 456 p. (In Russian)
11. Nemov R. S. *Psikhologiya. V 3 knigakh. Kniga 1: Obshchie osnovy psikhologii [Psychology. In 3 books. Book 1: General Fundamentals of Psychology]*. 3rd edition. Moscow, Humanities Publishing Center "VLADOS", 1998. 687 p. (In Russian)
12. Zhuravsky A. V., ed. *Statistika kul'tury 2016. Ezhegodnoe spravochnoe izdanie o sostoyanii kul'tury Rossiyskoy Federatsii v tsifrakh [Culture statistics 2016. The annual reference publication on the state of culture of the Russian Federation in numbers]*. Available at: <http://mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf> (In Russian)
13. *Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda ot 29 maya 2015 goda № 996-r [The development strategy of education in the Russian Federation for the period until 2025 dated May 29, 2015 No. 996-r]*. Available at: http://dop.edu.ru/upload/file_api/f0/d1/f0d11924-ce73-466c-965b-cca85531ef3e.pdf (In Russian)

14. Vartanova E. L., Kolomiys V. P., eds. *Televidenie v Rossii v 2017 godu. Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy otchet [Television in Russia in 2017. Status, trends and development prospects: industry report]*. Available at: <http://fapmc.ru/mobile/activities/reports/2018/teleradio/main/custom/0/01/file.pdf>
15. Usov Yu. N. Osnovy ekrannoy kul'tury [Fundamentals of screen culture]. *Iskusstvo v shkole [Art at school]*. 2005, no. 6, pp. 73 – 78. (In Russian)
16. Federal'naya tselevaya programma "Razvitie dopolnitelnogo obrazovaniya detey v Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda" [Federal target program "Development of additional education of children in the Russian Federation until 2020"]. *Vneshkol'nik [Out-of-school student]*. Available at: <http://www.dop-obrazovanie.com/dlya-pedagogov/v-pomoshch-pedagogam/normativnye-akty-i-dokumenty/560-federalnaya-tselevaya-programma-razvitie-dopolnitelnogo-ob-razovaniya-detey-v-rossijskoj-federatsii-do-2020-goda> (In Russian)
17. Fedorov A. V. *Prava rebenka i problema nasiliya na rossiyskom ekrane [Rights of the child and the problem of violence on the Russian screen]*. Taganrog, Publishing house "Kuchma Yu. D.", 2004. 41 p. (In Russian)
18. Khil'ko N. F. *Audiovizual'naya kul'tura: slovar': (uchebnoe posobiye dlya vuzov kul'tury i iskusstva) [Audiovisual culture: dictionary: (textbook for high schools of culture and art)]*. Omsk, 2000. 149 p. (In Russian)
19. Chelysheva I. V. *Mediaobrazovanie dlya roditeley: osvoenie semeynoy mediagramotnosti [Media education for parents: mastering family media literacy]*. Taganrog, Publishing house of the Taganrog Institute of Technology, Southern Federal University, 2008. 184 p. (In Russian)
20. Chelysheva I. V. *Metodika i tekhnologiya mediaobrazovaniya v shkole i vuze [Methodology and technology of media education at school and university]*. Taganrog, Publishing house of the Taganrog State Pedagogical Institute, 2009. 319 p. (In Russian)
21. Sharikov A. V. *Vozrastnye osobennosti televizionnykh orientatsiy shkol'nikov: po materialam obsledovaniya moskovskikh shkol'nikov. Diss. kand. ped. nauk [Age features of television orientations of schoolchildren: based on a survey of Moscow schoolchildren. Cand. ped. sci. diss.]*. Moscow, 1989. 216 p. (In Russian)

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ УЧАСТИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.14:02

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10518

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена вопросу реализации практико-ориентированного подхода в подготовке бакалавров библиотечно-информационной деятельности. Организация участия представителей практики как требование Федерального государственного образовательного стандарта рассматривается в рамках стратегического подхода в библиотечно-информационном образовании. Поставлена задача педагогической оптимизации взаимодействия институтов библиотечной профессии и библиотечно-информационного образования. Доказана эвристичность стратегического подхода для организации участия представителей практики в подготовке бакалавров библиотечно-информационной деятельности. Определены основные форматы реализации педагогической стратегии участия практиков в образовательном процессе: практика, проектные практикумы и другие. Подробно рассмотрены участие в режиме «полный курс», участие в режиме «кооперация», участие в режиме «коллаборация», участие в режиме специальных профессиональных мероприятий. Представлены примеры апробации данных решений в МГИК с участием ведущих библиотек и представителей отраслевой практики. Обозначены проблемы реализации инновационных форм организации участия представителей практики в образовательном процессе по направлению «Библиотечно-информационная деятельность».

Ключевые слова: библиотечно-информационное образование, бакалавр библиотечно-информационной деятельности, практико-ориентированный подход, стратегический подход, теория и методика библиотечно-информационного образования, педагогическая стратегия, взаимодействие образования и практики, Московский государственный институт культуры.

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: dreitser@yandex.ru

© Лопатина Н. В., 2019

Nataliya V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR THE PARTICIPATION
OF EMPLOYERS IN THE EDUCATIONAL PROCESS:
THE EXAMPLE OF LIBRARY AND INFORMATION EDUCATION

The article is devoted to the implementation of a practice-oriented approach in the preparation of bachelors of library and information activity. The organization of participation of representatives of practice as a requirement of the Federal state educational standard is considered in the framework of a strategic approach in library and information education. The task of pedagogical optimization of interaction of institutes of library profession and library and information education is set. The heuristics of the strategic approach for the organization of participation of representatives of practice in preparation of bachelors of library and information activity is proved. The main formats of implementation of the pedagogical strategy of participation of practitioners in the educational process are defined: practice, project workshops and others. In detail the participation in the "full course", participation in the "cooperation", participation in "collaboration", participated in a special professional events. Examples of approbation of these solutions in the MSIC with the participation of leading libraries and representatives of industry practice are presented. The problems of implementation of innovative forms of organization of participation of representatives of practice in the educational process in the direction of "Library and information activities".

Keywords: library and information education, bachelor of library and information activity, practice-oriented approach, strategic approach, theory and methodology of library and information education, pedagogical strategy, interaction of education and practice, Moscow State Institute of Culture.

Для цитирования: Лопатина Н. В. Педагогические стратегии участия работодателей в образовательном процессе: на примере библиотечно-информационного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 162–171. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10518

Ключевым ориентиром современной системы высшего профессионального образования выступает практико-ориентированный подход, в основе которого – гармоничное сочетание фундаментального образования с прикладной подготовкой, формирующей адекватные представления о профессиональной деятельности и её условиях, минимальный опыт практической деятельности, готовность быстро интегрироваться в «реальный производственный процесс» для самостоятельного выполнения трудовых функций и действий.

Реализация практико-ориентированного подхода в подготовке библиотекарей определена Федеральным государственным

образовательным стандартом высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.06 – «Библиотечно-информационная деятельность», утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 6 декабря 2017 года N 1182 [7]. Определена доля традиционного для высшей школы практического обучения – учебной и производственной практики, в ходе которой будущие библиотекари получают возможность приложить в реальных условиях практической деятельности знания, умения и владения, полученные в процессе теоретического обучения.

Для реализации практико-ориентированного обучения ФГОС регламентирует

участие специалистов-практиков в образовательном процессе. Для подготовки бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» «не менее 5 процентов численности педагогических работников Организации, участвующих в реализации программы бакалавриата, и лиц, привлекаемых Организацией к реализации программы бакалавриата на иных условиях (исходя из количества замещаемых ставок, приведённого к целочисленным значениям), должны являться руководителями и (или) работниками иных организаций, осуществляющими трудовую деятельность в профессиональной сфере, соответствующей профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники (иметь стаж работы в данной профессиональной сфере не менее 3 лет)» [7].

Вместе с тем регламентирующие документы определяют лишь рамочные организационно-педагогические условия, обязательные для исполнения, но, как показывает практика библиотечно-информационного образования, не всегда разделяемые и осознаваемые профессиональным сообществом отрасли в качестве значимых элементов системы подготовки библиотекарей.

Взаимодействие институтов профессии и образования – одна из наиболее дискуссионных тем современного библиотечно-информационного сообщества, которая обсуждается на разных площадках – от площадок, организуемых Министерством культуры и Российской библиотечной ассоциацией, до специализированных групп социальной сети «Фейсбук». Традиционный характер подобных дискурсивных практик исходит из диалектического противоречия должного и сущего, которое всегда существовало в отраслевом профессиональном образовании, но обострилось в условиях масштабных трансформаций библиотечно-

го дела и объёмной профессиональной миграции в отрасль специалистов, не имеющих системного библиотечно-информационного образования.

Следует отметить и принципиальное различие в подходе к кадровому потенциалу отрасли:

- «практики» **тактически** ориентированы: им необходимы «работники», которые уже сегодня немедленно встроится в производственный процесс и начнут выполнять трудовые действия в рамках конкретной трудовой функции;

- «педагоги» **стратегически** ориентированы: они формируют поколение профессионалов, которое будет реализовывать функционирование и развитие отрасли на протяжении нескольких десятилетий. Именно это и определяет сложную, мультипарадигмальную методологию (теоретико-методологические основания) библиотечно-информационного образования. Она представлена коммуникацией гуманитарно-ориентированного, компетентностного, маркетингового, коэволюционного и опережающего подходов, что позволяет соразмерить профессиональные обязанности современных библиотекарей с меняющимися социальными задачами библиотечной профессии [4, с. 283–322].

Сложность ситуации в библиотечно-информационном деле объясняется и отсутствием официального инструмента трансфера социального запроса отраслевой практики системе образования – профессионального стандарта. Между тем, экстраполируя тенденции, мы можем предположить, что и принятие профессионального стандарта не гарантирует консенсуса образования и практики. Для разрешения существующих противоречий мы предлагаем **педагогическую оптимизацию** взаимодействия профессорско-преподава-

тельского состава вуза и представителей библиотечной практики в подготовке библиотечарей нового поколения в русле интеграции *стратегического подхода* в теорию и методику библиотечно-информационного образования.

Экстраполируя методологические разработки стратегического подхода И. А. Зимней [1, с. 255–256] на современное библиотечно-информационное образование, мы представляем его как системное, лежащее в основе общей стратегии проектирования процесса подготовки будущих библиотечарей на период освоения основной профессиональной образовательной программы. *Педагогическая стратегия* – направленность внимания профессорско-преподавательского коллектива и представителей практики, участвующих в образовательном процессе, на педагогическую цель и выстраивание системы педагогических воздействий в соответствии с идеальным представлением о конечном результате – профессионале библиотечно-информационной деятельности, который, во-первых, обладает определёнными в ФГОСе компетенциями, во-вторых, отвечает актуальным требованиям и вызовам сегодняшней практики, в-третьих, выступает актором трансфера нового знания и инструментария в библиотечно-информационную практику (в русле опережающего и коэволюционного подходов [6; 7]). Таким образом, мы ставим вопрос о консенсуальной выработке единой цели, которой и будут подчинены все педагогические и организационно-педагогические действия в рамках одного образовательного проекта (одной основной профессиональной образовательной программы).

Лабораторией социально-информационных технологий МГИК инициирован пилотный проект взаимодействия отраслевого образования и практики с рабочим на-

званием «Партнёры МГИК – библиотекарям нового поколения», который был реализован в 2019 году.

Разработанная педагогическая стратегия участия практиков библиотечно-информационной деятельности в подготовке будущих библиотечарей включала следующие форматы их взаимодействия и виды участия в образовательном процессе:

1. *Практика* в объёме и видах, предпринятых ФГОС. Содержание, методики, организационно-педагогические условия реализации практики студентов, обучающихся по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», были научно обоснованы, спроектированы и представлены профессиональному сообществу в докладе на Тринадцатых Денисьевских чтениях в г. Орле [2, с. 164–173].

2. Инновационная форма реализации практико-ориентированного обучения – проектная деятельность в формате *проектных практикумов*, включённых в учебный план основной профессиональной образовательной программы. Реализация данной формы обоснована и апробирована в докладе на Двенадцатых Денисьевских чтениях [5, с. 189–194].

3. *Участие в режиме «полный курс»*, закрепляющее за представителем практики преподавание определённой дисциплины. Данный формат – наиболее распространённый и удобный своей понятностью для формализованных систем оценки качества образовательного процесса. Вместе с тем многолетний опыт показывает, что эффективность данный формат имеет лишь в том случае, если представитель практики мотивированно и долгосрочно, а не ситуативно и эпизодически, встроен в образовательный процесс. Необходимо, чтобы он обладал ключевыми педагогическими компетенциями, а не только опытом публичных высту-

плений и проведения занятий в системе дополнительного образования. Требуется готовность к реализации «полного цикла» преподавания дисциплины: от разработки концепции до её встраивания в ОПОП, от трансляции учебного материала до эффективных технологий закрепления и текущей проверки знания, самостоятельного создания учебно-методических разработок и оценочных средств. В данном случае речь идёт именно о реализации стратегического подхода: о понимании междисциплинарных связей; о дидактических решениях, позволяющих раскрыть логику профессионального знания, трудовых функций и действий от простого к сложному, от элементарных, азбучных истин к основам профессионального мастерства;

4. Участие в режиме «кооперация» предполагает совместную педагогическую деятельность штатного педагога и представителя практики в рамках преподавания одной дисциплины. При этом опыт показывает целесообразность следующей модели: совместная разработка концепции и содержательной структуры дисциплины, их дидактическая экспликация профессиональным педагогом (в том числе разработка или адаптация «частной дидактики», проектирование познавательной деятельности студентов, разработка системы оценочных средств, создание методических материалов), совместная реализация контактных форм работы (занятия лекционного типа, как правило, проводит педагог, представитель практики проводит практические занятия в режиме мастер-класса, «профессиональной лаборатории», деловых игр и т.д.). Данный режим участия удобен с точки зрения повседневной практики организации и документного обеспечения образовательного процесса в соответствии с аккредитационными требованиями.

Одной из результативных форм реализации такой модели выступает привлечение к преподаванию представителей практики, которые проходят обучение в аспирантуре без отрыва от производства (аспиранты-«заочники») или работают над диссертацией без освоения программы подготовки научно-педагогических кадров («соискатели»). Этот вариант позволяет интегрировать в образовательный процесс самые новые разработки и технологические решения, имеющие значение для развития отрасли.

5. Участие в режиме «коллаборация» предполагает привлечение к преподаванию одной дисциплины двух и более людей в формате тематических занятий, встроённых в содержательную структуру дисциплины.

Данная модель имеет высокую педагогическую эффективность для будущих библиотечарей, так как для целого ряда «профессиональных» дисциплин по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» необходимо освоение информационного **разнообразия** социокультурной феноменологии, и наиболее целесообразно это делать «из первых рук» разработчиков технологических решений, организаторов дифференцированного библиотечно-информационного обслуживания населения, экспертов в конкретных областях и процессах отрасли.

Коллаборативная модель отличается от представленной выше модели кооперации, во-первых, количеством и ролью участников. Представители практики проводят 1–2 тематических занятия (2–4 академических часа) в присутствии штатного педагога (в ряде случаев в библиотеке, на месте работы приглашённого специалиста) и не принимают участие в текущей и промежуточной аттестации (кроме специально оговорённых случаев). Второе отличие состоит в том, что единые целевые ориентиры, педагогиче-

ский консенсус обеспечиваются не непосредственным взаимодействием участников коллаборации, а особой деятельностью – педагогическим менеджментом – штатного педагога, который разрабатывает идеологию, содержательную концепцию, дидактические основы дисциплины, ориентируясь на актуальное состояние и перспективы развития отрасли в конкретном аспекте. Именно основной (штатный) педагог как своеобразный «центр координации образовательного проекта» определяет круг приглашаемых участников («гостей»), согласовывает с ними целеполагание, идеологию, тематику, содержание, методику проведения занятия; организует участие (проводит согласования, оформляет необходимые документы); представляет гостя студентам, раскрывая позиции и задачи данного занятия в структуре дисциплины; отражает соответствующий материал в системе оценочных средств, проводит текущую и промежуточную оценку педагогического результата, оценку остаточных знаний в рамках ОПОП.

Апробация данной модели показала её целесообразность на примере как минимум трёх дисциплин ОПОП бакалавриата по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», реализуемой в МГИК: «Библиотекведение» («Общий курс», раздел «Обязательные дисциплины», 6 зачётных единиц); «Электронные библиотеки» и «Основы наукометрии» (обе – дисциплины части, определяемой участниками образовательных отношений, каждая трудоёмкостью 2 зачётные единицы).

Например, одной из особенностей данной ОПОП выступает отсутствие профилирования в подготовке бакалавров библиотечно-информационной деятельности в МГИК. Готовность к профессиональной деятельности в условиях типологическо-

го и видового разнообразия библиотечных учреждений требует ознакомления с этим разнообразием, что традиционно происходит в рамках дисциплины «Библиотекведение». Для наибольшего педагогического эффекта, развития мотиваций и интереса к будущей профессиональной деятельности были организованы гостевые лекции и мастер-классы «Библиотеки для слепых и слабовидящих в системе библиотек России» Е. В. Захаровой (директора Российской государственной библиотеки для слепых, кандидата педагогических наук); «Сеть православных библиотек России» иеромонаха Макария (Комогорова) (помощника Председателя Издательского Совета Русской православной церкви); «Модельные библиотеки: опыт Амурского края» Т. А. Поздеевой (заместителя директора Центральной библиотечной системы г. Благовещенска), «Итоги интеграции библиотек Крыма в библиотечную сеть Российской Федерации (2014–2019 годы)» О. О. Кондратенко (учёного секретаря Крымской республиканской областной универсальной научной библиотеки имени Ивана Франко, кандидата педагогических наук).

Междисциплинарный характер имел мастер-класс кандидата педагогических наук Е. И. Козловой (Российская государственная библиотека) на тему «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу».

В результате освоения дисциплин «Электронные библиотеки» и «Основы наукометрии» студенты должны познакомиться с разнообразием информационно-технологических решений и информационных ресурсов, предлагаемых современным информационным рынком, для реализации соответствующих производственных направлений. С этой целью в структуру дисциплины «Электронные библиотеки»

были включены гостевые мастер-классы «Средства автоматизации библиотек нового поколения на примере АБИС “Мега-Про”» В. Т. Грибова, генерального директора ООО «Дата Экспресс», кандидата экономических наук, заслуженного деятеля культуры Российской Федерации; «Электронный библиотечный абонемент. OPAC» А. С. Старкова, заместителя директора Центральной научной медицинской библиотеки Первого МГМУ имени И. М. Сеченова (ЦНМБ); «Будущее электронных библиотек» А. И. Боровинского, основателя электронной мультимедийной библиотеки ELiS, известного предпринимателя и блогера (г. Пермь); «Современные издательства – электронным научным библиотекам» издательства De Gruyter», организованный подписным агентством «Мир Периодики»; «Электронные библиотечные системы для незрячих и слабовидящих читателей», проведённый сотрудниками Российской государственной библиотеки для слепых. В рамках дисциплины «Основы наукометрии» для студентов провели мастер-классы представители компаний Clarivate Analytics («База данных «Web of Science») и Elsevier («База данных «Scopus»), Л. Н. Пирумова – заместитель директора Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки («Международная реферативная база данных и система цитирования “AGRIS”»).

6. Участие в режиме специальных профессиональных мероприятий предполагает разнообразие форм взаимодействия студентов с представителями практики, имеющих педагогический эффект при различном уровне имплементации в педагогической науке и практике. Специальное педагогическое проектирование лежит в основе «**дней выездных занятий**» в библиотеки – единовременного образовательного

мероприятия, реализующего цели и задачи ОПОП. Сотрудники библиотек, с которыми заключены договоры о сотрудничестве, совместно с педагогами разрабатывают программу, в ходе которой студенты могут получить знания, умения и владения по нескольким дисциплинам (в соответствии с профилем библиотеки и ОПОП). Целесообразность выездных занятий обусловлена необходимостью использования для занятий по профессиональным дисциплинам информационных и материально-технических ресурсов конкретных библиотек, смоделировать которые в стенах вуза не представляется возможным.

В ходе пилотного проекта специальные дни выездных занятий были проведены в Российской государственной библиотеке искусств (директор А. А. Колганова), Российской государственной библиотеке для слепых (директор Е. В. Захарова), Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (директор М. О. Шепель). Необходимо отметить особый педагогический эффект, который имели данные мероприятия для освоения дисциплин «Документоведение» и «Книговедение и история книги», в особенности интегрированное занятие «Особенности редкой книги» на базе ВГБИЛ, проведённое совместно заведующим Комплексным научно-исследовательским отделом К. А. Дмитриевой и профессором кафедры библиотечно-информационных наук МГИК Е. В. Динер.

Неспецифический педагогический характер носит взаимодействие с практиками в ходе участия обучающихся в профессиональных мероприятиях, проводимых библиотеками, с проектируемым участием молодых специалистов и студентов. Положительные отзывы, проявление и устойчивость интереса, высокий уровень оста-

точных знаний продемонстрировали студенты, принявшие участие в работе Пятого Российского молодёжного библиотечного конвента (на базе Российской государственной библиотеки для молодёжи, организаторы участия – директор И. Б. Михнова, заведующий кафедрой управления информационно-библиотечной деятельностью В. К. Клюев), Третьей московской международной апрельской форсайт-сессии «Формируя будущее библиотек – 2019 и фестивале наук и искусств «Гуманитаризм» на базе ВГБИЛ.

В данной работе мы не рассматриваем участие практиков в формате «базовая кафедра», ибо, с одной стороны, неразработанность конкретных регламентов выступает барьером внедрения данной модели в большинстве вузов страны; с другой стороны, специфика профессиональной структуры библиотечно-информационной отрасли, тенденции развития рынка труда, на который ориентированы наши выпускники, вносят сомнения в целесообразности подготовки кадров «под реалии конкретной библиотеки». В рамках реализуемой нами идеологии непрофилируемой подготовки бакалавров библиотечно-информационной деятельности одним из ключевых ориентиров выступает готовность к поливариативной карьере, которая не совместима с концентрацией педагогического процесса на базе одной библиотеки. Отдельные элементы «базовой кафедры» могут быть реализованы на базе вузовских библиотек, представляющей свою базу в качестве лаборатории для занятий практического типа, проектной деятельности студентов.

Говоря о проблемных точках в реализации подобных решений задач, поставленных ФГОС, ключевой характер имеют организационные, но не содержательные и не дидактические проблемы:

1) усложнённые механизмы оформления договорных отношений с представителями практики, участвующими в образовательном процессе; несовершенство экономических моделей, применяемых в данной ситуации. Существующие реалии делают любое участие практиков, кроме полноценной педагогической деятельности, к сожалению, безвозмездным;

2) отсутствие научно обоснованных и формально закреплённых методик оценки участия практиков в реализации ОПОП. Например, нет единства в понимании того, могут ли быть включены в упомянутые 5% руководители практики от базы практики; логично ли не включать в разряд представителей практики директора вузовской библиотеки, отвечающего требованиям ФГОС, но формально являющегося сотрудником вуза (хотя и не относящегося к ППС). Особую важность имеет и следующий момент: учёт возможностей удалённых мастер-классов с использованием современных платформ дистанционного обучения при реализации подобных педагогических решений в масштабах широкой географии подготовки библиотекарей в нашей стране.

Причины этого проблемного комплекса состоят в рамочном характере ФГОСов и многих регламентирующих документов в сфере образования. Предоставленные «свободы» и закреплённые в них полномочия вузов в разработке конкретных механизмов, нормативов, локальных актов, регламентов, к глубокому сожалению, в большинстве случаев сталкиваются с субъективностью, отсутствием стратегической ориентации, формализмом, что создаёт барьеры педагогическим инициативам и инновациям, создаваемым в рамках актуального правового поля российского образования.

Примечания

1. Зимняя И. А. Стратегический подход к воспитанию // Общая стратегия воспитания в образовательной системе России : монография. Москва : ИЦПКПС, 2001. С. 255–353.
2. Ивина К. В., Лопатина Н. В., Харинцева М. А. Производственная практика в подготовке будущих бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» // Тринадцатые Денисьевские чтения [Электронный ресурс] : материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции, г. Орел, 26–27 октября 2016 года. Орел : [б.и.], 2016. С. 164–172. URL: buninlib.orel.ru/ekoll/D13.pdf
3. Иотова В. Ю. Формирование готовности к работе с новыми информационными технологиями у студентов информационно-библиотечных факультетов в вузе : автореф. дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Иотова Валерия Юрьевна. Москва, 2013.
4. Лопатина Н. В. Библиотекарь в профессиональной структуре общества: теоретико-методологический анализ : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 05.25.03 / Лопатина Наталья Викторовна. Москва, 2015. 375 с.
5. Лопатина Н. В., Булдина Г. И. Проектная деятельность в подготовке информационно-библиотечных специалистов // Двенадцатые Денисьевские чтения : материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции ; ред.-сост. Н. З. Шагохина. Орел, 2016. С. 189–194.
6. Никишина В. Ю. Формирование информационно-технологической компетентности будущих менеджеров в вузе культуры : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Никишина Виктория Юрьевна. Москва, 2011. 225 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 декабря 2017 года № 1182 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287594/ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518

References

1. Zimnyaya I. A. Strategial'nyy podkhod k vospitaniyu [Strategic approach to education]. *Obshchaya strategiya vospitaniya v obrazovatel'noy sisteme Rossii [General education strategy in the educational system of Russia]*. Moscow, Published by Specialist Training Quality Research Center, 2001. Pp. 255–353. (In Russian)
2. Ivina K. V., Lopatina N. V., Kharintseva M. A. Proizvodstvennaya praktika v podgotovke budushchikh bakalavrov po napravleniyu “Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost” [Industrial practice in the preparation of future bachelors in the direction of “Library and Information Activity”]. *Trinadtsatye Denis'yevskie chteniya: materialy mezhregional'noy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Orel, 26–27 oktyabrya 2016 goda [Thirteenth Denisiev readings: materials of the interregional (with international participation) scientific and practical conference, Orel, October 26–27, 2016]*. Orel, 2016. Pp. 164–172. Available at: buninlib.orel.ru/ekoll/D13.pdf (In Russian)
3. Iotova V. Yu. *Formirovanie gotovnosti k rabote s novymi informatsionnymi tekhnologiyami u studentov informatsionno-biblioteknykh fakul'tetov v vuze. Avtoreferat diss. cand. ped. nauk [Formation of readiness for work with new information technologies for students of information and library faculties at a university. Synopsis cand. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2013. (In Russian)
4. Lopatina N. V. *Bibliotekar' v professional'noi strukture obshchestva: teoretiko-metodologicheskii analiz. Diss. dok. ped. nauk [The librarian in professional structure of society: teoretiko-methodological analysis. Dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2015. 375 p. (In Russian)

5. Lopatina N. V., Buldina G. I. *Proektnaya deyatel'nost' v podgotovke informatsionno-biblioteknykh spetsialistov* [Project activities in the preparation of information and library specialists]. In: Shatokhina N. Z., ed. *Dvenadtsatye Denis'evskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Twelfth Denisiev readings: materials of the interregional (with international participation) scientific and practical conference]. Orel, 2016. Pp. 189–194. (In Russian)
6. Nikishina V. Yu. *Formirovanie informatsionno-tekhnologicheskoy kompetentnosti budushchikh menedzherov v vuze kul'tury. Diss. kand. ped. nauk* [Formation of information and technological competence of future managers at a university of culture. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2011. 225 p. (In Russian)
7. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 51.03.06 Bibliotekno-informatsionnaya deyatel'nost': utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 6 dekabrya 2017 goda № 1182* [Federal state educational standard of higher education – undergraduate in the direction of preparation 51.03.06 Library and information activity: approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 6, 2017 No. 1182]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287594/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdad518 (In Russian)

*

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ТУРИСТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

УДК 37.014

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10519

Е. С. Сахарчук

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена актуальной проблеме определения методологических подходов к проектированию программ повышения квалификации сотрудников предприятий туристической индустрии, соответствующих актуальным общественным запросам. Специфические условия занятости, содержания и организации работы на предприятиях туристической индустрии, являющихся, в основном, микро- и малыми предприятиями, так же как и ограниченность их материальных и организационных ресурсов на обучение персонала сами по себе обуславливают необходимость поиска релевантных форм и методов обучения персонала. Ситуацию усложняет характерный для настоящего времени, обусловленный изменениями на рынке туристического спроса и предложения, растущий дефицит квалификаций, который способен привести к утрате конкурентоспособности части персонала туркомпаний и оказать отрицательное воздействие на устойчивость бизнеса ряда предприятий. На основе анализа данных по основным направлениям технологических и организационных изменений в сфере российского туризма в статье делается вывод о том, что одним из наиболее востребованных подходов к поддержанию устойчивости микро- и малого бизнеса в туризме может стать повышение квалификации персонала, рассматриваемое как компонент системы управления знаниями на предприятии. С учётом основных принципов «персонифицирующего» подхода в теории управления знаниями и на основе проведённых исследований потребностей в квалификациях в туризме определены четыре основных направления формирования стратегий управления знаниями в туркомпаниях: клиент-ориентированное, технологическое, организационно-управленческое и инновационно-продуктовое, а также представлены соответствующие каждому направлению характеристики содержания и форм повышения квалификации персонала туристических компаний. Статья содержит выводы, сделанные по результатам: 1) теоретических обзоров российских и зарубежных научных публикаций в области управления знаниями и корпоративного образования; 2) аналитических обзоров деловой активности и занятости в сфере внутреннего и международного туризма РФ; 3) обобщения проведённых в ходе исследования экспертных интервью с руководителями туристических компаний; 4) проектирования программ повышения квалификации работников турпредприятий.

Ключевые слова: повышение квалификации, управление знаниями, корпоративное образование, туристское предприятие.

САХАРЧУК ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой туризма, Московский государственный институт культуры

SAKHARCHUK ELENA SERGEEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of tourism, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: e.sakharchuk2013@yandex.ru

© Сахарчук Е. С., 2019

Elena S. Sakharchuk

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

FURTHER TRAINING OF EMPLOYEES OF A TOURISM COMPANY AS A COMPONENT OF A KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM

The article is devoted to the urgent problem of determining methodological approaches to the design of continuing education programs for employees of tourism industry enterprises that meet current public needs. The specific conditions of employment, maintenance and organization of work at tourism enterprises, which are mainly micro and small enterprises, as well as the limited material and organizational resources for staff training, in themselves, necessitate the search for relevant forms and methods of training staff. The situation is complicated by the growing deficit of qualifications that is typical for the present, due to changes in the tourist demand and supply market, which can lead to the loss of competitiveness of some of the staff of travel companies and have a negative impact on the stability of the business of a number of enterprises. Based on the analysis of data on the main areas of technological and organizational changes in the field of Russian tourism, the article concludes that one of the most popular approaches to maintaining the sustainability of micro and small businesses in tourism can be staff development, considered as a component of the system knowledge management in the enterprise. Taking into account the basic principles of the “personifying” approach in the theory of knowledge management and on the basis of studies of the needs for qualifications in tourism, four main directions have been identified for the formation of knowledge management strategies in travel companies: client-oriented, technological, organizational and managerial, and innovation and product also the characteristics of the content and forms of advanced training of tourism companies’ personnel corresponding to each direction are presented. The article contains conclusions drawn from the results of: 1) theoretical reviews of Russian and foreign scientific publications in the field of knowledge management and corporate education; 2) analytical reviews of business activity and employment in the field of domestic and international tourism of the Russian Federation; 3) summarizing the expert interviews conducted during the study with the leaders of tourism companies; 4) designing training programs for employees of tourist enterprises.

Keywords: advanced training, knowledge management, corporate education, tourism enterprise.

Для цитирования: Сахарчук Е. С. Повышение квалификации сотрудников туристского предприятия как компонент системы управления знаниями // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 172–181. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10519

Анализ деловой активности на рынке туризма позволяет определить сегодняшнюю ситуацию как быстро меняющуюся и требующую от предприятий сферы туристского бизнеса существенной гибкости и быстрого реагирования для поддержания своей конкурентоспособности и устойчивости; основными тенденциями, по мнению большинства экспертов профессиональных СМИ, являются:

- 1) изменение потребительского поведения и обусловленная им неизбежная трансформация рынка предложения туроператоров и турагентов;
- 2) изменение модели взаимоотношения туроператоров и турагентов и существенный рост доли онлайн-продаж туроператоров, сопровождающийся сокращением потребности в турагентствах;
- 3) усиливающаяся дифференциация туроператоров, сокращение их количества,

укрупнение оставшихся на рынке «классических» (работающих с дестинациями массового выезда) туроператоров и связанная с этим необходимость средних и мелких туроператоров искать свою уникальную рыночную нишу;

4) возросший уровень требований потребителей к уровню оказываемых профессиональными участниками рынка консультационных услуг;

5) цифровизация и нейросетевизация туризма, представляющие угрозу «живым» консультациям профессиональных участников рынка, с одной стороны, но обеспечивающие новый уровень индивидуализации обслуживания и прозрачности бизнеса – с другой.

Е. Б. Конколь, возглавляющая крупную туроператорскую компанию «Спектрум» (соучредитель «Фонда устойчивого развития туризма» и «Ассоциации туроператоров России»), анализируя деловую активность в российском туризме, в качестве наиболее вероятных путей сохранения и развития туристского бизнеса указала на следующие [4]: 1) использование возможностей интеграции с системами искусственного интеллекта и нейросетями, использующих «большие данные»; 2) поиск средними и мелкими туроператорами своих ниш предложения, преимущественно в регионах РФ; 3) интеграция туроператоров с гостиничным бизнесом в регионах России; 4) концентрация агентского бизнеса на продажах продуктов средних и мелких туроператоров; 5) переориентация турагентств с продаж туров на продажи консультаций, формирование интернет-клубов сообществ турагентств и другие.

Очевидно, что применение на предприятиях туризма продуманных управленческих решений, позволяющих быстро и гибко реагировать на происходящие на рынке изменения, является условием их выжива-

ния. Современные представления об эффективном менеджменте предприятия связаны с управлением знаниями (англ. knowledge management) и инновациями.

Автор термина «управление знаниями» К. Вииг определил знания как совокупность «истин и представлений, точек зрения и концепций, суждений и предположений, методологий и ноу-хау» [16]. Знания, согласно теории Виига, накапливаются, организуются, интегрируются и хранятся для их применения в конкретных ситуациях и при решении конкретных практических проблем.

Один из крупнейших российских исследователей в области управления знаниями Б. З. Мильнер следующим образом определил, что такое «практические знания»: «Практические знания» – это система эмпирических правил и рациональных моделей, используемых в текущей работе и представленных в различных формах: нормативных методик, инструкций по выполнению трудовых задач и функций, алгоритмов принятия решения и т.п. [6].

Знания, аккумулирующиеся в компании, могут быть различными по степени структуризации [6]. В наиболее структурированной форме знание содержится в базах данных и документах, а также отражено в программах развития предприятий, проектах, процессах, регламентах выполнения работ и нормах.

Микро-, малые и средние компании, характерные для сферы туристической индустрии, в силу ограниченности ресурсов, как правило, владеют лишь отчасти структурированными знаниями (неформализованными, передающимися устно от руководителей или более опытных работников).

Для сравнения приведём в пример современную крупную бизнес (крупную нефтегазовую компанию или компанию-авиаперевозчика), представленный хорошо

структурированными (формализованными) системами знаний (схемами технологических процессов, алгоритмами выполнения действий, формализованными системами стимулирования инновационной активности работников, корпоративным обучением и т.п.) и внедрением соответствующих целям своего стратегического развития моделей управления знаниями.

Аккумуляция и операционализация знаний не являются в компании самоцелью, они должны быть ориентированы на корпоративную цель – конкурентоспособность предприятия, а средством достижения цели является оперативное управление знаниями. Клаус Норт (Klaus North) [11] разработал «лестницу» стратегического и тактического управления знаниями, *суть подхода заключается том, что выбранная предприятием стратегия развития бизнеса определяет стратегию управления знаниями.*

Если принять данное представление за исходное, то логика построения системы повышения квалификации персонала (как компонента системы управления знаниями в туркомпании) имеет следующий вид (см. рисунок 1).

Подчеркнув важность для целей исследования приведённых выше принципиальных положений теории управления знаниями, а также *предложенной логики выстраивания системы повышения квалификации персонала в туркомпании*, перейдём к теории преобразования знаний.

В соответствии с теорией Варнеке (Warnecke) (куб знаний) [15] целями управления знаниями является преобразование знаний отдельных работников предприятия в совокупные знания предприятия: из индивидуальных (отдельных работников) в коллективные (всех работников), из внеш-

Рисунок 1. Последовательность этапов формирования содержания программ обучения персонала

них (для предприятия) – во внутренние, из неявных (скрытых, неиспользуемых знаний сотрудников) – в явные.

Известными методами «перевода» индивидуальных знаний в коллективные являются корпоративное обучение, организованная внутрифирменная коммуникация, тренинги внутренних коммуникаций, командообразования (тимбилдинг). Важно отметить, что подобные методы передачи знаний широко применяются на крупных предприятиях, как правило, подразделениями по развитию персонала (HR).

В соответствии с имеющимися на сегодня в науке представлениями, внешние знания предприятия переходят во внутренние знания: 1) в процессе целенаправленного поиска из различных источников информации в ходе решения оперативных задач; 2) через наём нового персонала; 3) посредством сотрудничества с другими компаниями и научными учреждениями.

Дискуссионным остаётся вопрос о переводе неявных знаний в явные, поскольку именно неявные знания часто составляют основу конкурентных преимуществ.

Широкою известностью в менеджменте получила модель управления знаниями, разработанная японскими учёными Нонака и Такеучи (Nonaka и Takeuchi) [10]. Модель состоит из трёх компонентов: связи явных знаний, организации диалога в коллективе и создания сферы деятельности. Основными механизмами процесса аккумуляции знаний компании в контексте упомянутой выше модели являются: социализация (организация поля взаимодействия работника в трудовом коллективе), экстернализация (коллективное размышление с использованием метафор и аналогий), комбинация (образование связей между имеющимся и вновь полученным знанием), интернализация (обучение сотрудников в практической

деятельности) (Schüppel [14], Pawlowsky [12], Arnold [9]).

Стратегические и оперативные компоненты (структурированные в сегменты) в процессе управления знаниями выделил Пробст (Probst) [13], особая ценность модели которого состоит в выделении двух стратегических компонентов: компонента – цель знаний, и компонента – оценка знаний.

Охарактеризованные выше подходы к управлению знаниями на предприятии соотносятся с так называемым персонифицирующим или интуитивистским подходом (П. Сенге, Р. Уильямс, Б. З. Мильнер и другие), исходящим из представления о том, что знания в организации аккумулируются, хранятся, используются и обновляются через его сотрудников (являющихся хранителями, операционистами и распространителями знаний) и посредством созданных в организации связей и коммуникаций.

«Персонифицирующий» подход в теориях управления знаниями соотносим с «лично ориентированным», «компетентностным» и «развивающим» подходами в современных психолого-педагогических исследованиях, что обуславливает в том числе внимание к нему теоретиков и практиков корпоративного образования.

Имеются основания полагать, что «персонифицирующий» подход к управлению знаниями на микро-, малом, среднем предприятии туризма является также и наиболее релевантным для решения задач развития квалификации сотрудников, когда предприятием выявлен дефицит знаний / компетенций для решения своих стратегических задач.

Так называемое выделение знаний или идентификация имеющихся знаний и практического опыта (см. выше – практических знаний) сотрудников в контексте чёткого представления о стратегических целях развития

бизнеса есть первый шаг к определению стратегии управления знаниями в компании, соответствующей логике выстраивания системы повышения квалификации персонала.

Обращение к аналитике деловой активности в туризме, а также проведённые в рамках исследования экспертные интервью с руководителями средних и мелких туроператорских компаний, турагентств и предприятий социокультурного сервиса (музеев, этнопарков и других) позволяет сделать предположение о том, что имеется дефицит следующих компетенций сотрудников предприятий туризма:

1) профессиональных (например, связанных с необходимостью выстраивания новых внешних связей организации или поиска ниши рынка) [1];

2) методических (например, связанных с необходимостью интеграции с системами искусственного интеллекта и нейросетями, использующих «большие данные») [7];

3) социальных (например, связанных с необходимостью выстраивания экспертно-консультационной деятельности в условиях появления на рынке потребителей с иным менталитетом, новыми запросами) [8].

Отдельно отметим методические компетенции, выделенные в соответствии с представлениями современной дидактики о развитии способностей к постоянному профессиональному и личностному саморазвитию и самоактуализации, раскрытию своего творческого потенциала (В. П. Симон и другие) и, таким образом, ближе всего коррелирующие с такой важнейшей задачей управления знаниями на предприятии туризма, как создание новых знаний и инноваций.

Специфике инноваций в туризме посвящена недавняя публикация группы учёных (Л. И. Донскова А. Г. Редькин, О. В. Отто,

Н. Н. Беспалова) [3]; в частности, учёными на основе проведённых исследований инновационной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса выделены специфические для сферы социально-культурной деятельности и туризма инновации. Систематизация инноваций в туризме и социально-культурной деятельности (на основе материалов вышеупомянутой статьи) и систематизация основных перспективных направлений развития туристского бизнеса (на основе аналитики рынка) позволили определить следующие основные стратегические модели управления знаниями на предприятии туризма: *клиент-ориентированная модель* (совершенствование деятельности и разработка нововведений, развивающих существующие потребности туристов или создающих новые, ранее отсутствующие, потребности); *технологическая модель* (разработка инновационных единичных (уникальных) продуктов и услуг, интеграция IT-сервисов и т.п.); *организационно-управленческая модель* (разработка обоснованных, оптимальных и инновационных организационно-управленческих решений); *инновационно-продуктовая модель* (поиск уникального туристского предложения).

Выделенные стратегические модели были соотнесены на основе имеющихся данных:

1) с типами туристских предприятий, для которых может быть актуальная предлагаемая модель;

2) с содержанием знаний (компенсирующих квалификационный дефицит);

3) с источниками получения знаний;

4) с рекомендациями по повышению квалификации персонала (формы передачи знаний в соответствии со спецификой материальных и организационных возможностей предприятий туризма).

Таблица 1. Стратегическая модель управления знаниями и типы туристских предприятий, для которых модель, вероятнее всего, будет востребована

Клиент-ориентированная модель управления знаниями	Технологическая модель управления знаниями	Организационно-управленческая модель управления знаниями	Инновационно-продуктовая модель управления знаниями
Турагентства Микро- и малые Предприятия, представляющие туристские услуги (экскурсионные, консультационные, бронирования и др.) и др.	Крупные туроператоры Крупные многофункциональные культурно-документальные центры Средние туроператоры и др.	Средние туроператоры Мелкие туроператоры Средние предприятия, представляющие туристские услуги (экскурсионные, консультационные, бронирования и др.) и др.	Мелкие туроператоры Микро-, малые и средние предприятия, представляющие туристские услуги (экскурсионные, консультационные, бронирования и др.) и др.

Приведённая в таблице 1 систематизация отражает, наряду с туроператорскими и турагентскими компаниями, предприятия, представляющие разнообразные услуги индивидуальным и групповым туристам. Чем крупнее компания, тем разнообразнее и шире ассортимент оказываемых туристам услуг, с одной стороны, и тем шире диапазон возможностей для обучения персонала – с другой. Для небольших компаний (микро- и малые предприятия) характерны следующие особенности внутрифирменного обмена знаниями:

1) организационная структура, в которой реализуются проекты по управлению знаниями, более чёткая, чем в крупных компаниях, следовательно, деятельность легче координировать;

2) усилия по объединению знаний и обеспечению их применения быстрее окупаются из-за более низкой степени формализации, тесных личных контактов между сотрудниками, более простой внутрифирменной коммуникации в обмене знаниями,

возможности обмениваться знаниями без сложных технических средств.

С учётом в том числе обобщённых выше особенностей обмена знаниями в типичных туристских компаниях и на основе анализа перспектив развития дефицита квалификаций в туризме были определены содержание знаний и источники их получения, коррелирующие с направленностью моделей управления знаниями, а также рекомендации по повышению квалификации персонала.

Клиент-ориентированная модель управления знаниями. Содержание знаний: актуальные и перспективные модели поведения потребителей разных категорий; социокультурные модели и кросс-культурные коммуникации; индивидуализирующие технологии делового общения в туризме; психология воздействия на потребительское поведение и т.п.

Технологическая модель управления знаниями. Содержание знаний: цифровые сервисы – системы бронирования туристских

услуг; онлайн-продажа турпродуктов туроператоров; мобильные приложения онлайн-продажи услуг; системы навигации с встроенными путеводителями; системы искусственного интеллекта и нейросети, использующие «большие данные»: технологии, кейсы в сфере туризма и т.п.

Организационно-управленческая модель управления знаниями. Содержание знаний: инновационная практика организации внешних коммуникаций туристского бизнеса; современные деловые коммуникации в туризме; лучшие практики организации работы с подрядчиками / агентами и т.п.

Инновационно-продуктовая модель управления знаниями. Содержание знаний: менеджмент дестинаций, виды туризма и тенденции их развития, инновации в туризме и т.п.

Источники получения знаний, формы и методы обучения персонала дифференцируются в зависимости от размеров и стратегических целей компании. Для микро- и малых предприятий целесообразно на этапе выявления дефицита знаний потребностей в развитии компетенций использовать индивидуальные беседы с сотрудниками, на этапе трансформации знаний (из индивидуальных в коллективные) разрабатывать регламенты процессов, уточнять и дополнять характеристики функциональных обязанностей сотрудников, внедрять механизмы менеджмента качества.

Наиболее распространённой формой внутрифирменного обучения на предприятии туризма с небольшим коллективом работающих является наставничество, реализуемое старшими, более опытными членами коллектива, однако она будет лишь отчасти эффективной при необходимости обучения инновационным технологиям, в связи с чем руководство предприятия вынуждено будет обратиться к таким формам, как:

1) обучение сотрудников во внешних обучающих структурах (образовательных организациях);

2) сотрудничество с внешними экспертами (профессиональные объединения) и участие в проводимых мероприятиях, коррелирующих по тематике со стратегической целью развития знаний (конференциях, выставках, «круглых столах» и пр.);

3) проведение регулярных совещаний с сотрудниками (с организацией тематических докладов с презентациями по интересующей тематике силами сотрудников);

4) инициация проектной деятельности студентов профильных вузов по интересующей тематике, участие в организации их производственных и преддипломных практик, промежуточных и итоговых аттестациях.

Компании, обладающие более сложной организационной структурой и большим числом работающих могут использовать, помимо перечисленных выше, следующие инструменты: формирование списка экспертов и сети консультантов по вопросам, связанным с реализацией стратегической цели развития; формирование банка данных компетенций сотрудников; систематизация описаний должностных функций сотрудников в связи с новыми задачами, организация внутрифирменного обучения (собственными силами либо посредством найма внешнего тренера).

Обобщая вышесказанное, подчеркнём, что предложенные в статье направления развития систем управления знаниями на предприятиях туризма, интегрирующих корпоративные системы повышения квалификации персонала туркомпаний, так же как и представленные рекомендации по их использованию не могут претендовать на всеохватность проблематики возможных трансформаций бизнесов в туризме.

И такая цель не ставилась при проведении исследования.

Однако, как представляется, ключевая мысль о необходимости планомерного построения системы внутрифирменного повышения квалификации сотрудников туркомпаний как компонента системы управления знаниями, коррелирующей с чётко обозначенными стратегическими целями развития бизнеса, может, наряду с пред-

ложенными теоретическими систематизациями и практическими рекомендациями, быть полезной как исследователям в области профессионального и корпоративного образования, так и руководителям небольших компаний туризма, оказавшихся перед необходимостью организационных и технологических трансформаций в связи с актуальными тенденциями развития рынка туризма.

Примечания

1. Абдулатипова Э. А., Чупанов А. Х., Сахарчук Е. С. Праксиологизация как механизм актуализации содержания профессионального туристского образования // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. Т. 11. № 2. С. 38–46.
2. Ананьева Т. Н., Кобелева О. В., Сахарчук Е. С. Международный опыт образования в сфере туризма (на примере Германии) // Сервис plus. 2010. № 4. С. 59–64.
3. Донскова Л. И., Редькин А. Г., Отто О. В., Беспалова Н. Н. Приоритеты инновационной деятельности на предприятиях социально-культурного сервиса и туризма // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 1 (83). С. 6–18.
4. Евгения Конколь: «Куда идёт туроператорский рынок?» [Электронный ресурс] // Ассоциация туроператоров : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://www.atorus.ru/articles/interview/article/4732.html>
5. Кузнецов В. В. Корпоративное образование: содержание и сущность // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 1 (35). С. 51–60.
6. Мильнер Б. З. Управление знаниями: понятие, разновидности и источники знаний // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 2. С. 106–110.
7. Сахарчук Е. С. Модель кейсбука по цифровому туризму // Современное состояние и потенциал развития туризма в России : материалы XVI Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Е. В. Кулагиной. Омск, 2019. С. 195–198.
8. Сахарчук Е. С., Чупанов А. Х., Абдулатипова Э. А. Полиархичность знаниевой компоненты как проблема модернизации профессионального туристского образования // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. Т. 11. № 3. С. 13–25.
9. Arnold K. (2010) *Zwischen Fachdidaktik und Stufendidaktik. Perspektiven für die Grundschulpädagogik*. Wiesbaden, VS, Verl. für Sozialwiss. (In German)
10. Nonaka u Takeuchi. Available at: <https://hr-portal.ru/varticle/seci-model-model-seci-nonaka-takeuchi> (In English)
11. North Klaus (2018) *Kompetenzmanagement in der Praxis. Springer Gabler*, (3. Auflage) (In German)
12. Pawlowsky P. (2001) The Treatment of Organizational Learning in Management Science. In: Dierkes M., Berthoin-Antal A., Child J. & Nonaka I. (Hrsg.) *Handbook of Organizational Learning and Knowledge*, Oxford, New York : Oxford University Press. Pp. 61–88. (In English)
13. Probst, Gilbert/Raub, Stefan/Romhardt, Kai (2003) Bausteine des Wissensmanagements. *Wissen managen*, pp. 25–33. (In German)
14. Schüppel J. (1996) *Wissensmanagement – Organisatorisches Lernen im Spannungsfeld von Wissens- und Lernbarrieren*. Wiesbaden. (In German)
15. Warnecke G., Geissler A., Stammwitz G. (1998) Referenzmodell Wissensmanagement: Ein Ansatz zur modellbasierten Gestaltung wissensorientierter Prozesse. *IM–Information Management & Consulting*, 13 (1): 24–29. (In German) (In English)
16. Wiig K. (1993) *Knowledge Management Foundations*. Schema press.

References

1. Abdulatipova E. A., Chupanov A. Kh., Sakharchuk E. S. Praksiologizatsiya kak mekhanizm aktualizatsii sodержaniya professional'nogo turistskogo obrazovaniya [Praxiologization as a mechanism for updating the content of professional tourism education]. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 2017, vol. 11, no. 2, pp. 38–46 (In Russian).
2. Ananyeva T. N., Kobeleva O. V., Sakharchuk E. S. Mezhdunarodnyy opyt obrazovaniya v sfere turizma (na primere Germanii) [The international experience of education in the field of tourism (on the example of Germany)]. *Service plus*. 2010, no 4, pp. 59–64. (In Russian)
3. Donskova L. I., Red'kin A. G., Otto O. V., Bespalova N. N. Prioritety innovatsionnoy deyatel'nosti na predpriyatiyakh sotsial'no-kul'turnogo servisa i turizma [Priorities of innovative activity at the enterprises of socio-cultural service and tourism]. *Services in Russia and abroad*. 2019, vol. 13, no. 1 (83), pp. 6–18. (In Russian)
4. Evgeniya Konkol': "Kuda idot turoperatorskiy rynek?" [Evgenia Konkol': "Where does the tour operator market go?"]. Available at: <https://www.atorus.ru/articles/interview/article/4732.html> (In Russian)
5. Kuznetsov V. V. Korporativnoe obrazovanie: sodержanie i sushchnost' [Corporate education: content and essence]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and foreign pedagogy]*. 2017, no. 1 (35), pp. 51–60. (In Russian)
6. Mil'ner B. Z. Upravlenie znaniyami: ponyatie, raznovidnosti i istochniki znaniy [Knowledge management: concept, varieties and sources of knowledge]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of management theory and practice]*. 2008, no. 2, pp. 106–110. (In Russian)
7. Sakharchuk E. S. Model' keysbuka po tsifrovomu turizmu [The digital tourism casebook model]. In: Kulagina E. V., ed. *Sovremennoe sostoyanie i potentsial razvitiya turizma v Rossii: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current status and tourism development potential in Russia: proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference]*. Omsk, 2019. Pp. 195–198. (In Russian)
8. Sakharchuk E. S., Chupanov A. Kh., Abdulatipova E. A. Polyarchy of knowledge components as a modernization problem of vocational tourism education. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*. 2017, vol. 11, no. 3, pp. 13–25 (In Russian).
9. Arnold K. (2010) *Zwischen Fachdidaktik und Stufendidaktik. Perspektiven für die Grundschulpädagogik*. Wiesbaden, VS, Verl. für Sozialwiss. (In German)
10. Nonaka u Takeuchi. Available at: <https://hr-portal.ru/varticle/seci-model-model-seci-nonaka-takeuchi> (In English)
11. North Klaus (2018) *Kompetenzmanagement in der Praxis. Springer Gabler*, (3. Auflage) (In German)
12. Pawlowsky P. (2001) The Treatment of Organizational Learning in Management Science. In: Dierkes M., Berthoin-Antal A., Child J. & Nonaka I. (Hrsg.) *Handbook of Organizational Learning and Knowledge*, Oxford, New York : Oxford University Press. Pp. 61–88. (In English)
13. Probst, Gilbert/Raub, Stefan/Romhardt, Kai (2003) Bausteine des Wissensmanagements. *Wissen managen*, pp. 25–33. (In German)
14. Schüppel J. (1996) *Wissensmanagement – Organisatorisches Lernen im Spannungsfeld von Wissens- und Lernbarrieren*. Wiesbaden. (In German)
15. Warnecke G., Geissler A., Stammwitz G. (1998) Referenzmodell Wissensmanagement: Ein Ansatz zur modellbasierten Gestaltung wissensorientierter Prozesse. *IM–Information Management & Consulting*, 13 (1): 24–29. (In German) (In English)
16. Wiig K. (1993) *Knowledge Management Foundations*. Schema press.

*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭККУРСОВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ТУРИЗМА

УДК 37.014

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10520

Т. Н. Третьякова, Ю. А. Сыромятникова, И. А. Фрейнкина

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Проблема формирования экскурсоводческой компетентности является одной из актуальных проблем в педагогической теории и практике, требующей своего дальнейшего осмысления. На основе стандарта ФГОС по направлению 43.03.02 – «Туризм» и профессионального стандарта «Экскурсовод (гид)» была создана модель, характеризующая процесс формирования профессиональных компетенций в сфере экскурсионной деятельности у студентов туристских специальностей. В статье приводятся результаты опытно-экспериментального исследования, в ходе которого проверялась эффективность формирования экскурсоводческой компетентности у будущих бакалавров туризма. Опытно-экспериментальным путём доказано, что эффективность модели обеспечивается реализацией комплекса педагогических условий.

Ключевые слова: экскурсоводческая компетентность, туризм, профессиональное образование, экскурсионные программы, экскурсионные услуги, методика экскурсионной деятельности.

¹ТРЕТЬЯКОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма и социально-культурного сервиса Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

TRETIAKOVA TATIANA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism and Socio-Cultural Service, the Institute of Sport, Tourism and Service, the South Ural State University (National Research University)

²СЫРОМЯТНИКОВА ЮЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и социально-культурного сервиса Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

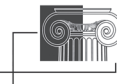
SYROMIATNIKOVA YULIA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Tourism and Socio-Cultural Service, the Institute of Sport, Tourism and Service, the South Ural State University (National Research University)

³ФРЕЙНКИНА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма и социально-культурного сервиса Института спорта, туризма и сервиса Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

FREINKINA IRINA ALEKSANDROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Tourism and Socio-Cultural Service, the Institute of Sport, Tourism and Service, the South Ural State University (National Research University)

e-mail: ttn1@mail.ru¹, syromjatnikowa@mail.ru², freinkinaia@susu.ru³

© Третьякова Т. Н., Сыромятникова Ю. А., Фрейнкина И. А., 2019

**Tatiana N. Tretiakova, Yulia A. Syromiatnikova,
Irina A. Freinkina**

South Ural State University (National Research University), The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Prospect Lenina, 76, 454080, Chelyabinsk, Chelyabinsk region, Russian Federation

FORMATION OF EXCURSION COMPETENCE OF BACHELORS OF TOURISM

The problem of the formation of tourist competence is one of the urgent problems in pedagogical theory and practice, requiring its further understanding. Based on the GEF 43.03.02 standard "Tourism" (undergraduate level) and the professional standard "Guide (guide)", a model was created that characterizes the process of forming professional competencies in the field of excursion activity among students of tourist educational programmes. The study of the conceptual field of competence and the specifics of excursion activity allowed us to define the guiding competence. The article presents the results of a pilot study, during which the effectiveness of the formation of guiding competencies for future bachelors of tourism was tested. It has been proved experimentally that the effectiveness of the model is ensured by the implementation of a set of pedagogical conditions.

Keywords: guiding competence, tourism, professional education, excursion programmes, excursion services, excursion activity.

Для цитирования: Третьякова Т. Н., Сыромятникова Ю. А., Фрейнкина И. А. Формирование экскурсоводческой компетентности бакалавров туризма // Вестник Московского государственного университета культуры искусств. 2019. № 5 (91). С. 182–192. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10520

В туристской деятельности практически во всех видах путешествий в структуре программ туристского обслуживания присутствуют экскурсионные услуги. Одним из важных компонентом экскурсии является информация, носителем которой выступает экскурсовод. В условиях информатизации и глобализации информационных процессов, способствующих расширению информационного поля и перенасыщению информационной среды, становится актуальной проблема разговорной и письменной речи. Качество экскурсии зависит от компетентности экскурсовода в составлении и передаче информации. В ходе исследования мы выяснили, что в рамках профессиональной подготовки бакалавров туризма, а также в профессиональном стандарте «Экскурсовод (гид)» и методических рекомендациях Министерства культуры РФ определён перечень компетенций как результат форми-

руемого и востребованного качества специалиста. Вместе с тем процедура подготовки экскурсовода к осуществлению информационно-языковой деятельности, которой предшествует написание экскурсионных текстов, нигде не обозначена.

Изучение понятийного поля компетентности и специфики экскурсионной деятельности позволило нам дать определение экскурсоводческой компетентности. Под экскурсоводческой компетентностью мы понимаем интегральную характеристику деловых и личностных качеств специалистов туристической индустрии, отражающую уровень знаний, умений и навыков, опыта, достаточных для осуществления экскурсионной деятельности, которая связана с разработкой, проектированием, организацией, проведением и оценкой результатов экскурсии.

На основе образовательных и профессиональных стандартов, а также стандар-

тов экскурсионной деятельности нами была разработана компетентностная модель фор-

мирования экскурсоводческой компетентности (см. рисунок 1).

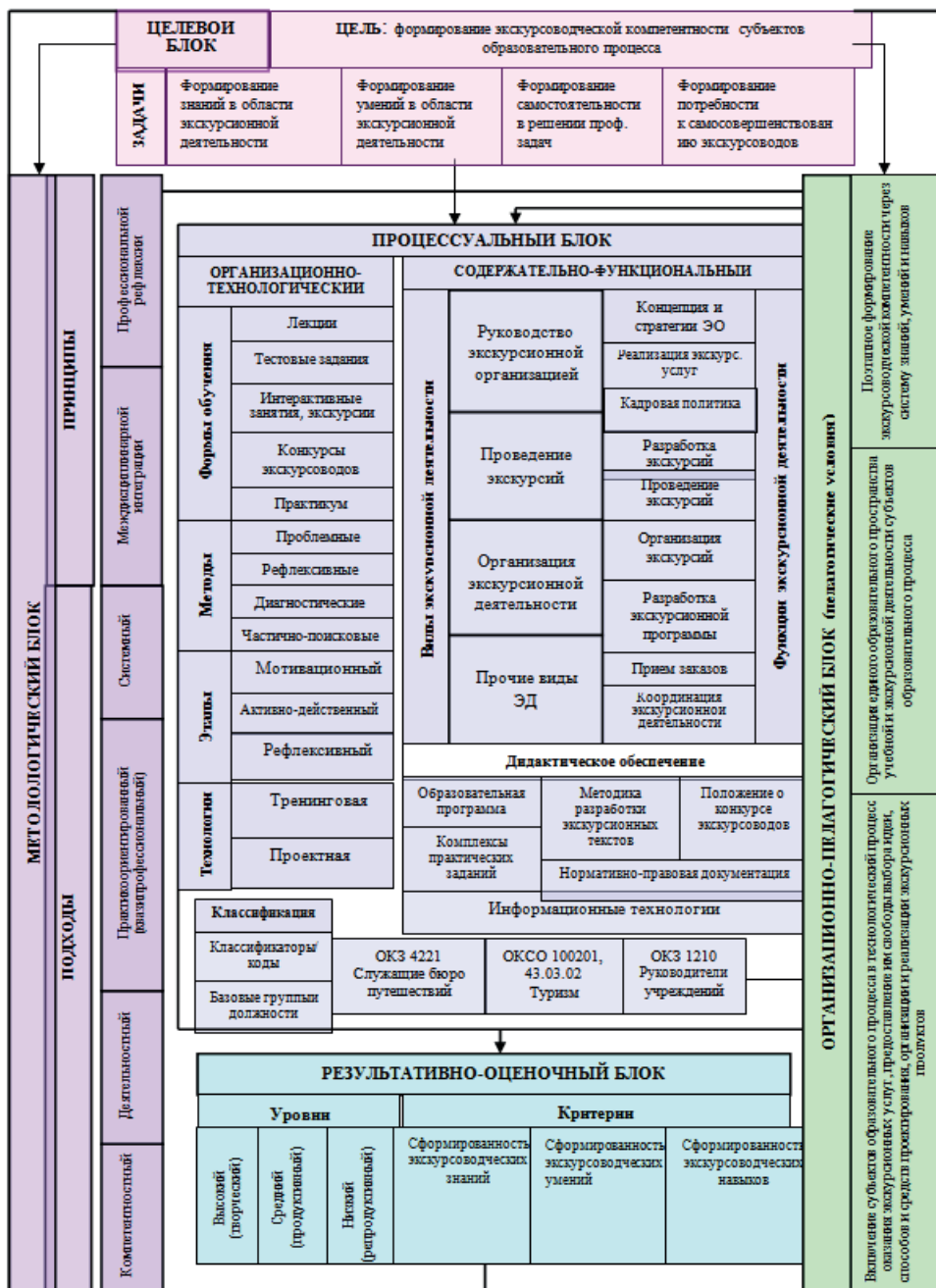

Рисунок 1. Модель формирования экскурсоводческой компетентности

Разработанная нами модель формирования профессиональных компетенций у бакалавров туризма имеет структурную организацию, задана содержанием структурно-функционального инварианта методической системы и морфологически представлена в четырёх блоках: целевом, содержательном, организационном, результативном. Реализация модели формирования экскурсоводческой компетентности у субъектов образовательного процесса базируется на трёх педагогических условиях, соблюдение которых способствует эффективности реализации модели формирования экскурсоводческой компетентности у бакалавров туризма.

Опытно-экспериментальная работа осуществлялась в условиях выездных интерактивных занятий студентов 1–3 курсов туристских специальностей вузов г. Челябинска в процессе изучения общепрофессиональных и специальных дисциплин. В опытно-экспериментальной работе было задействовано 5 преподавателей и 183 студента.

Для реализации опытно-экспериментальной работы был проведён формирующий эксперимент, в котором приняли участие три экспериментальные группы: две группы бакалавров Южно-Уральского государственного университета и одна группа бакалавров Уральского государственного университета физической культуры. Также в эксперименте была задействована контрольная группа студентов.

Цель формирующего эксперимента – проверить эффективность процесса формирования экскурсоводческой компетентности у будущих бакалавров туризма. Группы студентов, участвующих в эксперименте, имели одинаковые начальные параметры, но отличались ориентацией на различные педагогические условия. Так, обучение пер-

вой экспериментальной группы (ЭГ-1) было основано на применении первого и третьего педагогического условия, второй экспериментальной группы (ЭГ-2) – первого и второго педагогического условия. И только процесс обучения третьей экспериментальной группы (ЭГ-3) включал в себя все три педагогических условия.

Обучение контрольной группы (КГ-1) осуществлялось на основе традиционного подхода, занятия осуществлялись фронтально, лекции проводились только аудиторно, теоретические знания закреплялись практически на семинарских занятиях, без применения активных форм в виде выездных практических занятий.

Рассмотрим показатели мониторинга опытно-экспериментальной работы, анализ которой проведён за весь период работы над данной проблемой в 2013–2016 годах.

Отличительными чертами правильно составленного контрольного текста экскурсии являются:

- тщательно выверенная фактологическая информация (точные даты, цифры, имена, названия населённых пунктов, географических объектов, памятников, архитектурных сооружений и т.п.), отсыл к достоверным причинно-следственным связям или же предоставление различных точек зрения на обозначенную проблему;
- тщательный отбор объектов показа для их включения в текст и дальнейшего описания в строгом соответствии с заявленной темой;
- обязательное включение оценок исторических событий и фактов, выявление обобщений, формулировок выводов в заключительной части;
- грамотное построение предложений, логичное изложение материала, стилистически правильное формулирование мысли и разбивка текста на абзацы;

- «закольцованность» повествования (перечисленные в вводной части вопросы и проблемы в заключении должны быть освещены и закрыты);

- интеграция наглядного материала в тело контрольного текста, где под ссылкой «В портфель экскурсовода» помещены документы, архивные справки, фото- и видеоподтверждения истинности и обоснованности повествования экскурсовода;

- чёткость формулировок, ограничение количества вводных конструкций, цепочек синонимов, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, утяжеляющих текст на слух;

- дозированное использование изобразительно-выразительных средств языка (метафор, сравнений, гипербол, литот, эвфемизмов и других), которые способны как украсить текст, так и перегрузить его для адекватного восприятия;

- удобство текста для последующей переработки и создания на его основе индивидуальных текстов экскурсий.

Поэтому качество подготовки контрольных текстов и экскурсоводческое мастерство студентов оценивались по следующим критериям:

- достоверность и точность информации, представленной в контрольном тексте;

- содержательность материала, полнота раскрытия темы;

- логическая последовательность изложения материала;

- свободное, осмысленное владение информацией;

- коммуникативность, культура речи экскурсовода;

- включённость легенд, преданий, стихотворений, интересных фактов в текст экскурсии;

- наличие «портфеля экскурсовода» и его информативность;

- работа с «портфелем экскурсовода»;
- качество иллюстраций «портфеля экскурсовода».

На подготовительном этапе мы выяснили, что студенты не хотят проводить экскурсии, так как не знают технологии их разработки и проведения, их пугает мысль о том, что надо самостоятельно подготовить экскурсионный текст. В общей сложности за 3 года экспериментальной работы число тех первокурсников, которые согласились участвовать в поездке в Пермский край в качестве экскурсовода, составило 41% от общего числа участников выездного интерактивного занятия. Поэтому для мотивации бакалавров туризма к экскурсионной деятельности была разработана методика адаптации к экскурсионной деятельности в учебном процессе, прежде всего на первом этапе – к написанию экскурсионных текстов.

Результаты реализации первого педагогического условия демонстрируют динамику включённости студентов в экскурсионную деятельность. Методика реализации первого педагогического условия основана на формировании знаний ознакомительного характера в области экскурсионной деятельности в рамках учебной дисциплины «Основы туризма», когда студентам на выбор предлагаются 10–12 направлений экскурсий, которые они смогут реализовать в процессе первого виз-тура, цель которого – знакомство с туристскими ресурсами региона и формирование первичных навыков выполнения простейших профессиональных функций, в том числе экскурсоводческих, связанных с оценкой экскурсий по разработанной программе или проведение экскурсий-трансферов. Во всех виз-турах на первом курсе количество экскурсоводов значительно меньше, чем в последующие годы, а на занятиях по экскурсоводе-

нию число их становится обязательным и составляет 100%.

Методика реализации второго педагогического условия связана с организацией единого образовательного пространства учебной и экскурсионной деятельности субъектов образовательного процесса на основе дисциплин «Историко-культурное наследие региона» и «Краеведение».

В рамках данного педагогического условия на основе знания истории и культуры региона из списка предложенной тематики экскурсий студенты выбирают экскурсии по интересам. В данном процессе обязан участвовать каждый сту-

дент. По выбранной тематике на основе методики написания контрольных текстов студент составляет контрольный текст экскурсии.

Результаты реализации только второго педагогического условия, связанного с выдачей тем экскурсий и самостоятельной работой в конкретном образовательном пространстве, были получены во время поездки в Тюменскую область в 2015 году в группе ЭГ-2. Они отразились на показателях уровня сформированности искомого качества по следующим параметрам и критериям (см. рисунок 2). Средний балл составил 2,72 из пяти возможных баллов.

Рисунок 2. Оценка реализации второго педагогического условия в группе ЭГ-2 в ходе виз-тура в Тюменскую область

Реализация совокупности первого и второго условий проверялась дважды: в 2014 и 2015 годах. Во время подготовки виз-туров в Свердловскую область студенты группы ЭГ-3 опирались на методику проведения экскурсии, подготовленную для них старшекурсниками. Средний балл по комплексной оценке уже составил 3,3 балла (см. рисунок 3).

В 2015 году мы ещё раз проверили результативность второго педагогиче-

ского условия во время тура в Пермский край. Новизной данного эксперимента было то, что студенты были ознакомлены с методикой создания контрольных текстов и им была предложена тематика экскурсионных программ и мини-тексты трансферов по Пермскому краю, составленные студентами выпускных курсов.

Средний балл за конкурс экскурсоводов составил 3,0 (см. рисунок 4).

Рисунок 3. Результаты внедрения первого и второго условий эксперимента в группе ЭГ-3 во время виз-тура в Свердловскую область в 2014 году

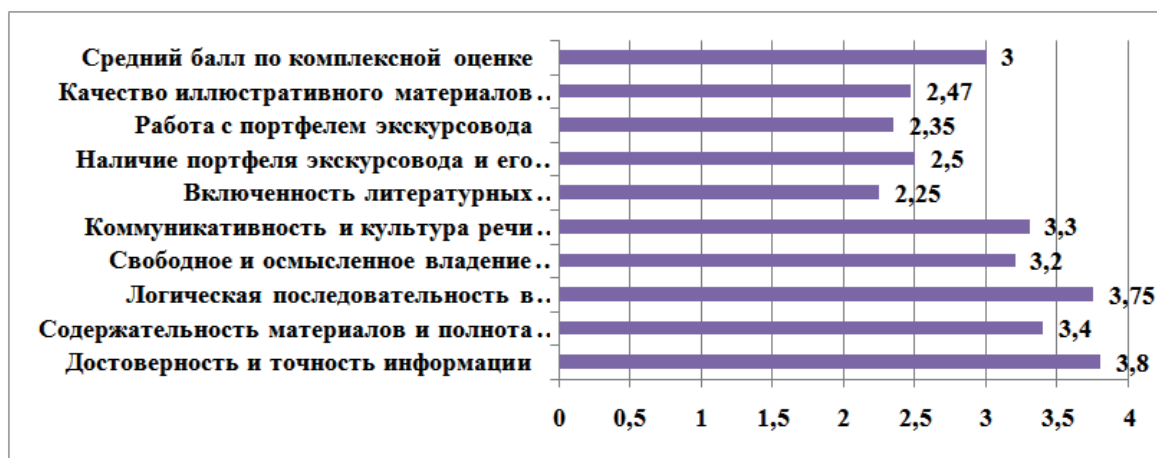

Рисунок 4. Результаты внедрения первого и второго условий эксперимента в группе ЭГ-2 в виз-туре в Пермский край в 2015 году

Второй группой, где была дополнительно проверена совокупность первого и второго условия, стали студенты 3 курса ЮУрГУ, результаты сформированности экскурсионной компетентности которых состав-

ляет 2,9 балла (см. рисунок 5). Низкий балл показал критерий включённости дополнительных художественных материалов (легенд, стихов и пр.), составивший в среднем 0,2 балла.

Рисунок 5. Результаты внедрения первого и второго условий эксперимента в интерактивном занятии со студентами ЭГ-2 на занятиях по экскурсоведению

Методика реализации третьего педагогического условия связана с включением субъектов образовательного процесса в технологический процесс оказания экскурсионных услуг, предоставление им свободы выбора идеи, способов и средств проектирования, организации и реализации экскурсионных продуктов. Данное условие реализуется в процессе конкретной учебной дисциплины, связанной с экскурсионной деятельностью.

В рамках данной дисциплины студент разрабатывает экскурсионный текст, формирует полное информационно-методическое обеспечение экскурсии, соответствующее ГОСТ 50681-2010 «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг», и в рамках практических занятий с выходом по маршруту экскурсии демонстрирует свои умения проведения экскурсии.

Совокупность всех трёх условий мы проверяли на группе студентов ЭГ-3, которые в 2013 году участвовали в виз-туре в Пермский край, затем в 2015 году – в конкурсе экскурсоводов в Свердловской области, а в 2016 году в рамках дисциплины «Ор-

ганизация экскурсионного обслуживания» разработали контрольные тексты собственных экскурсий по Челябинску, составили информационно-методическое обеспечение и провели собственные экскурсии по своим тематикам в рамках учебных занятий.

В данной группе осуществлялось поэтапное формирование экскурсоводческой компетентности по созданию экскурсионных текстов и осуществление экскурсионной деятельности (см. рисунок 6).

Средний балл по комплексной оценке уже составил 4,3. Вместе с тем в процессе проведения экскурсии мы обнаружили такие проблемы, как недостаточная глубина проработки темы экскурсии.

Если анализировать средние баллы по критериям оценивания конкурса экскурсоводов, то наиболее высокие баллы студенты получили по таким критериям, как «Достоверность и точность информации», «Содержательность материала, полнота раскрытия темы» и «Логическая последовательность изложения материала» (средняя оценка – больше 3 баллов) (см. рисунок 7).

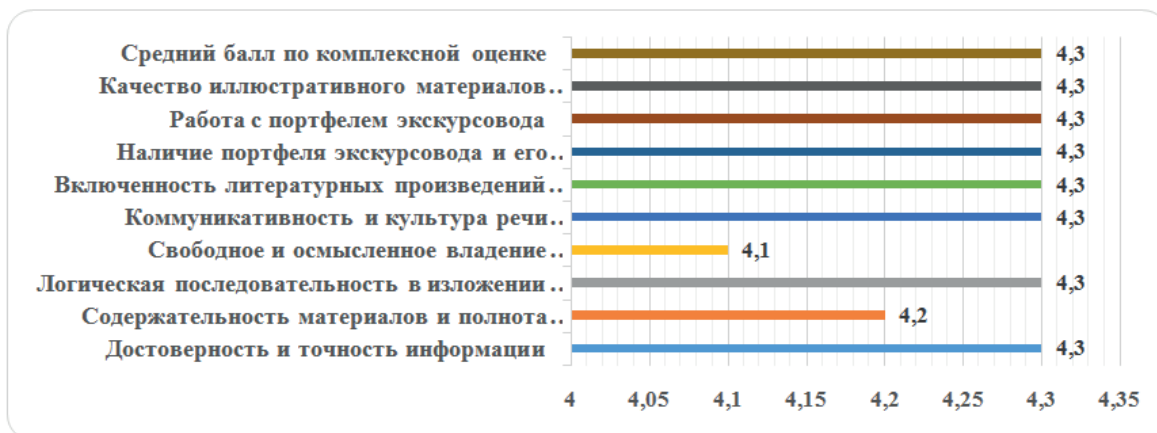

Рисунок 6. Оценка реализации трёх педагогических условий в группе ЭГ-3

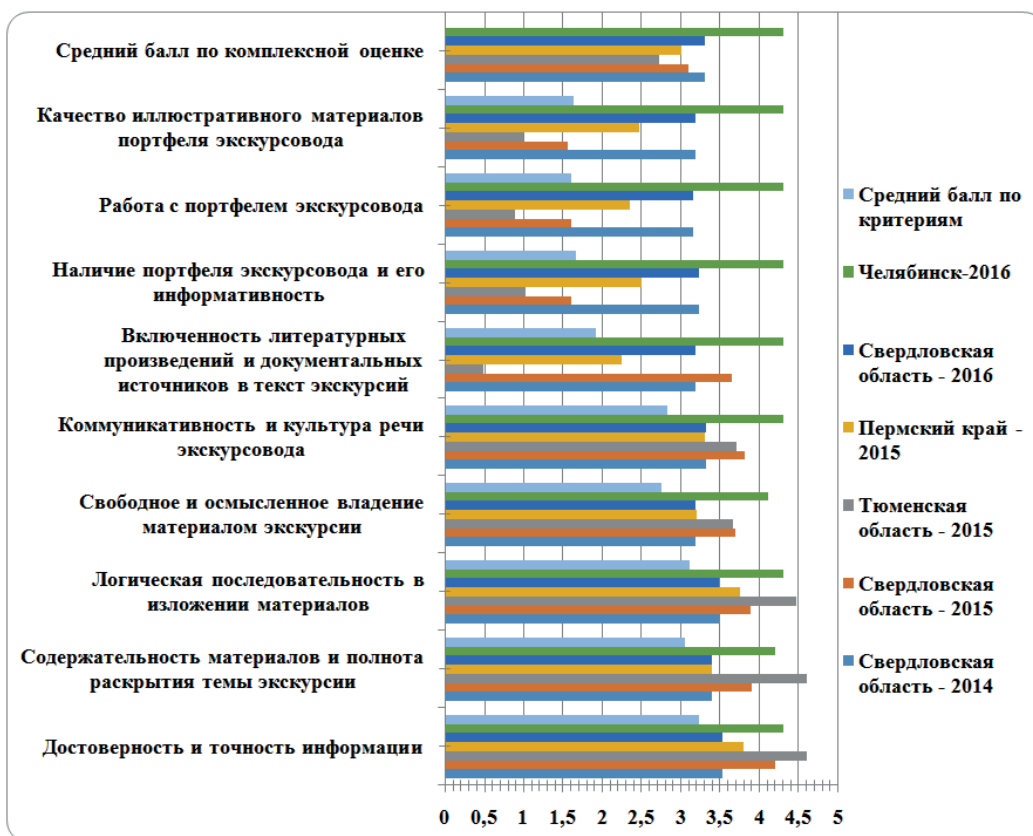

Рисунок 7. Средний балл по критериям во время виз-туров в 2014–2016 годах

Таким образом, изучение теоретического материала и работа с фактологической информацией вызывает у студентов меньше всего затруднений. Чуть хуже дела обстоят с осмыслением текстов экскурсий, коммуникативностью и грамотностью речи – 2,8 балла. Наибольшие трудности вызывает практическая составляющая в работе с контрольными текстами экскурсий – подготовка «портфеля экскурсовода» и работа с ним (1,65 балла). Это можно объяснить тем, что студенты больше настроены на воспроизведение готовых знаний и заучивание текстов, в большинстве своём взятых из Интернета, чем на самостоятельную работу по подбору иллюстративного материала. Как результат – низкий уровень сформированности способов решения профессиональных задач, пассивность и подражательность действий, отсутствие творческого отношения к делу.

Полученные данные говорят о необходимости использования модели формирования экскурсоводческой компетентности

и использования методики создания контрольных текстов экскурсий, которая помогла бы улучшить качество экскурсионного продукта. Имея перед собой образец, субъекты образовательного процесса смогли бы создавать более качественный продукт, что значительно сократило бы время на подготовку новых экскурсионных программ. Опытно-экспериментальная работа показала, что только совокупность педагогических условий в их полном объёме, а не в отдельно взятых состояниях и вариациях сочетаний, показывает наибольшие баллы результатов искомого качества. Вместе с тем мы считаем, что данный процесс требует продолжения и доработки, так как налицо недостаточность полученных знаний и времени на формирование умений и навыков.

Разработанная система может быть реализована в формате переподготовки или в формате курсов повышения квалификации по тематике структурных курсов этой образовательной программы.

Примечания

1. *Балюк Н. А.* Контрольные и индивидуальные тексты экскурсий на внутренних маршрутах : учебное пособие. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. 120 с.
2. ГОСТ Р 50681-2010. Туристские услуги. Проектирование туристских услуг. Москва : Изд-во Стандартиформ, 2011. 20 с.
3. ГОСТ Р 53997-2010. Туристские услуги. Информация для потребителей. Общие требования. Москва : Изд-во Стандартиформ, 2011. 12 с.
4. *Долженко Г. П.* Экскурсионное дело : учебное пособие для бакалавров и магистрантов. Издание 4-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. 308, [1] с. : ил., табл.
5. *Дьякова Р. А., Емельянов Б. В., Пасечный П. С.* Основы экскурсоведения : [учебное пособие для факультетов общественных профессий педагогических институтов] / под ред. Б. В. Емельянова. Москва : Просвещение, 1985. 255 с.
6. *Емельянов Б. В.* Методика подготовки и проведения экскурсий : учебное пособие. Москва : Центральное рекламно-информационное бюро «Турист», 1980. 96 с.
7. *Емельянов Б. В.* Профессиональное мастерство экскурсовода : учебное пособие / [ВЦСПС], Центральный совет по туризму и экскурсиям, Экскурсионное управление. Москва : Центральное рекламно-информационное бюро «Турист», 1986. 90 с.
8. Методические рекомендации по подготовке (переподготовке), повышению квалификации инструкторов-проводников, гидов-переводчиков, экскурсоводов [Электронный ресурс] / Министерство культуры Российской Федерации. 2016. URL: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/6fc/6fc76204dfe5679631a85386439bfa0e.pdf>
9. Профессиональный стандарт «Экскурсовод (гид)» [Электронный ресурс] : приказ Минтруда России от 04.08.2014 № 539н. (ред. от 18.03.2016). URL: https://kistis.susu.ru/images/doc/prof_st/gid.pdf

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению 43.03.02 «Туризм» (уровень бакалавриата) : приказ № 516 Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192840/
11. Хуусконен Н. М., Глушанок Т. М. Практика экскурсионной деятельности / Международная туристская академия. Москва : Невский Фонд ; Санкт-Петербург : Издательский дом «Герда», 2006. 205 с. : ил., табл.

References

1. Balyuk N. A. *Kontrol'nye i individual'nye teksty ekskursiy na vnutrennikh marshrutakh [Control and individual texts of excursions on domestic routes: a training manual]*. Tyumen, Publishing House of the Tyumen State University, 2008. 120 p. (In Russian)
2. GOST R 50681-2010. *Turistskie uslugi. Proektirovanie turistskikh uslug [GOST R 50681-2010. Travel services. Travel Services Design]*. Moscow, Standartinform Publishing House, 2011. 20 p. (In Russian)
3. GOST R 53997-2010. *Turistskie uslugi. Informatsiya dlya potrebiteley. Obshchie trebovaniya [GOST R 53997-2010. Travel services. Information for consumers. General requirements]*. Moscow, Standartinform Publishing House, 2011. 12 p. (In Russian)
4. Dolzhenko G. P. *Ekskursionnoe delo [Excursion business]*. 4th edition. Rostov on Don, Publishing house "Phoenix", 2012. 308 p. (In Russian)
5. Dyakova R. A., Emelyanov B. V., Pasechnyy P. S. *Osnovy ekskursovedeniya [Fundamentals of excursion studies]*. Ed. by B. V. Emelyanov. Moscow, Publishing house "Prosveshchenie", 1985. 255 p. (In Russian)
6. Emelyanov B. V. *Metodika podgotovki i provedeniya ekskursiy [Methods of preparing and conducting excursions]*. Moscow, Published by Central Advertising and Information Bureau "Tourist", 1980. 96 p. (In Russian)
7. Emelyanov B. V. *Professional'noe masterstvo ekskursovoda [Professional skills of a guide]*. Moscow, Published by Central Advertising and Information Bureau "Tourist", 1986. 90 p. (In Russian)
8. *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke (perepodgotovke), povysheniyu kvalifikatsii instruktorov-provodnikov, gidov-perevodchikov, ekskursovodov [Guidelines for training (retraining), advanced training of instructors, guides, translators, guides]*. Available at: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/6fc/6fc76204dfe5679631a85386439bfa0e.pdf> (In Russian)
9. *Professional'nyy standart "Ekskursovod (gid)": prikaz Mintruda Rossii ot 04.08.2014 № 539n. (red. ot 18.03.2016) [Professional standard "Guide (guide)": order of the Ministry of Labor of Russia dated 04.08.2014 No. 539n. (as amended on 03/18/2016)]*. Available at: https://kistis.susu.ru/images/doc/prof_st/gid.pdf (In Russian)
10. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu 43.03.02 "Turizm" (uroven' bakalavriata): prikaz № 516 Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 8 iyunya 2017 goda [Federal State Educational Standard for Higher Education in the direction of 03.03.02 "Tourism" (undergraduate level): Order No. 516 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of June 8, 2017]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192840/ (In Russian)
11. Хуусконен Н. М., Глушанок Т. М. *Praktika ekskursionnoy deyatelnosti [Practice of excursion activity]*. Moscow, Nevsky Fund ; St. Petersburg, Gerda Publishing House, 2006. 205 p. (In Russian)